

ПОЛ БЛЕКВЕЛ

ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

https://vk.com/unique_translations

ОНО

УТЯНЕТ ТЕБЯ

НА ДНО

Аннотация:

В динамичном подростковом триллере Пола Блеквела «Подводное течение», Кэллум Харрис выживает после падения в водопад, но придя в себя, парнишка понимает, что его жизнь кардинально отличается от той, которая была раньше.

Его родители разошлись, а теперь они снова вместе. Брат Коул был звездой футбола, а теперь он парализован. И сам Кэллум, который всегда был тихим и непопулярным пареньком, внезапно становится накачанным спортсменом, за которым увиваются сразу две сексуальные девчонки. Есть еще одно отличие, которое стоит всех прочих вместе взятых — бывший лучший друг Кэллума хочет его убить. И не только он испытывает такое желание.

Автор: Пол Блеквел

Название: Подводное течение

Рейтинг: 14+

Кол-во глав: 19

Переводчик: Виктория Томилова

Вычитка: Катя Ключникова

ПРОЛОГ

Каждую секунду пятьсот сорок пять тысяч литров воды с ревом обрушиваются с вершины водопада Кристал Фоллз — так гласят все таблички и рекламные брошюры в городе.

Что означает, что два миллиона стаканов воды или две тысячи ванн, или шесть полных бассейнов ежесекундно изливаются и обрушиваются с двадцати четырехметровой скалы вниз, где в гигантской плоске у подножья водопада превращаются в водяную пыль, пену и бурлящие потоки воды, которые потом с бешеной скоростью устремляются к реке.

Никогда даже предположить не мог, что я проследую путем воды в водопаде, но я даже не вскрикнул. Я не кричал, не боролся или что-то в этом роде. Я просто сложил руки на груди и полетел вниз так, будто уже лежал в гробу.

ГЛАВА 1

Там где я сейчас — темно. Черное ночное небо без единой звезды.

И тихо. Ну, или было тихо. Потому что до меня начинают доноситься звуки шагов. Приглушенные голоса. Тихое непрекращающееся попискивание. Все вокруг становится не таким темным, скорее темно-красным, словно лужа крови. На долю секунды я даже увидел что-то — белую, как снег комнату — а затем меня ослепил яркий свет. И все снова стало красным.

Я по-прежнему не понимаю, где нахожусь.

— Кэл, ты слышишь нас? Поддай знак, если ты нас слышишь...

Я удивлен слышать голос своего отца, но не могу пошевелить ни одним мускулом, чтобы дать понять, что слышу его. Я чувствую, как к моему лбу прижимается ладонь. Тяжелая и теплая. Пальцы отбрасывают мне волосы со лба. Слышно, что где-то рядом рыдает мама.

— Просто поддай знак, Кэл, — умоляет меня отец. — Хоть какой-нибудь...

Да, конечно. Я издам стон или сделаю что-то наподобие этого, чтобы дать им понять,

что я жив и слышу их. Это ведь не трудно?

И, тем не менее, нереально. Потому что ничего не происходит. Мое горло, язык и губы, словно застыли.

Я пытаюсь подвигать рукой, а когда не получается, стараюсь пошевелить пальцами. Но мое тело будто сделано из камня. Самого глубокого вдоха, на который я способен, достаточно только для того, чтобы мои легкие не сжались окончательно.

Нет... нет... это совсем нехорошо.

Паника охватывает меня, когда я чувствую, как чьи-то руки гладят мои конечности, щеки, голову. Боже, я парализован. Должно быть, я сломал позвоночник или разбил голову обо что-то, и теперь в ловушке, как овощ. Мне хочется заорать, заорать во всю силу легких.

От прикосновений и поцелуев становится только хуже. Мой мозг взрывается криками. Я колочу воображаемыми крошечными кулачками по внутренней стенке черепа. Я кричу, ругаюсь и плачу — но все это исчезает в жуткой черной дыре внутри меня.

Теперь я понимаю, где я.

Я в Аду.

~~~

В итоге я, видимо, отключился и мне стали сниться сны. Сначала о жизни нашей семьи до того, что случилось у водопада Кристал Фоллз, о полях и лесах, где мы с моим братом Коулом бегали, как дикари, о тихой речке, где мы плавали на каноэ. Я очень скучаю по этим местам, и они часто мне снятся.

Но затем все изменилось.

Внезапно день померк, и вот я уже вишу на раскачивающихся мостках над ревущим водопадом. Пальцы, вцепившиеся в обледеневшие перила, убивают меня. Я больше не в силах держаться.

Пальцы разжимаются, и я кричу:

— *He-e-em!*

Я просыпаюсь, как от внезапного толчка, но мое тело по-прежнему отказывается подчиняться. До меня снова доносится писк. Должно быть, это аппарат, следящий за состоянием моей жизнедеятельности. Из чего можно сделать вывод, что я в больнице.

Да, теперь я в этом уверен. Неприятная вонь дезинфицирующих средств, выбеленных простыней, и странный запах, напоминающий мне о грозе. Я не могу ошибаться.

Я всегда отлично распознавал запахи. Семейные гены, считает мой отец. И он знает, что говорит, так как он на этом построил свою карьеру — вдыхая запах пива и ароматы, витающие на пивоварнях и винокурнях. Отец как-то сказал мне, что хорошее обоняние это дар, как слух или дар к фотографии.

А для меня это словно проклятье. Для начала, если бы не этот предполагаемый дар, мы бы никогда не переехали в этот дурацкий город. А из-за моего собственного обостренного нюха, я на дух не переношу больницы — где сейчас, как мне кажется, я застрял навсегда.

— Ты выдержишь, Кэл, шепчет мой отец, где-то рядом со мной. — Ты же такой крепкий парень — для тебя это пустяки.

Ха! Ну вот, теперь он перепутал своих сыновей. Потому что я никогда не был крепким, это уж поверьте мне. Этой отговоркой всегда пользовался Коул, после того, как бывало отмутузит меня, потому что на самом деле я плаксивая тряпка.

Вот для этого и существуют старшие братья, объяснял он мне, щелкая меня по уху или тыча кулаком в бицепс, чтобы сделать таких заморышей, как ты, крепче...

Сердце ухает, когда мама снова начинает плакать. Этот звук отлично мне знаком. И я понимаю, если и есть что-то, что она не в состоянии вынести, так это ложная надежда.

— О, Кэл, — всхлипывает она. — О, мой хороший...

Хотелось бы мне ответить родителям и каким-то образом дать знать, что я все еще здесь. Затем меня посещает ужасающая мысль: что если они посчитают меня безнадежным? Что если на мне решают поставить крест?

Но погодите. Должны же быть какие-нибудь анализы, которые покажут, что я все еще здесь. Сканирование мозга. Интересно, как сейчас выглядит моя жизнь — немного красного, пяточок зеленого, несколько голубых пузырьков на мониторе компьютера?

Да, уверен, что по тестам они поймут, что я мыслю, что вижу сны. Они должны знать, что мой мозг не умер.

Чего я не могу понять, так это почему они называют меня Кэл. Они прекратили называть меня так много лет тому назад, чтобы избежать путаницы, когда зовут кого-то дома. Еще до переезда в Кристал Фоллз, мои родители начали называть меня полным именем Кэллум — как делали все, кроме Коула, который использовал мое полное имя, только в тех случаях, когда хотел показать, что он считает меня дурачком.

Кстати о Коуле, его голоса я не слышал. Где он? Он с дюжину раз ломал кости за всю свою жизнь, и, как и я, ненавидит больницы. Но я предполагал, что он все же придет навестить своего брата в коме. И где его черти тогда носят?

Под тихие всхлипывания матери, я должно быть уснул. Потому что следующее, что я помню, как проснулся от резкого укола в руку. Все вокруг было красное, но до меня наконец-то дошло, что я вижу все сквозь сомкнутые веки.

Писк вернулся, а всхлипы прекратились.

На секунду повисает тишина. Но затем я слышу звук, отрываемого пластыря. Боль становится еще сильнее, когда пластырь стягивает тыльную сторону моей руки.

Он удерживает иголку, я полагаю, — должно быть мне поставили какую-то капельницу. Я чувствую запах духов, исходящий от незнакомой мне женщины, видимо медсестры. Кто еще станет колоть человека иголками? Впрочем, аромат ее духов очень острый и напоминает мне средство для чистки унитаза.

Раздается звон — видимо что-то выбросили в мусорное ведро. Затем я слышу скрип колесиков. Тележка?

Пару секунд не раздается ни звука. Только писк. Я цепляюсь за этот звук, не желая снова погружаться в темноту. Но я так устал.

Внезапно я чувствую, как мне жарко дышат в ухо.

— Надеюсь, ты никогда не очнешься, — шепчет голос.

Голос женщины пугает меня — такое впечатление, будто сквозь меня пропустили электрический разряд. Затем ее дыхание пропадает, оставив за собой густой аромат духов.

Я слышу постепенно затихающие шаги.

~~~

Снова просыпаюсь. Свет режет мне глаза, хотя в комнате включена всего одна лампа.

Но, кому какое дело? По крайней мере, теперь я могу видеть. Что означает, что я вернулся... вернулся!

Но могу ли я двигаться? Поначалу я в этом не уверен. Привыкнув к свету, я пытаюсь повернуть голову.

Голова кажется тяжелой, как шар для боулинга. Но я могу ею двигать, хотя шея

похрустывает от прикладываемых усилий.

В поле моего зрения попадают два старых потрепанных кресла. Оранжевые. На спинке одного из них висит кардиган моей матери, должно быть, она где-то неподалеку. Может быть, вышла купить себе кофе или в туалет, или еще куда-то. Мне просто нужно дождаться ее. И держать глаза открытыми.

Когда зрение становится более четким, за креслами я вижу окно. Шторы слегка приоткрыты, и видно, что сейчас ночь — припаркованные машины блестят в свете уличных фонарей. Видно, как на парковку въезжает мини-вэн. Может быть это отец, у него есть фургон. Хотя нет. У папы голубой фургончик, а этот серебристого цвета.

Я расстроен. Мне все сложнее и сложнее удерживать глаза открытыми. Кровь напоминает кленовый сироп, но теперь я могу шевелить пальцами, и даже немного руками. Я даже вижу свои пальцы ног под простынями.

Все, кажется, функционирует. Я определенно не парализован. Если бы я не устал так сильно, то улыбнулся бы от уха до уха. Должно быть это хороший знак, говорю я себе, но тут зеваю так, что чуть челюсть себе не сворачиваю.

Боже, ну пусть уже кто-нибудь зайдет в комнату! Погодите-ка, должна ведь быть кнопка, чтобы вызвать медсестер. Такие кнопки всегда есть возле постели больного. Но затем я вспоминаю медсестру и ее духи, и боюсь, что прийти по вызову может именно она.

Нет. Мне просто нужно дождаться маму. Но я больше не в силах ждать — я засыпаю.

Когда я снова открываю глаза, то чувствую себя очень сонным. Не знаю, как долго я спал. Я все еще могу двигаться, но мне требуются невероятные усилия, даже для того, чтобы просто повернуть голову к оранжевым креслам.

Мама все еще не вернулась.

И тут я замечаю, что кто-то стоит у окна. Парень в зеленой куртке, с белыми кожаными рукавами, а на груди вышит бегущий крокодил. Капюшон толстовки парня натянут на голову, скрывая в тени большую часть его лица. Тем не менее, мой нос не обмануть, нюх у меня супер чувствительный.

Это точно Коул.

Но что он там делает? Мне хочется окликнуть его, каким-то образом дать ему знак, но я не могу. Вместо этого я просто смотрю на него.

Затем слышу, как открывается дверь неподалеку от кровати. Фигура у окна исчезает, как призрак.

В комнату кто-то входит. Я пытаюсь повернуть голову, но мне удается сделать это только наполовину. Я что под воздействием успокоительного? Не в состоянии удерживать глаза открытыми ни секундой дольше. Но я отключаюсь не полностью, так как слышу, как кто-то говорит:

— Привет, Кэл. Помнишь меня?

Это не мама, и даже не папа, но мне все равно приятно слышать этот голос. Это Брайс. Я был уверен, что он придет навестить меня. Несмотря на усталость, я чувствую, как трепещут мои веки. Я приоткрываю глаза и понимаю, что сейчас проснусь ради него.

И тут из-под головы у меня выдергивают подушку. Я ощущаю тупую боль, когда голова соприкасается с матрасом.

Ай! Что он такое делает?

— Это тебе за Нейла...

Внезапно я чувствую, как мне чем-то придавили лицо. И только теперь я вспоминаю,

как вода с ревом обрушивалась вниз, выливая на меня всю мощь водопада. Как будто на меня упала скала и придавила всем своим весом ко дну.

Подушка далеко не такая тяжелая. Но это не имеет значения. Мне нечем дышать, точно так же, как и когда я очутился на дне реки и ударился о камни.

И я не в состоянии остановить своего друга Брайса, который рычит от усилий, которые прикладывает, пытаясь задушить меня.

ГЛАВА 2

Все пошло не так, сразу, как только наша семья переехала в этот город. ДОБРС ПОЖАЛОВАТЬ В КРИСТАЛ ФОЛЛЗ — НАСЕЛЕНИЕ 12,634 человека — было написано приветственным стенде на въезде в город.

Дело в том, что с тех пор эта цифра не изменилась. Несмотря на то, что они добавили нас четверых еще до того, как мы приехали, это приветствие было ложью. Или же это было сделано намеренно, чтобы дать людям понять, что, если они не родились в Кристал Фоллз, то на самом деле они не в счет.

Прожив тут четыре года, я начинаю понимать, что в этом есть смысл.

Мы с Коулом не хотели переезжать сюда. Нам нравилось жить на окраине города, где мы могли гонять с друзьями на великах, или играть в войнушки в лесу. Там даже речка была неподалеку, по которой мы катались на лодке, мы плавали повсюду, кроме зарослей камышей, где на нас однажды напали лебеди, которых мы напугали.

А затем моему отцу предложили работу. Предложение поступило от старинного завода по производству виски, которым владела семья Холденов. Виски Холденов считался одним из лучших в стране, по крайней мере, по мнению отца.

Единственным условием получения этой работы был переезд. Мы с Коулом жутко разозлились. Мы ни в коем случае, ни за какие коврижки не хотели переезжать!

— Послушайте, мальчики, попытайтесь понять, — увещевал нас отец. — Должность мастера перегонки каждый день не предлагают.

Он объяснял, что это огромная возможность работать на компанию, которой важны искусство и мастерство изготовления. Неужели он должен упустить такой шанс и продолжить батрачить в большой автоматизированной пивоварне?

«Да!» — хором ответили мы с братом еще прежде, чем отец закончил произносить свою речь.

Маму переезд тоже не сильно радовал.

— Кристал Фоллз? — переспросила она. — В жизни не слышала об этом месте.

Она нашла город на карте и увидела, что он расположен далеко на востоке. — А как же праздники, Дон? Как мы будем видеться с моей сестрой и ее семьей?

— Они смогут прилетать и останавливаться у нас, — выдвинул предложение отец. — У них есть средства. Почему всякий раз мы едем повидаться с ними? Теперь их очередь ездить.

Все это означало, что отец уже принял решение. Несмотря на все наши возражения, он отправился и купил какое-то жилье в Кристал Фоллз. Затем на лужайке перед единственным домом, который у нас с Коулом когда-либо был, в траве, в которой мы играли еще с тех пор, когда только научились ползать, появилась табличка «Продается».

Пару недель спустя, ее сменила табличка «Продано». Вскоре после этого, мы переехали. Сразу по окончании учебного года.

Нашим новым жильем оказался старый дощатый дом, расположившийся между деревьев в конце дороги, ведущей в город. Вроде бы там жил пастор, пока семьдесят лет тому назад не сгорела его церковь по соседству. Вскоре я обнаружил темный контур креста на стене в своей спальне. И три слоя краски не смогли скрыть его — что, даже с учетом висящего на том месте зеркала, все равно очень жутко.

Но это оказалось не самым худшим. Еще в машине стало ясно, что маме даже по виду дом не пришелся по вкусу.

— Он, правда, темный, Дон, — пожаловалась мама, пока стояла на крыльце в ожидании фургона с вещами. — И старый. Я думала, что мы решили, что дом будет милый и светлый, — милый, новое бунгало или что-то в этом духе...

Отец вздохнул и его лицо омрачилось. Он объяснил нам, что не смог найти ничего подходящего. К тому же, этот дом расположен недалеко от его работы, что станет приятной переменной его старому маршруту, когда он проводил в дороге по два часа в день. Что в сумме превращалось в десять часов в неделю, пятьсот часов в год, или что-то около того, о чем он без усталости напоминал всем вокруг.

— И по мере того, как будет падать тень, Лиза, я просто спилю парочку деревьев, — пообещал отец. — Это не так уж и сложно, — настаивал он.

Сложно или нет, но отец так и не сделал этого, и деревья разрослись так, что когда дул ветер их ветки царапали по дому. С другой стороны, отец не сделал очень много, с тех пор, как мы переехали в этот дом в Кристал Фоллз, из-за чего они с мамой частенько ссорились.

Даже после того, как он нанял специального человека, который кое-что починил, ссоры не прекратились. Пока отец не ушел от нас.

Просто отпадно. Они протащили всю семью через полстраны, чтобы разойтись.

Как мы с Коулом и подозревали, проблемой был не дом, а скорее место, где он находился. Большинство людей жили в северной части города за водопадом, где было много магазинов, ресторанов и все прочие достопримечательности.

Тем временем, в южной части, где находится наш дом, ничего интересного не было, кроме площадки для кемпинга и заброшенного карьера. А, ну и дороги из города, которая, кстати говоря, ведет туда, где мы раньше жили.

Самое забавное, что когда отец съехал, он поселился в северной части. Ну, хорошо, только там можно снять квартиру, но, тем не менее, в некотором роде это довольно логично. Он живет над столовой, потому в квартире у него всегда воняет жареной картошкой. Лично я не в состоянии понять, как его якобы чувствительный нос в состоянии выдерживать этот запах.

Но это не самое худшее, квартирка крошечная, всего с одним тяжелым складным диваном, на котором могут переночевать гости. Я провел там всего одну ночь и понял, что с меня достаточно. Не имело значения, как далеко мне придется идти, пусть хоть град с неба сыпется — ночевать я иду домой. Мне нужен нормальный сон.

И это отстой, потому что отец живет недалеко от Брайса. Иногда я заигравшись в видео игры, допоздна оставался у Брайса дома, поэтому было бы очень удобно иметь место неподалеку, где бы можно было переночевать, вместо того чтобы проделывать долгий путь домой в кромешной темноте.

Брайс... даже не знаю, с чего начать. Если на чистоту, поначалу я не хотел иметь с ним дел. Ничего личного. Просто не хотел дружить с кем-то, кто служит грушей для битья Хантеру Холдену и Рикки Хо, которые сейчас являются двумя самыми знаменитыми

звездами футбольной команды.

Погодите, я сказал *звезды*? Шутка. Ведь Крокодилы предпоследние с конца списка в лиге. Мне плевать на них, с тех пор, как моего брата исключили из команды.

Я все еще чувствую вину за это, так как в некотором роде это случилось из-за меня. А случилось следующее. Поскольку в Кристал Фоллз я был новеньким, то за дружбой со мной никто особо в очередь не выстраивался. Поэтому, чтобы не умереть с тоски, мне пришлось начать тусоваться с Брайсом. Он, конечно, был несколько странный, но веселый. И избалованный, что означало, что у него свой собственный телек и куча видеоигр.

Но, как я и предполагал, Хантер и Рикки довольно скоро начали охоту и на меня. Что довольно удивительно, потому что они должны были знать, что я младший брат Коула, к тому же мы очень похожи. Коул же, не тратя времени понапрасну, быстро создал себе репутацию в Кристал Фоллз. Довольно быстро он стал квортербеком и взорвал футбольное поле. Крокодилы стали лучшей командой в лиге.

Но Бог его знает, что произошло... может они все завидовали ему. Появился какой-то новичок и занял первое место в их футбольной команде. Кого-то это явно задело за живое.

В любом случае, не то, чтобы меня сильно волновало, что они цеплялись ко мне. По крайней мере, мне хватало мужества стоять стеной за друга, а не сбегать, как трусу. Я может и не крепкий парень, но и не полная размазня.

И так продолжалось несколько лет: мы с Брайсом тусовались вместе и вместе получали тумаки. Это раздражало, но я ничего не мог поделать с этим — совершенно точно, я не хотел вмешивать во все это Коула.

Затем однажды, после того, как меня отмузузили в коридоре, Брайс пошел и нагрубил Хантеру и Рикки. Не помню точно, что он говорил... кажется, что-то о том, что стероиды, очевидно, повредили их члены. Но как бы там ни было, это задело их за живое, потому что они взялись за него всерьез. И, конечно же, никто не сделал ничего, чтобы остановить их. Все закончилось тем, что вмешался я, и меня пару раз стукнули, в том числе один раз дали в глаз.

Что было фигово, но в целом не имело особого значения. Пока ты можешь видеть, даже прикольно иметь синяк под глазом, ведь правда?

Впрочем, не так прикольно оказалось то, что не удалось скрыть избиение от Коула. Потому что кроме него самого, никому не позволено бить его брата — даже его друзьям из «Крокодилов».

В то утро все вышло плохо. Даже двое на одного, младшие ученики были не чета моему брату, более крупному, крепкому старшекласснику. Должен сказать, что было поистине прекрасно, то, как Коул отметелил их на парковке.

Одним ударом он сбил с ног с Рикки, — *бам* и тот упал, — затем перекинул Хантера через плечо каким-то дзюдо приемчиком, который он выучил еще, когда ему было десять.

Затем Коул оседлал грудь Хантера и начал колошматить его по лицу. Это было страшно. Если бы учителя не оттащили его, не знаю, когда бы он остановился... наверное, только когда он окончательно сбил бы в кровь кулаки. Никогда не видел его таки взбешенным, а ведь я не раз видел, как он выходит из себя.

И после этого все закрутилось. Потому что с Холденами нельзя дурака валять, по крайней мере, не в Кристал Фоллз. Ведь их завод по производству виски не только обеспечивает тысячи человек работой — включая нашего собственного отца — но они, к тому же, владеют чуть ли не половиной города. Все, что им удалось сделать с носом Хантера

— выправить его немного, причем за счет моих родителей.

Коула почти сразу же исключили из футбольной команды. Зуб даю, что для этого понадобился всего один телефонный звонок от боса — отца Блейка Холдена. Наверняка этот богатенький мерзавец не тратил времени понапрасну и напомнил тренеру Келлеру, что это за его счет были отстроены новенькие трибуны, и что это он оплатил счета за обновление громкой связи на поле.

Вместо того, чтобы получить привычное послабление, как самый ценный игрок команды, Коул внезапно получил двойки за невыполненные задания, что означало, что он останется на второй год.

Хантера же отпустили, просто вынеся предупреждение, чтобы он цеплял младших учеников. И он сразу же занял вакантное место квортербека.

Ничто из этого не было особо удивительным, потому что именно так делаются дела в этом городе. По крайней мере, если в дело оказываются втянуты Холдены.

Коул слетел с катушек. Просто чудо, что после того, как он разгромил кабинет тренера Келлера, его просто отстранили на время от школы. Может быть, школе втайне было стыдно за такое суровое наказание, и они решили дать ему крошечную передышку.

Не было смысла сражаться дальше; мы итак волновались, что отец может лишиться работы.

У Коула просто не осталось выбора. Ему пришлось смириться.

К счастью, отца и его исключительно мощный чувствительный нос оказалось нелегко заменить. Как и Коула в его случае. Крокодилы начали проваливать матч за матчем и съехали в таблице рейтингов вниз.

Тарам-пам-пам.

И все же, я чувствовал себя ужасно. Коул любил играть в футбол больше всего на свете — а я ему все испортил. Мне следовало бы догадаться... я должен был каким-то образом скрыть свои синяки. Но люди видели, что сделали Хантер и Рикки. Рано или поздно, Коул все равно бы узнал.

С другой стороны, я мог бы изначально держаться от всего в стороне. Я мог бы не вмешиваться в избиение Брайса, на которое он сам напросился, ведя себя как дурачок с парой горилл. Но я же не знал. Брайс был мне другом... хорошим другом.

Или я думал, что был. До сегодня.

ГЛАВА 3

Все вокруг начинает снова меркнуть, затем внезапно я снова могу дышать.

Погодите — а где же Брайс? Он пытался убить меня! Перепуганный, я судорожно осматриваю палату, ища его взглядом. Он исчез — думаю, его напугали приглушенные стуки, которые я слышал через подушку, прижатую к моей голове.

Повернув голову к окну, я вижу на стекле уже начавшие исчезать отпечатки ладоней. Но за окном никого нет. Фигура в капюшоне и куртке с крокодилом тоже исчезла, осталась только пустая парковка.

Я лежу, не шевелясь, глаза у меня широко раскрыты, а сердце колотится, как сумасшедшее. Там, правда, стоял Коул? Тот человек был так похож на него. За исключением того, что мой брат больше не носит эту куртку.

Теперь я по-настоящему пришел в себя и даже могу немного пошевелиться.

— Кэллум! — кричит кто-то с порога палаты.

— Мам!

По моим щекам начинают течь слезы. Моя мама подбегает к кровати, и, всхлипывая, начинает покрывать мое лицо поцелуями. Слышно, как медсестра зовет доктора.

— Брайс! — пытаюсь выкрикнуть я, но мой голос слишком слабый и хриплый. — Ты видела Брайса?

— Что? — мама отрывает голову от моей груди — макияж у нее совсем размазался. — Лежи тихонько, Кэл, — просит она. Пожалуйста, лежи тихонько....

Я в замешательстве. Я все еще сплю? Возможно. Но все кажется слишком настоящим.

Мама замечает лежащую на полу подушку. Она поднимает ее и пытается подложить мне под голову.

— Брайс, — хриплю я. — Брайс...

В палату вбегает доктор. Мама отходит, чтобы он мог осмотреть меня. И вот вся палата уже полна медперсонала. Они стоят вокруг моей кровати и тарачатся на меня.

Вскоре после того, как они покидают палату, приезжает отец. Он обнимает меня так, будто я сделан из стекла. Я счастлив видеть его.

— А где Коул? — спрашиваю я его, когда он отпускает меня.

— Он дома, — отвечает отец.

— Дома? — уточняю я.

— Не волнуйся, с ним Эдвина.

— Эдвина? — опять тупо повторяю я за отцом. — Как это?

Бессмыслица какая-то. Эдвина — наша соседка. Она уже пожилая, но настаивает, чтобы мы называли ее Эд. А еще у нее есть две хаски, которых она считает детьми.

Мы вечно смеялись, потому что Эдвина звала нас, как зовет своих собак. Зато она всегда угощала нас маффинами, печеньем и кусками пирога, которые она еще теплыми бросала в наши протянутые руки.

Коул всегда проглатывал свою порцию, а затем изображал одобрительный лай.

Но помимо того факта, что мы косили ей лужайку — легка работенка, за которую она всегда платила больше, чем следовало — у нас не было ничего общего с Эд. Так что, ума не приложу, почему Коул дома с ней.

Честно говоря, мне все равно. Потому что я по-настоящему зол на него. Его единственный брат чуть не умер, а он даже не пришел навестить меня в больницу?

Осмотреть меня приходит еще один врач, на сей раз это невролог. Он задает мне вопросы, на которые я старательно отвечаю. Но меня все утомляет. Я бы уже с удовольствием поспал.

Я перевожу взгляд на родителей, которые наблюдают за мной, сидя в оранжевых креслах. Они держатся за руки. Эта картина озадачивает меня.

— Ты хорошо себя чувствуешь, молодой человек? — спрашивает меня доктор, наблюдая за моей реакцией.

— Да, — отвечаю я.

— Голова не кружится?

— Нет, я в порядке.

Я снова смотрю на родителей. Они так и не разняли рук. Хм? После всего, что было между ними? Полагаю, им пришлось пройти через слишком многое за последние три дня, а именно столько я пробыл в коме, как сказал мне доктор.

Мама с отцом, наверное, уже решили, что я никогда не приду в себя.

Но сейчас мне, правда, очень хочется спать. Мои родители выражают свое беспокойство по этому поводу, но доктор заверяет их, что волноваться не о чем. Он говорит, что теперь я вне опасности, но мне нужно отдохнуть.

Мама подтягивает свое кресло к кровати и держит меня за руку, пока я пытаюсь уснуть. Несмотря на мою усталость, мне сложно расслабиться, потому что я никак не могу выбросить из головы мысли о Брайсе.

Мне не удается отделаться от ощущения, что он в любую минуту может ворваться в палату с бензопилой или чем-то похожим и закончить начатое. Когда я рассказал маме о случившемся, она сказала, что мне, наверное, все привиделось, пока я был без сознания.

В конце концов, я засыпаю, но сны мне снятся ужасные. Сны, в которых злой я куда-то иду, и за мной следом идет кто-то еще. А затем внезапно все повторяется — я снова вишу на мостках над водопадом.

На сей раз, я вижу призрачную фигуру, которая спешит ко мне, чтобы помочь, а может и навредить, но мне так и не удается узнать это, так как пальцы снова соскальзывают. Незнакомый что-то кричит, пока я лечу в реку.

Понятия не имею, виновата ледяная вода или страх, но я не могу сделать ни единого вдоха. Я открываю рот, пытаюсь заполнить легкие кислородом. Но у меня ничего не выходит.

Что означает, что кричать я тоже не могу, хотя мне очень хочется. Как и все дети в городе, я швырнул достаточное количество палок и бутылок с этого моста, чтобы знать, что произойдет, когда они достигнут воды.

Я кувырком лечу вниз.

Напрягшись, мне удается перевернуться на спину и сложить руки на груди за секунду до того, как меня подбрасывает в воздух нечто, напоминающее громадную океанскую волну. Капель становится все больше и больше, конца и края им не видно. Но когда они все же заканчиваются, мне каким-то образом удается, не задев камни, погрузиться в воду, и рев водопада мгновенно приглушается.

Неведомые силы швыряют меня туда-сюда, они отрывают мои руки от груди, разводят ноги в стороны, у меня даже веки приподнимаются. Но я вижу только пузыри. Чувствую вес, который тянет меня на дно.

Это давление вышибает остатки воздуха из моих легких. Оно утягивает меня все ниже и ниже, вколачивает меня все глубже и глубже, как гвоздь в доску. Затем меня подхватывает некое довольно сильное подводное течение.

По телу разливается острая боль, когда я затылком ударяюсь обо что-то твердое. Интересно будет ли больно, когда я вдохну в легкие эту странную пенящуюся жидкость? Может мне как раз это и нужно сделать, и покончить со всем этим.

Но затем я что-то чувствую — резкий рывок вверх. Мне просто нужно продержаться еще немного, уговариваю я себя, и постараться не дышать.

Но я не в силах противиться инстинктам — тело вынуждает меня сделать вдох. Оказывается совсем не больно. Даже приятно, хотя...

Когда я снова просыпаюсь, уже утро. Кто-то раздвинул шторы и палату заливают солнечный свет. Я смотрю в окно на парковку, и солнце, отражающееся от хромированных деталей машин, режет глаза.

Поняв, что в палате никого нет, я решаю проверить тело. У меня все болит, как будто меня сообщи избил футбольная команда. Судя по очертаниям одеяла, я понимаю, что руки-

ноги на месте, но все равно нервничаю, когда сдергиваю его с себя.

Я слышал эти чудесные истории о людях, которые пережили сумасшедшие события, как, например, авиакатастрофы или взрыв газа, и не получили при этом ни царапины. Что ж, пережить падение с водопада, эти истории ничем не напоминают. Я весь в царапинах, не говоря уже о неприятных уродливых порезах.

Царапины, раны и синяки у меня по всему телу, кроме груди, которая по какой-то странной причине ни капли не пострадала.

Открывается дверь, и я быстренько натягиваю на себя одеяло, чтобы прикрыть больничную рубашку.

В палату входит доктор — тот, который осматривал меня, когда я пришел в себя.

— Как самочувствие? — спрашивает он и помогает мне принять сидячее положение. Вот теперь все по-настоящему болит.

— Довольно паршивое, — признаюсь я. — Все тело так болит, что это убивает меня.

Доктор смеется.

— Что ж, это не удивительно, — говорит он. — Как голова? Болит?

Я рассказываю ему, что затылок побаливает, и тогда он объясняет мне, что у меня там рана. Выясняется, что эта рана — самая серьезная из всех полученных мной. Ее даже пришлось зашивать. Доктор решает посмотреть, как она заживает. Он снимает повязку и цокает языком.

— Я должен тут кое-что подправить, — говорит он.

Он так сильно натягивает кожу на голове, что мне кажется, что у меня даже уши движутся. Меня чуть не выворачивает наизнанку.

— Держись там? — спрашивает он, когда я вздрагиваю.

— Ага.

— Знаешь, тебе очень повезло, что ты не разможил себе череп о камень, о который ударился при падении, — отмечает он. — Но, как бы то ни было, даже трещинки нет — это каким же везучим надо быть? И самое главное, никакого кровоизлияния в мозг, согласно снимку компьютерной томографии, а это отличные новости.

— Тогда почему я так долго был без сознания?

— Да, это и правда странно, — соглашается доктор. — Могу предположить, что кома стала результатом переохлаждения, а не травмы головы.

И на этом спасибо. Я очень ценю предположения, когда речь идет о моем здоровье...

— Скорее всего, волноваться не о чем, — заверяет меня доктор, словно почувствовав мое недовольство. — Мы считаем, что у тебя нет никаких повреждений, которые каким-то образом могли бы повлиять на твою подвижность или способности. Так что уже очень скоро ты сможешь пойти в школу, вернуться в строй и начать бегать.

— Супер, — отвечаю я, гадая, с чего такая спешка.

— Кстати, раз уж речь зашла об этом, — продолжает свою речь доктор, — наверное, глядя на меня сейчас, не скажешь, но в юности я играл принимающим у «Крокодилов».

— Seriously, — полагаю, он говорит о «Крокодилах» из Кристал Фоллз, хотя сейчас никто их так не называет, наверное, из-за того, что с таким же названием теперь выпускаются жуткие пластиковые кроссовки. — Круто, — реагирую я.

— Но я по-прежнему смотрю матчи, когда у меня выдается возможность, — добавляет он. — И должен сказать, ты отлично двигаешься.

Ах, вот оно что, наконец-то, я понял. Он спутал меня с братом. Такое случается не

впервые. Это все из-за волос и носа — мы с братом очень похожи, так что все ясно. Особенно с учетом того, что доктор, вероятно, видел Коула только с трибун.

Я не поправляю его. Хотя кто-то разнообразия ради думает обо мне, как о герое. К тому же тогда мне пришлось бы объяснять, что Коул больше не в команде, а это не самая приятная история.

— Ладно, посиди минутку, — просит доктор. — Я пришлю кого-нибудь сменить повязку.

Он уходит, а спустя пару минут в палату приходит медсестра Барбара, намереваясь закончить начатое доктором. Повисает тяжелая тишина. Я пытаюсь пошутить, но она не смеется. На самом деле, она даже не отвечает мне, только угукает. *Эй, разве это не я выжил, упав с вершины водопада?* — хочется напомнить мне ей.

Но медсестре Барбаре, кажется, все равно. Она, вообще, ведет себя так, будто зла на меня или как будто у нее голова болит. Зачем становиться медсестрой, если ненавидишь людей?

Как по мне, так в этом нет смысла. Полагаю, не все люди негодяи с рождения, но в итоге некоторые же ими становятся. Иногда они становятся людьми, которыми никогда не думали, что станут.

Возможно медсестра Барбара, как раз из таких людей. Может, она слишком часто имела дело с пьяными подростками, которые дурно вели себя с ней, ругались на нее матом или их тошнило на нее. Может, она решила, что я был пьян или под кайфом, когда упал с водопада. Ладно, ну так я-то не такой.

Но я понимаю ее чувства, поэтому решаю оправдать ее. Мне просто следует показать ей, что я ценю ее работу.

— Слушайте, спасибо, что залатали меня, — благодарю ее я, когда она заканчивает.

В ответ она хлопает по повязке, чтобы убедиться, что она крепко держится.

— Ай! — вскрикиваю я. — Больно же!

Медсестра Барбара молча выходит из палаты. «Нет, она определенно стерва», — все же решаю я.

Днем я смотрю телевизор и жду посетителей. Приезжают родители, но Коул так и не кажет носа. Ладно, к черту его. Сделаю вид, что его вообще не существует.

Наверняка, слух о том, что я пришел в себя уже разлетелся по городу. Но Брайс больше не приходил. Я так и не понял, как расценивать его действия. У меня такое чувство, что мне, должно быть, почудилось все это. Но факт остается фактом — все это произошло на самом деле. Уверен в этом.

Я должен рассказать кому-то. Но мне страшно. Как бы глупо это не звучало, не хочу, чтобы у Брайса были неприятности.

Теперь, когда я пришел в себя, Брайсу меня не одолеть. Согласен, я не настолько силен, но все равно сильнее Брайса.

Все мои прочие друзья не приходят навестить меня. Под всеми прочими друзьями я подразумеваю Уиллоу, девчонку, с которой иногда гулял. В прошлом году в школе нас поставили работать в паре, и летом мы периодически тусовались вместе.

Нам нравилась одна и та же музыка. Я немного умею играть на гитаре, а она на укулеле, и мы даже поговаривали о том, чтобы написать и записать парочку песен вместе. (*Примеч. пер. укулеле — гавайская гитара*) Не думаю, что мы бы решились на это на самом деле, но было весело строить планы.

Меня беспокоит, что она тоже не пришла навестить меня. Последнее время, я чувствовал себя неловко в ее компании, возможно, потому что, для меня наша так называемая дружба стала неактуальна.

Конечно, она чудачка, как назвала бы ее мама; но она симпатичная и, кажется, даже не осознает этого. У нее темные волосы и ясные голубовато-зеленые глаза, которые пугают меня, когда она внезапно переводит взгляд на меня.

Но проблема в том, что я не очень-то хорош в общении с девушками. Не так, как мой брат, по крайней мере. Его последней девушкой была Моника; они встречались пару лет. Но последнее время они жутко ругались, так что, не думаю, что их отношения продлятся долго.

Что касается меня, дело не в том, что я не умею разговаривать с девчонками. Просто я понятия не имею, как продвинуться в общении дальше с одной конкретной девчонкой. Я имею в виду, я как-то завел интрижку, и даже однажды залез девчонке в лифчик. Но она мне не особо нравилась, да и я ей, видимо, тоже, поэтому все было просто ужасно.

А Уиллоу мне нравится, и мне кажется, что и я ей тоже. По крайней мере, мне казалось, что я нравлюсь ей достаточно, чтобы она навестила меня в больнице, после того, как я чуть не умер. Поэтому во мне вспыхивает надежда, когда я наконец-то слышу стук в дверь.

— Входите, — приглашаю я.

Дверь открывается. Но вместо Коула, Уиллоу или родителей, в палату входят последние люди, которых я ожидаю тут увидеть.

Пришел тренер Келлер — мой учитель физкультуры.

На секунду мелькает мысль, что я снова потерял сознание и все это мне только видится. Потому что помимо уроков физкультуры нас с Келлером ничего не связывает. Если бы мой брат не был в команде «Крокодилов», вряд ли тренер запомнил бы мое имя. Впрочем, я и сейчас не уверен, что он его знает.

Но что-то изменилось, потому что сейчас Келлер ведет себя так, будто мы закадычные друзья.

— Кэл! — кричит он прямо с порога и широко улыбается. Затем поворачивается к двери.

— Эй, не стойте там, как парочка придурков! — ворчит он. — Входите уже!

Если тренер Келлер застал меня врасплох, то теперь я просто в ступоре: в палату входят Хантер Холден и Рикки Хо. Прошаркав мимо, как будто они подозреваемые, два футболиста встают спиной к окну, почти полностью заслонив свет.

Свирепо на них зыркнув, Келлер кивает им. Первым говорит Хантер.

— Привет, бро, — здоровается он. — Как ты себя чувствуешь?

Я не отвечаю. Я просто смотрю сквозь него.

— Водопад, да? — продолжает Хантер, когда тишина становится до неловкости оглушительной. — Как ловко.

— Ага, ловко, — соглашается Рикки.

— Спасибо, — удается выдавить мне из себя. Я замечаю, что нос Хантера выглядит ровнее, чем после стычки с Коулом. Интересно, над ним поработали пластические хирурги? Если так, то это была пустая трата денег, по крайней мере, кривой нос придавал его пухлому лицу хоть какую-то изюминку.

Так как разговор зашел в тупик, вступает Келлер.

— Слушай, мы понимаем, что ты многое пережил, — говорит он и все трое улыбаются. — Так что мы ненадолго. Но мы хотели, чтобы ты знал, что команда окажет тебе поддержку.

— Спасибо, мистер Келлер, — ровным голосом отвечаю я.

— Тренер, — поправляет меня он. — Пожалуйста. Я слышал, ты ничего даже не сломал?

— Нет, отвечаю я.

— Это просто чудо. Мы все сильно волновались, ведь так, парни? Волновались, что ты уже не вернешься.

Ничего не понимаю: с чего вдруг мой глупый учитель физкультуры приперся ко мне в больницу и зачем притащил с собой этих двух прихвостней.

— Я в порядке... тренер, — заверяю я его.

— Хорошо, — говорит он. — Нам, правда, нужно, чтобы ты как можно скорее встал на ноги. Школа нуждается в тебе. А теперь отдыхай. Мы поговорим через пару дней. Пошли, парни, — зовет Келлер. — Дадим Кэлу отдохнуть.

Сказав это, Келлер выходит. Хантер и Рикки выходят следом за ним, как тренированные собачонки. Может им даже нравится обнюхивать друг другу зад. Но как только дверь за ними закрывается, я чувствую страшное потрясение. Что черт его возьми только что это было? Я вообще без понятия.

Все происходящее кажется подозрительным. С другой стороны, я только что пережил нечто ужасное, судя по обрывкам воспоминаний. Я изо всех сил стараюсь вспомнить, что произошло до того, как я упал в водопад, но пока что почти ничего не вспомнил.

Вся прошлая неделя как в тумане. Я злился на Коула? Мы поругались? Я чувствую какую-то необъяснимую злость к нему, что-то, что не в силах объяснить. Он из-за этого не навещает меня?

В дверь снова стучат. Надеюсь, что это не медсестра или доктор, а кто-то, кого я действительно буду рад видеть — кто-то кто прольет свет, что тут на самом деле происходит.

Дверь открывается раньше, чем я успеваю пригласить гостя. Человек, который входит в палату, еще более неожиданный гость, и гораздо более пугающий, нежели тренер Келлер.

Это шериф полицейского отделения Кристал Фоллз.

ГЛАВА 4

Крупный мужчина даже не подумал представиться, словно был уверен, что все подростки в Кристал-Фоллз знают, кто представляет закон в городе. А если нет, золотая звезда на его груди четко передает это сообщение, а густые каштановые усы дополнительно подчеркивают это.

Плюхнувшись в одно из кресел, шериф удобно устроился, что в принципе казалось невозможным, так как пуговицы на его бежевой форменной рубашке натянулись на животе до предела.

Что не так с этими шерифами, а? У них всегда огромные животы и хилые цыплячьи ножки. Хотя один взгляд на его бицепсы и я понимаю, что этот парень, даже не вспотев, наденет на меня наручники и затолкает на заднее сиденье полицейской машины.

Хотя я ничего плохого не сделал, все равно вздрагиваю под простыней.

— Доброе утро, сынок, — наконец-то решает подать голос шериф. — Вижу, ты снова вернулся в мир живых.

— Ага, — отвечаю я.

— Ты определенно хорошенько напугал нас всех, — говорит он, неодобрительно качая головой.

Его замечание несколько раздражает меня. Все были напуганы? Что ж, тогда представьте, что чувствовал я, летя вниз головой с водопада. Но я не позволяю эмоциям отразиться у меня на лице. Мне итак уже понятно, что шериф считает, что я сделал нечто глупое или безответственное, и наверняка, он пришел сюда, чтобы выяснить это.

Шериф рассказывает, как сильно мне повезло, что какая-то женщина, прогуливалась у реки и заметила меня на скалах. Если бы не она, я бы, наверное, замерз на смерть, бодро вещает шериф. Ее зовут Оливия Паттерсон, добавляет он, очевидно намекая, что однажды мне нужно будет поблагодарить ее за это.

Никогда раньше не слышал это имя. Я должен послать ей подарок или что? Цветы? Конфеты? Полагаю, мне придется бесплатно косить *ее* лужайку до скончания веков.

— Итак, что повреждено? — спрашивает шериф, наклонившись, чтобы осмотреть меня. — Что говорит доктор?

— Я в порядке, — отвечаю. — Рана на затылке, синяки, царапины...

— Ладно, черт подери, если это не чудо, то я не знаю что это.

— Я тоже.

Шериф умолкает и пристально смотрит на меня. Затем усаживается поудобнее.

— Итак, на что это было похоже?

— Что на что было похоже?

Шериф смеется.

— Упасть с Кристал-Фоллз, — поясняет он. — Приземлиться в реку. Понимаешь, все это веселье.

— На самом деле я не помню, — отвечаю я, внезапно пожалев, что у меня нет истории получше, которую я мог бы рассказать ему. Потому что, предположительно, мне придется отвечать на вопросы всю оставшуюся жизнь.

— Очень жаль, — отвечает шериф и качает головой. — Так как из всех людей, которые когда-либо падали в водопад, ты первый, кому у меня есть возможность задать этот вопрос...

— Что?! Были и другие?

— Конечно. Странно, что для тебя это новость.

Да, так и есть. Хотя я думал, что это возможно, но никогда не слышал о том, чтобы подобное произошло на самом деле.

— И сколько еще было подобных мне? — любопытно спросил я.

— Трое, — шериф заерзал на сиденье, начав похлопывать себя по карманам. Ему хочется курить, знаю — помню, как видел такие же точно вихляния у своего ныне покойного дядюшки Бада, который курил сигареты одну за одной. — По крайней за все время моей службы в отделении.

— Трое?

— Именно. Первый случай был спустя месяц, после того, как я вступил на должность помощника. Агнес Томпсон, милая молодая девушка, как я помню, и красивая. Нам поступило сообщение, что она пропала: не вернулась на работу после обеда и ее не было потом несколько дней.

Нам так и не удалось найти ее тело, но мы нашли следы ниже по реке. А спустя пару дней ее родители в ее почте нашли упоминание о самоубийстве.

Я снова вспомнил своего дядю Бада, который не только поджигал новую сигарету, не

докуриив предыдущую, но и в итоге вставил дуло пистолета себе в рот и застрелился. К счастью, я этого не видел. И дядя был не первым родственником, который так поступил, по крайней мере, по линии матери, где самоубийства, можно сказать, традиция среди мужчин в семье.

Внезапно у меня мелькает мысль, а уж не в курсе ли шериф случайно об этом.

— Ну да неважно, кто там следующий? — беззаботно продолжал вещать шериф. — Пацаненок. Франклин... не помню как его там по фамилии.

— Ребенок? — меня замутило. — Что произошло?

— Не знаю точно... он или специально спрыгнул, или случайно упал. К сожалению, и в его случае мы не нашли ни следов, ни записки. Только его обувь, и какие-то остатки одежды в реке. Скорее всего, он все же спрыгнул. Он был неуравновешенным, как оказалось. Его дразнили в школе и все такое...

Вот оно что, понимаю, что мне тут сейчас рассказывают. Ну, так вы, заблуждаетесь, шериф, потому что меня за всю жизнь ни разу мысли о суициде не посещали. К тому же, я чертовски боюсь высоты. Когда мы только переехали сюда, потребовалось все мое мужество, чтобы просто пройти по навесным мосткам над водопадом, и то я согласился только из-за того, что первым пошел Коул.

— Если все так и было, то это ужасно, — говорит шериф. — Вот так вот покончить с жизнью. Конечно, дети могут быть жестоки, но обычно они ничего такого не имеют в виду. Просто порой такое случается. Я прав?

Шериф внимательно на меня посмотрел. Он ждет, что я сломаюсь? Начну плакаться о том, как Хантер поставил мне синяк под глазом? Да ладно. Сейчас меня никто не достает, не после того, что сделал Коул. И шериф должен про это знать, так как это он потащил моего брата в участок, после случившегося.

Хотя, если подумать, может все дело как раз в этом. Может шериф думает, что я такой же вспыльчивый, как и мой брат. Может он считает, что братья Харрис вечно сулят неприятности.

— Ну и третий парень, — продолжил свой рассказ шериф, — что ж, этот сам напросился, — шериф рассмеялся собственной шутке. — Знаешь, если подумать, он, возможно, мог бы выиграть премию Дарвина.

Видя пустое выражение моего лица, шериф поясняет:

— Это шуточная награда, черный юмор — когда человек делает что-то настолько глупое, что доказывает, насколько он или она не блистает умом, то ему вручают премию Дарвина. Соль в том, что весь человеческий род всякий раз извлекает выгоду, когда становится чуточку менее глупым.

Это точно черный юмор, правд, лично я, никакого юмора там и не вижу, особенно с учетом того, что недавно чуть не погиб и пока еще не восстановился после происшествия.

— Звучит и правда смешно, — реагирую я, но без улыбки.

— Да, — соглашается шериф. — Был такой парень, старый пропойца по имени Датч Картер, — начинает он рассказывать.

Погодите секунду, а это имя кажется мне знакомым. Я даже могу мысленно представить себе, как он выглядел: седой старик с красным лицом и белой щетиной. Когда шериф поясняет, что он работал в винокурне, я понимаю, что, должно быть, встречал его там.

— Датч и парочка его приятелей как обычно выпивали на берегу реки, неподалеку от водопада, — продолжает свой подробный рассказ шериф. — Они были пьяны в дрезину,

большинство из них, когда одному из них пришла в голову мысль, что было бы забавно зашвырнуть сигареты Датча на камень, торчащий из воды.

— Чтобы не лишиться парочки баксов, Датч прыгнет на камень, чтобы забрать их. И он так и сделал — прыгнул на камень. А затем он попробовал прыгнуть обратно на берег. Но, полагаю, пачка «Лаки Страйк» добавила ему чутка лишнего весу, потому что, он не допрыгнул до берега буквально пару сантиметров и приземлился в воду. И *бам*: его понесло течением вниз по реке.

В животе поднялась волна тошноты, когда я представил себе неутомимый поток уносящий мужчину вдаль. Я лично прочувствовал это на своей шкуре.

— Датчу удалось ухватиться за ветку дерева, торчащую из воды. Он вцепился в нее не на жизнь, а на смерть, и стал звать на помощь своих дружков. Те побежали к нему, чтобы попытаться вытащить его. Но Датчу не повезло. Они еще только добежали до него, а силы покинули его и он выпустил ветку из рук.

— Вот так все и закончилось. Старого Датча унесло течением, и не сомневаюсь, что он орал во всю силу легких. А спасательная команда придурков примчалась в участок, все они неистовствовали и требовали, чтобы мы бежали спасать его или сделали что-то. Я серьезно. Только представь себе.

— Но, черт возьми, мы предприняли отчаянную попытку. Мы проплыли по всей реке, заглянули за скалы. Но не нашли ни единого признака Датча, как и двух его предшественников....

Но шериф, явно не закончил свой рассказ. И, уверен, что ему чертовски нравится именно эта часть, потому что он снова начинает хлопать по карманам в поисках сигарет. Судя по выражению его лица, он уже не раз рассказывал ее, и до блеска отточил все детали.

— Как бы то ни было, шли недели, — сказал он. — Все продолжили жить своей жизнью, включая стайку выпивох, которые по слухам, вылили с моста в реку бутылку виски, в память об их безмозглom друге.

— А затем, как-то вечером, парочка ребяташек отправились к тому участку реки, что возле смотровой площадки, намереваясь пошвырять камушки в водопад.

— И тут, как раз, когда они только подошли туда, выскочил он — старый Датч — прямо из воды, как пробка, весь фиолетовый и разбухший, как огромная старая виноградаина.

От нарисованного образа меня чуть не стошнило. Я подумал о том, насколько близок был к тому, что закончить свою жизнь таким образом — распухшим искалеченным трупом.

Я сглотнул несколько раз, и попытался выбросить из головы этот образ. Я жив, и не о чем тут больше говорить. Но тут меня осенило: А почему я не слышал эту историю раньше? Человек, работающий на Холденов, погиб упав в водопад? Как минимум мой отец, должен был бы, упомянуть об этом.

— Когда это случилось? — уточнил я.

— Дай-ка подумать, — ответил шериф. Он поднял глаза к потолку, и покачал коренастым пальцем, покрытым пятнами. — Это случилось шесть лет назад, если считать с этого лета.

Значит за пару лет до того, как мы переехали в Кристал Фоллз. Но меня все равно что-то мучает: почему я представил себе лицо этого человека так ясно? Я уверен, что мы с Коулом видели парня по имени Датч однажды, в винокурне, сразу после того, как мы приехали в город. Сколько Датчей может работать в одном месте?

— Шесть лет назад... вы уверены?

Но шериф не отвечает, уже забыв про это. Вместо ответа он наклоняется ко мне.

— Что делает тебя четвертым, — провозглашает он. — Правда, в отличие от предыдущих, ты каким-то образом сумел отделаться всего лишь парой царапин. Несколько сложно поверить...

— Знаю, — соглашаюсь я. Но шериф не выглядит счастливым за меня. — Думаю, у меня есть ангел-хранитель или что-то в этом духе, — добавляю я, и неловко ерзаю в кровати.

— На самом деле, это нечто даже большее, чем просто ангел-хранитель, — информирует он меня. — У тебя было кое-что, чего не было у других.

— Эм? — я понятия не имею, что он имеет в виду. — И что же это?

Шериф еще ближе наклоняется ко мне. И только тогда я замечаю, что он курит не сигареты, а сигары. В нос мне ударяет приторный запах, исходящий от него одежды, от чего меня начинает тошнить еще сильнее.

— На тебе, — говорит он, — был надет спасательный жилет.

— Что на мне было надето?

— Не заставляй меня повторяться, сынок, — сухо говорит шериф. — Ненавижу повторяться.

— Спасательный жилет? Простите. Я не помню.

И это правда: я не помню. Но я начинаю размышлять. Я точно знаю, что у нас хранятся четыре спасательных жилета: два оранжевых и два желтых детского размера, которые нам с братом уже давно малы. Они лежат в гараже, в каноэ, которое было поднято на стропила несколько лет тому назад. Чтобы достать жилет, мне бы пришлось воспользоваться стремянкой.

— Так что же случилось на самом деле? — настойчиво выпытывает шериф.

Я пожимаю плечами.

— Как я и сказал, я, правда, ничего не помню.

Мужчина кривится: он не верит мне, и не скрывает этого.

— Серьезно, — настаиваю я. — Я, правда, понятия не имею, почему на мне был жилет.

— А ты постарайся, подумай, — просит меня шериф, так и не отодвинувшись от меня и по-прежнему источая волны «ароматов». — Может быть, ты собирался поплавать? Или просто был осторожен и надел его на тот случай, если поскользнешься и упадешь?

Ума не приложу, к чему он клонит. Никто в здравом уме даже ноги не станет мочить в реке в конце сентября. Но этот ответ в случае с шерифом никуда не приведет меня. Поэтому я снова объясняю, что не помню ничего из того, что привело к моему падению.

Но теперь меня трясет. Я по-настоящему напуган. Шериф что-то скрывает, утаивает то, что, как он думает, я знаю. Вздохнув, он садится обратно в кресло. Он снова похлопывает по карманам, не сводя с меня взгляда, а затем снова говорит.

— Расскажи мне о Нейле Парсоне.

Это имя застает меня врасплох.

— Нейл Парсон? Из школы?

— Он самый.

— Что вы хотите узнать о нем?

Шериф пожимает плечами.

— Я неприхотлив. Что угодно сойдет.

Кажется, разговор проходит как-то странно, если так можно назвать нашу беседу. Как по мне, *допрос* более подходящее слово, что собственно и объясняет, почему я пытаюсь

защититься.

— Нейл обычный парень, — отвечаю я. — Учится в моем классе.

— Да, я в курсе. Но какой он?

— В смысле, какой он?

— Можешь ты сказать, что он хороший парень? Он твой друг?

— Нет. Не знаю, — запинаясь я. Я мало что знаю о Нейле Парсоне. Он спокойный башковитый. Он живет на Орчад-стрит, и то, я знаю это только потому, что моя подруга Уиллоу живет напротив него. Это я и рассказываю шерифу.

— Значит, ты утверждаешь, что не знаешь Нейла? — задает в ответ вопрос шериф, удивленно вскинув голову.

— Не так, чтобы очень.

— И ты не общался с ним вне школы? Не проводил время вместе по какой-либо причине?

— Нет, — расстроено отвечаю я.

— Ладно, — говорит шериф, и что-то записывает. — Если ты так говоришь.

— Вы не верите мне? — встревоженно спрашиваю я.

Шериф открывает рот, собираясь что-то сказать, но не успевает, так как открывается дверь и в палату входит медсестра. Я сразу же ощущаю аромат духов, напоминающих средство для чистки туалета. Увидев в комнате полицейского, она резко замирает и с ее лица сходят все краски, как будто кто-то щелкнул выключателем.

— Роза! — рявкает шериф. Табличка с именем приколоты к ее униформе. — Ты что здесь делаешь?

Женщина выглядит, как загнанный зверь.

— Работаю, — запинаясь, бормочет она.

— Не думаю, что тебе следует приходить сюда.

— Никто мне не запрещал этого делать.

— Ну а я запрещаю. И удостоверюсь, чтобы все знали об этом запрете, прежде чем уйду отсюда. Ты меня поняла?

Медсестра разворачивается и злобно зыркает на меня.

— Ты поняла меня, Роза? — повторяет свой вопрос шериф.

— Да, — отвечает женщина, перед тем как выскользнуть из комнаты.

— Твою мать, — тихо ругается шериф себе под нос, когда дверь закрывается.

Ладно, с меня хватит всего этого — я итак напуган до чертиков.

— Эта медсестра... — начинаю я.

Шериф внезапно напряженно смотрит на меня.

— А что с ней...?

— Она кое-что сказала.

— Тебе? Когда? — требует он ответа.

— Когда все думали, что я лежу без сознания.

— И что она сказала?

Мне было сложно произнести это вслух; по коже мурашки пошли только от одного воспоминания, но я все же пересилил себя: — Она сказала, что надеется, что я никогда не приду в себя.

Шериф не выглядел удивленным ни на йоту.

— Она прикасалась к тебе или что-то делала? — поинтересовался он. — Она не сделала

тебе больно?

Укол в руку не назовешь приятной щекоткой, но не думаю, что это считается.

— Нет, — говорю я ему. — Она просто выполняла свои обязанности медсестры.

— Хорошо, — с облегчением выдыхает он. — Все равно, я не хочу, чтобы она в будущем заходила к тебе. Если она появится, нажимай на кнопку вызова медперсонала. Я предупрежу заведующего.

— А что такое? — спрашиваю я. — Кто она такая?

— Она тетя Нейла Парсона, — отвечает шериф. — Его законная опекунша.

Все это совершенно не случайно, но мне ничего не объясняет.

— И? — уточняю я.

— Нейл Парсон пропал, — отвечает он. — А ты последний, кто его видел.

ГЛАВА 5

Я один в палате, сижу на своей койке и смотрю на столик возле нее, где лежит маленькая визитка с напечатанной на ней золотой звездой:

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОКРУГА КРИСТАЛЛ ФОЛЗ ШЕРИФ МАРЛОН ПАЙК.

Внезапно до меня доходит, что до этого момента, я не знал, как зовут шерифа. Да и зачем мне было знать его имя? Я ведь не влипал в неприятности. Но в городе полно ребят, которые влипают.

Я прочитал адрес участка: Кларк-стрит 608. Под адресом указан номер телефона отделения. Шериф просил меня позвонить, если я вспомню что-нибудь о происшествии или, что куда важнее, хоть что-нибудь о местонахождении Нейла Парсона.

Ну, что ж, долго же ему придется ждать. Я уже рассказал все, что знаю. Но он мне не поверил. Это было написано на его прокуренном лице.

А мной, кажется, овладевает паранойя. Никак не могу избавиться от мыслей обо всех случившихся странностях. Сначала этот визит Брайса, потом слова медсестры — тетки Нейла. Для меня это стало новостью. Не помню, чтобы видел ее раньше. А она меня ненавидит. За что? Потому что считает, что я мог каким-то образом навредить Нейлу? Не это же смешно.

Ну и тренер Келлер, который пришел с Хантером и Рикки. Еще один момент, который не поддается объяснению.

Я встаю с кровати и иду в туалет. По пути я останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. Услышав, как Роза беседует со своими коллегами неподалеку от поста медсестер, я ощущаю укол страха. Она говорит тихо, но слышно, что она плачет. Остальной персонал пытается убедить ее, что в итоге все будет в порядке.

Я слышу, как упомянули мое имя. В голосах сквозит злость. В какой-то момент мужчина обозвал меня маленьким засранцем и сказал, что меня следовало бы вздернуть и оставить гнить.

Дело на полном серьезе вышло из-под контроля.

Я быстро сходил в туалет и забрался в кровать, прежде чем кто-то застучает меня. Стоп... *застучает* меня? До чего же нелепо. Думаю, как преступник, а ведь я ничего плохого никому не сделал!

Некоторое время спустя в палату приходит другая медсестра и приносит мой обед. Я решаю вести себя дружелюбно. Покажу ей, какой я хороший парень и покладистый пациент.

— Привет, выглядит аппетитно, — хвалю я еду, которая лежит передо мной на подносе

— страшенький на вид сэндвич с ветчиной, унылая горстка фруктового салата и коробочка с соком.

Женщина напрягается и старается не смотреть на меня. Она втыкает в коробку с соком соломинку и выходит, сделав вид, что меня не существует.

Ну ладно, похоже, теперь паранойя полностью овладела мной. Я обнюхиваю обед, просто чтобы убедиться, что никто ничего не сделал с ним. Запах отталкивающий, но знакомо отталкивающий, напоминает запах, исходящий из школьного шкафчика какого-нибудь парня.

Неуверенный, я решаю провести «аутопсию» сэндвича, и приподнимаю размякший лист салата и унылый кусок ветчины, чтобы убедиться, что никто ничего туда не подсыпал.

Еда выглядит нормально. Но я, все равно, не могу есть ее. Я заворачиваю распотрошенный сэндвич в салфетку и кладу его поверх фруктового салата. А затем опустошаю коробочку с соком.

Меня посещает мысль, что возможно я зря не рассказал шерифу про случай с Брайсом. Парень пытался убить меня. Если уж на то пошло, полицию вполне мог заинтересовать этот факт.

Но как бы это глупо ни звучало, Брайс по-прежнему мой друг. Не хочу, чтобы у него из-за меня были неприятности. Мне просто нужно поговорить с ним и выяснить, что это ему взбрело в голову. Должно же быть разумное объяснение его поступку. Скорее всего, это какое-то досадное недоразумение.

Но сначала мне нужно выбраться из больницы. И, честно говоря, мне начинает казаться, что выбраться отсюда мне светит только в фургоне бюро ритуальных услуг. Чтобы там обо мне не говорили, слухи, кажется, начали расползаться. И все кто приходят ко мне в палату, либо смотрят на меня со злостью, либо вообще игнорируют мое существование. Я даже на секунду боюсь потерять бдительность.

На меня накатывает облегчение, когда наконец-то приезжает мама. Я ловлю себя на мысли, что она выглядит уставшей и, кажется, старше своих лет. В ее волосах появилась седина, которой я не помню. На ней надеты старенькие джинсы и свитер, и она не накрашена, что странно.

— Прости, что опоздала, милый, — извиняется она. — Мы так вымотались, что проспали. А твоему отцу еще и на работу пришлось пойти. Он брал отгулы из-за случившегося, и у него накопилось много дел.

Мама вытаскивает журнал, который привезла мне, что здорово, так как я помираю со скуки. Правда, журналом оказывается «*Sports Illustrated*» — тема, которая меня вообще нисколько не интересует, но я решаю промолчать. Полагаю, она выбрала его по ошибке. (Примеч. перевод. *Sports Illustrated* — американский еженедельный спортивный журнал, освещающий американские спортивные соревнования: НФЛ, МЛБ, НБА, НХЛ, студенчески баскетбольные и футбольные турниры, гонки NASCAR, гольф, бокс, теннис)

— А что с Коулом? — спрашиваю я, отложив журнал на тумбочку.

— С Коулом? О, он в порядке, — сообщает мама.

— Как чудесно, — язвлю я.

Мама определенно не замечает моего сарказма.

— Я знаю, что ты хочешь домой повидаться с братом. И у меня для тебя хорошие новости. Доктор говорит, что уже завтра тебя можно будет забрать домой.

Хорошие новости?? Да это худшие новости, какие я слышал за всю свою жизнь!

— Как завтра? — вырывается у меня. — Но, ма, я отлично себя чувствую! Почему мы не можем поехать домой прямо сейчас?

— Милый, я знаю, что ты чувствуешь себя лучше. Но доктор хочет понаблюдать за тобой в больнице еще одну ночь, а утром сделать еще одну томографию, чтобы стопроцентно убедиться, что ты в полном порядке. Береженого Бог бережет, правда?

— Не знаю, — устало отвечаю я.

— Просто прояви терпение, Кэл.

— Мам, сегодня меня заходил навестить шериф, — говорю я ей.

— Шериф? — секунду мама выглядит удивленной, а затем закрывает лицо руками. — Кэл, что ты натворил? — спрашивает она, и смотрит на меня с ледяным выражением лица.

— В смысле?

— Расскажи мне, — требует она. — Расскажи мне немедленно.

— Да ничего, мам! Ничего! — защищаюсь я. — Господи!

Мама хмурится. Она не выглядит убежденной. И вот теперь я по-настоящему чувствую обиду. Недоверие — единственная награда для парня, который и мухи не обидел до сегодняшнего дня.

— И что он хотел? — наконец-то спрашивает она.

— Он расспрашивал меня о парне из школы, — говорю я. — О Нейле Парсоне.

— Пропавший мальчик.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Видела в газете. Весь город гудит об этом. Может быть, шериф подумал, что ты имеешь к этому какое-то отношение, из-за того, что он исчез приблизительно в то же время, когда с тобой приключилась беда.

Это объясняет, почему столько людей ведут себя со мной так странно.

— Шериф сказал мне, что я последний, кто видел его, — сообщаю я.

— Ты должен честно рассказать все, что тогда произошло.

— Да ничего не произошло! — но даже я сам не уверен в этом, потому что до сих пор не помню ничего о том, дне, когда все случилось. — Я никогда не общался с этим парнем, — заверяю я мать.

— Кэл, — успокаивает меня мама, — расслабься.

— Каким образом? Если все считают, что я сделал нечто, чего я не делал?

— В таком случае скоро все утихнет, — успокаивает меня мама. — Может он просто сбежал из дома или что-то в этом духе. Надеюсь, он вскоре вернется.

— Да уж, лучше бы ему вернуться, — бормочу я себе под нос. Мама поднимает голову и встревоженно смотрит на меня. Видимо, в моих словах она усмотрела угрозу. Но я, правда, чертовски зол. И, если быть честным, то мне обидно, потому что я никак не могу отделаться от ощущения, что мне не доверяет собственная мать.

Мы сидим в тишине несколько минут.

— Ты уверена, что мне нужно провести тут всего одну ночь? — уточняю я. — А потом мы сможем поехать домой?

— Да, только одну.

— Ладно, — соглашаюсь я, как будто у меня был выбор. Мне просто придется перетерпеть.

Мама говорит, что посидит со мной и почитает, пока я сплю. Поскольку сегодня ночью я не планирую спать, я решаю, что мне лучше отдохнуть, пока есть такая возможность.

Несмотря на сосущее ощущение в желудке, я быстро засыпаю.

А проснувшись, вижу, что приехал отец. Он сидит на одном из оранжевых кресел рядом с матерью.

— Привет, пап, — зевая, здороваюсь я.

— Как самочувствие, чемпион?

— Неплохо вроде бы. Просто уже хочу домой.

— Мы скоро заберем тебя, Кэл. Смотри, медсестра только что принесла ужин. Наверное, он еще не остыл.

Я бросаю взгляд на еду — тоненький кусочек мяса, немного зеленого горошка и картофельное пюре — и решаю снова не есть, хотя и умираю с голода. Я принял решение не есть ничего, куда можно что-то подмешать. Поэтому я вру родителям, что меня немного подташнивает, и я смогу съесть только запакованный кусочек шоколадного пудинга.

Родители сидят с палате, но почти не разговаривают, ни со мной, ни друг с другом. Я поворачиваюсь на бок и пытаюсь поспать еще немного, но у меня не выходит. Я просто лежу и протираю взглядом дырки в стене. Вскоре в палату заглядывает медсестра и сообщает родителям, что часы посещения закончены.

Они оба целуют меня в лоб и желают спокойной ночи. Я пытаюсь улыбаться, но настроение у меня все равно хуже некуда. Спустя пару минут, я наблюдаю, как на парковке они садятся в фургон отца и уезжают.

Я бросаю взгляд на большие часы на стене. Боже, еще только половина десятого. Ночка обещает быть долгой. Я щелкаю пультом и включаю телевизор, но там не показывают ничего интересного, так что я почти сразу же снова выключаю его.

Я вздрагиваю от каждого звука. Начинаю думать, что мне надо было раздобыть что-нибудь для защиты, но не вижу в палате ничего, что могло бы послужить мне в качестве оружия. Только медицинское судно выглядит довольно угрожающе.

Лежу и смеюсь. А судном можно хорошенько приложить кого-нибудь по голове. Но даже у такого никудышного бойца, как я, должно быть чувство собственного достоинства. Я просто буду защищаться кулаками. У меня острые костяшки на руках, по крайней мере, Коул говорил так пару раз, когда мне удавалось ударить его.

Заскучав, я открываю «*Sports Illustrated*». Поскольку это не тот выпуск, где на каждой странице девчонки в купальниках, то журнал вполне мог бы быть на немецком, настолько он мне не интересен. Я выкидываю его в мусорную корзину, но сразу же начинаю волноваться, что мама может заметить его там и ей будет обидно.

Поэтому свесившись с кровати, я пытаюсь выудить журнал обратно. Именно в этот момент я слышу, как скрипнула дверь в мою палату. Я резко выпрямляюсь, но уже слишком поздно — человек уже навалился на меня всем весом. Я выворачиваюсь и принимаю защитную позицию, подняв кулаки вверх.

— Привет, сексуальный мой, — шепчет темноволосая девчонка, и забирается ко мне под одеяло. Шаловливая улыбка демонстрирует ее идеальные зубы, не смотря на приглушенный свет. — Скучал по мне?

До сих пор, конечно, происходили, странные вещи, но всем им далеко до того момента, когда я осознал, что в постели со мной лежит Айви Йохансен.

Вне всякого сомнения, Айви самая сексуальная девчонка в школе. У нее длинные темные волосы, поразительной красоты лицо и умопомрачительное тело. Стоит также отметить, что она на год старше меня, а так же она подающая большие надежды

спортсменка, восхитительная актриса и чемпионка школы по дебатам. Если сравнить нас, то я где-то на уровне насекомых.

Но она же здесь, в кровати со мной.

Я выругался и попытался выбраться из кровати, но простыни будто бы захватили меня в плен.

— Успокойся! — смеется Айви и придавливает мои руки к матрасу. Она снова сверкает своими идеальными зубами — такое впечатление, что они у нее светятся в темноте — а затем целует меня прямо в губы. — Неужели я *напугала* тебя? Ты такой паникер...

И она начинает щекотать меня! Что вообще происходит? Ума не приложу. Длинные ногти Айви скорее причиняют боль, нежели веселят меня.

— Ай! — вскрикиваю я, и борюсь с ней так сильно, что мне начинается казаться, что швы на голове сейчас снова лопнут. — Прекрати! Пожалуйста! Прекрати!

К счастью, Айви слушается, но быстро зажимает мне рот ладонью.

— Тише! — шепчет она мне в ухо. — Хочешь, чтоб меня тут застукали?

Широко раскрыв глаза, я качаю головой.

— Мне итак с трудом удалось пробраться сюда — там снаружи везде люди! — она убирает руку. Затем приподнимается на локте, и, надув губы, смотрит на меня. — Знаешь, вообще-то ты мог бы позвонить мне, — обиженно говорит она.

— Позвонить тебе?

— Или написать сообщение. Дать мне знать, что ты в порядке.

Айви перегибается через меня и начинает рыться на тумбочке. Ее невероятно загорелое тело прижимается к моему.

— погоди! — вскрикивает она и шлепает себя рукой по лбу, а затем скатывается с меня. — Ты же потерял телефон, когда упал в водопад, да? О, прости меня, Кэл. Не знаю, почему не додумалась до этого раньше. Ты сможешь простить меня?

Не знаю, что ей ответить. Насколько я знаю, мой телефон лежит дома в шкафу. Я разбил его пару недель тому назад, когда уронил в унитаз. Но даже если бы эта чертова штука работала, в моем списке контактов никогда не было номера Айви Йохансен.

Потому что я ее не знаю. Коул, вот он ее знает: он встречался с ней до Моники; но довольно быстро порвал с ней, назвав ее жаждущей контроля сучкой.

Нда, она определенно управляет ситуацией и сейчас — навалилась на меня и прижала мои руки к своему животу.

— Я ждала там, — шепчет она, кивая в сторону окна. — Просидела на парковке целый час, наблюдая за окном из машины, пока не уверилась, что ты остался один.

— Серьезно? — я чувствую себя еще менее комфортно, если такое вообще возможно.

— Ага. И знаешь что? Мне понравилось... каждая секунда, пока я шпионила за тобой! — она взвизгивает так громко, что у меня в ушах начинает звенеть. Затем она быстро прикрывает рот рукой и бросает нервный взгляд на дверь. — Я даже подумала, что я, наверное, какая-то извращенка...

Вау, теперь она покрывает поцелуями мою шею — что ощущается очень, очень приятно, особенно после ее жесткой щекотки. Но не настолько приятно, чтобы я забыл хоть на секунду, что Айви не только, определенно, не вращается со мной в одном кругу, но она еще и девушка чертова психа Хантера Холдена.

— Эй, что происходит? — успеваю я задать вопрос, пока она переводит дыхание.

Айви сразу же прекращает целовать меня. Ничего не могу поделать с собой, но я сразу

же жалею, что прервал ее.

— Что происходит? — повторяет Айви. — А ты как думаешь? Ты же чуть не погиб! — она прижимается губами к моему рту и начинает целовать меня в засос.

Айви Йохансен целует меня в засос на больничной койке. Даже не знаю, как это расценивать.

Стоп... может быть у меня серьезное повреждение мозга. Это многое бы объяснило. Но есть повреждение мозга или нет, думаю, мне просто нужно смириться с происходящим.

И в эту секунду в палату входит медсестра Барбара. Айви взвизгивает и ныряет под одеяло. Нет ни единого шанса, что капитан женской команды по волейболу ростом под метр восемьдесят сумеет спрятаться там.

— Юная леди, вылезайте оттуда! — кричит медсестра Барбара. — Немедленно!

Айви высовывает голову. Ее блестящие темные волосы закрывают ее лицо.

— Хи-хи, — хихикает она, как четырехлетняя девчонка.

— Что ты тут делаешь? — кричит на нее медсестра.

— Ха! — со смехом отвечает Айви. — А на что это похоже?

— Часы посещения давно окончены, — сообщает ей медсестра. — Я хочу, чтобы ты ушла. Сейчас же.

Простонав, Айви отбрасывает одеяло в сторону. Я же, увидев, что моя больничная рубашка задралась вверх в самый что ни на есть неподходящий момент, хватаю простыню и оборачиваюсь ею, когда девушка спрыгивает с кровати.

— Вон! — орет медсестра, толкая девушку к открытой двери.

Но Айви сопротивляется и отбрасывает ее руку в сторону.

— Поправляйся, Кэл, — говорит она мне на прощанье.

А я, как идиот, машу ей в ответ.

Тяжелая дверь захлопывается, и я остаюсь наедине с медсестрой Барбарой — сцена начисто лишена сексуальности.

— Простите, — извиняюсь я, все еще ощущая вкус губной помады, которой вероятно перепачкано все мое лицо. — Слушайте, я не приглашал ее сюда. Она сама пришла... даже не знаю зачем, — я смеюсь и качаю головой. — По правде говоря, я с ней толком и не знаком.

Не знаю, чего я парюсь. Медсестру Барбару мои объяснения нисколько не интересуют. Закончив выполнять свои обязанности, она сердито зыркает на меня и уходит.

Некоторое время я лежу, натянув одеяло до подбородка. Не похоже, чтобы это был сон, слишком по-настоящему все ощущалось. Но, слушайте, подобные штуки со мной не происходят. Что-то здесь не так.

Повернувшись к окну, я вижу, что шторы по-прежнему открыты. Интересно Айви еще там? Может она сидит в машине на парковке и наблюдает за мной в эту самую секунду. Не буду утверждать, ведь я понятия не имею, как выглядит ее машина.

С удивлением я замечаю фигуру в фирменной куртке «Крокодилов», которая пересекает парковку. На голове у парня капюшон и я не вижу его лица, но он определенно смотрит именно на меня. Это та же самая фигура, которую я заметил перед тем, как в палату вошел Брайс.

На этот раз я готов поклясться, что даже походка у него, как у Коула.

Я чертовски зол. Не знаю, что он задумал, но это нисколько не смешно. И я даже не собираюсь ему подыгрывать.

Хотя ноги болят, я все равно встаю и задергиваю шторы.

Из коридора доносятся голоса.

Я подхожу к двери и какое-то время прислушиваюсь, но это просто разговоры уставшего медперсонала, перекрывающие обычные звуки больницы. Затем все затихает. Становится тихо, как в морге.

На обратном пути к кровати, я подбираю неиспользованное судно. И хотя оно не такое тяжелое, как я надеялся, все равно оно сделано из какого-то металла. Вряд ли кому-нибудь захочется получить этой штукой по зубам.

Я запикиваю его под подушку, просто на всякий случай, и готовлюсь не спать до утра.

ГЛАВА 6

Не единожды я проваливался в сон, но всякий раз просыпался, словно от удара, и покрепче сжимал холодную ручку судна.

Но ко мне никто не приближался — думаю, что никто даже ни разу не заглянул в палату. Что странно, как по мне, ведь медсестры должны проверять пациентов время от времени?

Видимо на меня это правило не распространяется.

К утру, я уже начинаю задаваться вопросом, может я просто раздул из мухи слона. Может я просто пребываю в шоке от произошедшего со мной. А кто бы не был?

Тем не менее, я донельзя счастлив, когда, наконец-то, приезжает мама. Вскоре после ее приезда у меня берут кое-какие анализы. Затем мы ждем, пока мне не разрешат поехать домой.

— Если никаких симптомов не будет в течение пары недель — ничего похожего на проблемы со зрением, тошноту или еще что-то в этом роде — то не вижу препятствий для твоего возвращения в команду, — говорит доктор.

— Отлично, — отвечаю я, как будто для меня это вопрос первостепенной важности.

Я готов кивать и улыбаться чему угодно, лишь бы меня выпустили отсюда. И судя по взглядам, которые бросают на меня по пути к выходу, я не единственный, кто не желает видеть меня в больнице ни минуты дольше.

Санитар везет меня на инвалидном кресле к выходу с такой скоростью, как будто участвует в гонках. Он вывозит меня за порог и никаких тебе «поправляйся поскорее», «всего тебе хорошего», вообще ни слова.

Он не забирает кресло и уходит обратно. Даже моя мама замечает его странное поведение и возмущенно смотрит на него.

— Какой сегодня замечательный день, — говорю я, надеясь отвлечь ее от того факта, что, кажется, вся больница люто ненавидит ее младшего сына.

— Да, сегодня солнечно, — отвечает мама и помогает мне встать.

Мне больно наступать на ногу и я, прихрамывая, иду по парковке к маминной машине.

— Ох, бедный ты мой, — жалеет меня мама, глядя на меня. — Тебе надо было подождать на ресепшене. Я бы подогнала машину ко входу.

— Я в порядке, ма, — и я заверяю ее, что скорее всего все из-за того, что я залежался.

По ощущениям суставы у меня опухли и ноют. Но и не удивительно — я упал в водопад, и должно быть меня там швыряло как щепку.

Мама снимает блокировку со своего надежного, но уже давно проржавевшего красного хэтчбека, который она купила за пятьсот баксов вскоре после того, как мы переехали в Кристалл Фолз. Мой брат — самопровозглашенный эксперт по автомобилям — заглянул под

капот и сказал, что машина протянет максимум год.

Но она почему-то отказывается умирать. Мы частенько шутили, что, наверное, можно на ней упасть с горы, а она все равно останется на ходу.

Выяснилось, что у маленького ржавого корыта и меня теперь есть нечто общее. Правда машина, не проявляет дружеских чувств, заставив меня четыре раза дернуть ремень, прежде чем он вытянулся на нужную длину и я смог пристегнуться.

Плечо пронзает острая боль, и я снова чувствую, что швы у меня на голове вот-вот лопнут.

Надежно зафиксированный в уютной маленькой смертельной ловушке, я пытаюсь расслабиться. Сегодня действительно хороший день, отмечаю я, глядя на улицу через грязное стекло. Должен признать, что в Кристалл Фолз очень красиво осенью.

А когда из-за холодов большинство туристов и путешественников в трейлерах уезжают, на Мейн-стрит, наконец-то, появляются парковочные места, а в столовой всегда можно найти свободный столик, когда бы ни зашел. К ноябрю город принадлежит только своим жителям, и так бывает до мая, пока не потеплеет.

Ну, может своим жителям не совсем правильно сказано.

Забавно, что прожив в Кристал Фоллз четыре года, можно по-прежнему оставаться чужаком.

Даже Брайс, который переехал в город, когда ему было пять лет, не считается «КЖ» — коренным жителем. В тоже время в городе есть семьи, в честь которых названы некоторые улицы: Мейфилды, Дэниелзы, Уилтоны и Гайсиз.

Все эти фамилии имеют влияние в Кристал Фоллз.

Ну и, конечно же, Холдены, один из которых пронесится мимо в своем роскошном внедорожнике, как раз когда мы выезжаем с парковки. Они занимаются своим коньячным бизнесом уже сто тридцать лет. Ходят слухи, что они занимались этим тайно даже во времена сухого закона, благодаря чему удесятирили свое состояние. А теперь они практически владельцы города.

Что, видимо, объясняет, почему миссис Холден — я заметил ее белокурые локоны за рулем — без зазрения совести мчится на скорости девяносто пять километров в зоне, где максимальная разрешенная скорость — всего пятьдесят. Теперь дорога свободна и мама выезжает. Я смотрю в окно пока мы едем по Мейн-стрит.

— Эй! — внезапно восклицаю я. — А что случилось с «Электроника Вероника»?

— Что прости? — спрашивает мама.

— «Электроника Вероника», — повторяю я. Мы с Брайсом частенько подолгу торчали в этом магазине, поскольку это единственное место, где продают видео-игры. Вытянув шею, я вижу знакомую витрину, но вывеска, написанная буквами в стиле семидесятых, исчезла. В витрине темно.

— Электро... что? — переспрашивает она.

Но я не отвечаю. Потому что замечаю, что другие магазины тоже исчезли, как, например, то кафе, куда ходят старшеклассники. На его месте теперь ремонтная мастерская, в витрине которой обустроили «кладбище» пылесосов.

Много чего исчезло, я в этом не сомневаюсь, или закрылись или были вытеснены конкурентом.

— Что, черт возьми, случилось с Мейн-стрит? — выкрикиваю я. Краем глаза замечаю, как мама бросает испуганный взгляд в мою сторону. Но я не в силах сдержаться.

— Да это же просто нелепо, — кричу я. — Куда подевался «Бургер Дилайт»?

— Ты хорошо себя чувствуешь, Кэл? — настойчиво интересуется мама.

— Да, а что?

— Тебе давали какое-нибудь лекарство перед тем, как мы уехали?

— Нет.

— Просто ты странно себя ведешь.

— Я в порядке, клянусь, — но я лгу. Посмотрев по сторонам, могу точно сказать, что я далеко не в порядке. Совсем. Я опускаю голову и тру виски, а мама едет дальше. Когда я поднимаю голову, мы уже свернули с Мейн-стрит на дорогу, которая ведет к выезду из города.

Когда мы проезжаем мимо церкви, меня снова ждет потрясение: обычно ярко белая обшивка выглядит грязноватой и нуждается в покраске, а обычно идеально выкошенная лужайка заросла травой и сорняками.

— Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? — снова интересуется мама. — Я могу отвезти тебя обратно. В больнице тебя еще разок обследуют...

— Нет! — кричу я. — Нет!

Своими криками только еще сильнее пугаю маму. Она оглядывается через плечо, словно собирается развернуть машину.

— Ну, серьезно, я в порядке, — уговариваю я ее. — Прости, что кричал. Давай просто поедem домой.

— Ладно, — соглашается она. — Наклони сиденье и постарайся расслабиться, Кэл. Мы будем дома через пару минут.

Я откидываюсь назад, насколько это позволяет сопротивляющееся старое сиденье. Почувствовав тошноту, я приоткрываю окно и впереди вижу мост. Вскоре я уже слышу *громкий гул* водопада.

А еще пару секунд спустя, мы начинаем головокружительное путешествие по мосту, и справа от нас виднеется водопад.

— Не смотри туда, Кэл, — умоляет меня мама. — Ты только травмируешь этим себя.

Но мама понятия не имеет — ни малейшего — что моя травма вызвана не мрачными мыслями или жуткими воспоминаниями, но ставшим более мрачным городом, беспокоящими меня вопросом, которые заслоняет все прочие мысли:

Что, черт его возьми, происходит?

Я поворачиваюсь и смотрю в окно с о своей стороны на бурную речку, извивающуюся слева от нас. У меня просто были галлюцинации, пытаюсь я убедить себя. Я стукнулся головой и все в мозгу перепуталось. Мой мозг так подшучивает надо мной. Все это не по правде.

Но эта мысль меня несколько не утешает.

Когда мы доезжаем до другого конца моста, я вижу знак, указывающий путь к стоянке кемпинга и огромный рекламный щит, на котором написано:

СПИРТО-ВОДОЧНЫЙ ЗАВОД ХОЛДЕНОВ, 8 МИЛЬ. ВСЕГДА РАД ПОСЕТИТЕЛЯМ!

Я зажмуриваюсь и не открываю глаза до тех пор, пока не слышу знакомый хруст гравия нашей подъездной дорожки. Только тогда я решаю, что могу без опаски открыть глаза.

К несчастью, я ошибался.

Я шокирован до такой степени, что даже не в силах кричать.

Все выглядит совершенно иначе.

Да, номер дома остался прежним — 4275. Но дом больше не зеленого цвета — он ярко-голубой. Весь участок земли очищен от деревьев, кроме магнолии, растущей перед домом. На месте деревьев только трава — гладкий участок с ровно скошенной травой.

— Как ты, сынок? — спрашивает мама. — Тебе лучше?

— Ага, — выдавливаю я, хотя для этого ответа мне требуется вся моя сила воли. — Гораздо лучше.

— Ладно, тогда ты пока иди в дом, а я вытащу вещи из багажника.

Вот только мне совсем не хочется заходить в дом одному. Я слишком нервничаю.

— Вещи? — спрашиваю я. — Какие вещи? — помимо одежды, которая на мне, не помню, чтобы в больнице у меня были какие-то другие вещи.

— Просто кое-какие продукты, Кэл. Не волнуйся, я справлюсь сама. Вот, держи мои ключи. Иди и навести брата.

Мой брат не в школе? Значит, он не соизволил навестить меня в больнице, но выбил себе выходной в день моей выписки.

Дрожа, я вылезая из машины и направляюсь к входной двери. Воспользовавшись маминими ключами, я отпираю замок и открываю дверь, страшась того, что могу обнаружить внутри.

Но внутри нет ничего необычного, разве что я не увидел огромные кроссовки Коула, об которые вечно спотыкаюсь. Я стою на пороге, и все тело буквально покалывает.

Не горю желанием видеть брата, решаю я. По крайней мере, пока что. Может быть, я ненадолго прилягу. Возможно, если я посплю все вернется на круги своя и снова обретет смысл. Я поднимаюсь вверх по лестнице, цепляясь за перила так, словно весь дом накренился под углом.

Добравшись до площадки второго этажа, я сворачиваю направо к двери своей спальни, плакат на которой гласит: Опасная зона — Не входить!

Должно быть это было забавно, когда мне было двенадцать, но сегодня это предупреждение выглядит несколько устаревшим.

Открыв дверь, я замечаю, что в комнате что-то изменилось, но на первый взгляд не могу определить что именно.

Не важно. У меня начинает кружиться голова и меня тошнит. Мне просто хочется прилечь. Не снимая ботинок, которые я забыл снять еще при входе в дом, падаю на кровать.

Несколько секунд я лежу, уткнувшись носом в подушку, но ощущения напоминают мне нападение Брайса, поэтому я, с трудом дыша, переворачиваюсь на бок. Рана на затылке пульсирует, все тело болит.

Я лежу так от силы минуту или две, когда слышу, как в дом зашла мама. Она заносит сумки на кухню, а затем зовет меня.

— Кэллум?

По крайней мере, один раз она произнесла мое имя правильно. Крошечный шажок к нормальному состоянию, но я рад и этому.

— Кэл, ты в порядке?

— Я в своей комнате, — отзываюсь я. — Прилег.

— Хорошо, милый. Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Некоторое время я лежу с закрытыми глазами, надеясь, что это поможет моим нервам успокоиться. Я снова начинаю думать о возможности осложнений после травмы мозга, и что

возможно, я трачу время впустую, просто лежа тут.

Может у меня внутреннее кровотечение или еще что-то, и оно каким-то образом повлияло на мою память.

Но ведь доктор сам сказал: мой мозг в порядке. Все в норме, согласно результатам сканирования. Тем не менее, я вспоминаю все истории, которые слышал, о людях, которые ударились головой и потом и у них были странные необъяснимые симптомы.

Например, история, которую мой учитель биологии прочитал в газете, о женщине в Англии, которая пришла в себя и поняла, что говорит с китайским акцентом. Если это правда, тогда возможно все.

Надо забыть про это, не хочу сейчас думать о подобных вещах. Просто хочу взять себя в руки. Лежа с закрытыми глазами, вдруг ловлю себя на мысли, что я гадаю, где же Коул. Он определенно слышал, как я зашел в дом.

Впрочем, может быть, он ушел куда-нибудь. Повел Джесс на прогулку — очевидно, эта обязанность легла на его плечи, пока меня не было. Это объясняло, почему она не выбежала мне навстречу, когда я вернулся домой.

Нет. Я слышу, как мама открывает дверь подвала и собака пулей вылетает оттуда. Мы не оставляем ее одну в доме, иначе она порвет все в клочья. Так что будет она скулить или нет, ее все равно запирают.

Цоканье когтей Джесс по полу кухни помогает мне почувствовать себя лучше. Она так рада, что кто-то пришел домой и, вероятно, получила вкусняшку за то, что долго сидела взаперти. Это больше похоже на дом, который я помню. Это дом, который я знаю.

Дыхание у меня замедляется, и я чувствую себя значительно лучше. Я просто хочу видеть свою собаку.

Открыв глаза, сажусь.

Что-то в моей комнате все-таки не так. Но что? Стоп — на полках нет книг. Половины моей коллекции, может даже большей ее части. Вместо них там лежат странные штуки: журналы, уродливые золотые кубки, и черный чемоданчик.

Нахмурившись, я встаю с кровати, подхожу к полкам и открываю чемоданчик. Труба? Что спрашивается мне делать с трубой? Я перевожу взгляд на толстую стопку журналов, лежащих там, где раньше стояли мои книги. Вытаскиваю один.

Поверить не могу. Еще один номер чертова *Sports Illustrated!*

И вот теперь мне становится по-настоящему неудобно. Такое ощущение, будто в комнате кто-то есть, и этот кто-то наблюдает за мной. Я резко оборачиваюсь.

К моему ужасу на меня смотрит высоченная полуголая женщина. На стене висит постер, на котором изображена девушка в бикини, стоящая на четвереньках, а за ее спиной можно видеть прибор. Кто, черт его возьми, повесил это в моей комнате?

Ладно, эту загадку несложно разрешить. Наверняка это дело рук Коула — у кого еще может быть такое плоское чувство юмора?

Но это только подогревает мою злость. Вместо того, чтобы навестить меня в больнице, он оставался дома, чтобы подшутить надо мной, как будто это какой то длинный веселый сериал.

Он вообще не понимает, насколько все было серьезно? Как близок я был к смерти?

Есть у меня повреждения мозга или нет, но я пока еще не выжил из ума и могу сообразить, что произошло здесь — Коул заменил мои вещи своими. Значит он где-то поблизости, прячется и гогочет про себя.

Ха-ха. Ладно, он еще за это заплатит. Он дорого заплатит, и мне в этом помогут мои острые костяшки.

Я проверяю шкаф — там брата нет. Поэтому я вылетаю в коридор.

— Коул! — ору я. — Коул, скотина ты эдакая!

На лестнице раздаются быстрые шаги матери.

— Что происходит? — спрашивает она, когда видит меня на верху лестницы.

— Где Коул? — хочу я знать — Где он?

С лица матери сходят все краски.

— В своей комнате, конечно же, — губы у нее начинают дрожать. — Где еще он может быть?

Я бегу мимо нее к двери в спальню брата. Распахнув ее, понимаю, что там темно хоть глаз выколи.

Ага, так он хочет поиграть, вот так вот? Выпрыгнуть на меня или что-то в этом духе? Ладно, посмотрим, будет ли ему весело, когда я заеду ему кулаком по лицу...

Я включаю свет и замираю от шока.

Потому что с его комнатой тоже не все в порядке. Исчезла кровать королевских размеров, занимавшая большую часть комнаты. Вместо нее я вижу аккуратно заправленную односпальную кровать. Стол тоже исчез.

На стенах нет постеров — никаких девчонок и футбольных звезд. И самого Коула тоже нет.

В комнате те обои, которые были тут, когда мы только переехали.

— Господи-боже-мой — котята. Серьезно? — закричал мой тогда еще четырнадцатилетний брат. — Да вы, наверное, прикалываетесь надо мной! — а мы с родителями согнулись пополам от смеха за его спиной.

— Не стоит быть столь строгим к этим крошкам, — сказал ему отец. — Через пару лет, ты полюбишь их, — но это, конечно же, была шутка; именно в его комнате начале ободрали обои и сделали ремонт.

Снова увидев этих сумасшедших мультяшных котиков, кровь в жилах у меня застывает. Я разворачиваюсь к матери.

— Где Коул? — умоляю я ее сказать мне. Я больше не злюсь — я напуган. — Где Коул?

Мама отшатывается от моего вопроса.

— Что происходит, Кэл? — испуганно спрашивает она. — Да что с тобой такое?

Я смотрю на мать и ничего не понимаю. А она просто стоит там, и на ее лице мелькает паника, но затем мама открывает двери в гостевую спальню. Она заходит туда и ждет, что я последую за ней. А когда видит, что я остался стоять на месте, то протягивает мне руку.

— Кэл, все в порядке, — уговаривает меня она. — Зайди, посмотри на него.

Меня трясет с головы до ног, пока я пересекаю площадку второго этажа. Я беру маму за руку и позволяю ей вести меня.

Гостевую комнату перекрасили, я замечаю это сразу же, вместо кремового оттенка, стены стали светло-голубыми. И из комнаты доносятся какие-то звуки. Странные звуки, которых я никогда раньше не слышал.

Я поворачиваю голову. В глубине комнаты стоит кровать, но не просто кровать. Там стоит больничная кровать, как та, которая была у меня в больнице, только она больше по размеру: кровать с электрическим управлением, которую судя по ее виду можно наклонять в разные положения.

Возле кровати стоит какой-то аппарат — прибор белого цвета, напоминающий робота со свисающим с него шлангом.

Этот шланг подключен к фигуре, лежащей на кровати и укрытой одеялом. Глаза человека широко открыты, но он не шевелится.

— Коул, — тихонько зовет его моя мать голосом, которым обычно будит меня по утрам, когда я сплю так крепко, что не слышу будильник.

Фигура издает какой-то звук. Жуткий и дребезжащий.

— Коул, твой брат вернулся домой, — говорит она ему. — Теперь все будет в порядке.

ГЛАВА 7

Помню июль перед нашим переездом в Кристал Фоллз. мне тогда только исполнилось двенадцать, а Коулу — четырнадцать. То лето было очень жарким и сухим. Все было подернуто дымкой и напоминало марево.

Отец объяснил, что дымка появилась из-за пожара на севере в лесу. Когда мы запаниковали, отец сказал, что волноваться причин нет: пожар ни за что не сможет пересечь реку и добраться до города. Тем не менее, пожар видимо был очень сильный, так как мы постоянно ощущали запах горелого дерева.

От этого запаха мне становилось нехорошо, напоминая мне о том, что произошло, когда мне было восемь. В том возрасте мне нравилось играть со спичками, и я, бывало, утаскивал их оттуда, где их от меня прятали — из-под стопки кухонных полотенец в комод на кухне. Мне нравилось поджигать что-нибудь: бумажки, старые игрушки. Но со временем я перешел к поджиганию мусора на свалке, где я как-то раз развел довольно серьезный пожар — достаточно сильный, чтобы на площадке с мусором поставили предупредительный знак.

А несколько недель спустя, я увидел, что сосед забыл закрыть дверь гаража. Поэтому я вошел внутрь, чтобы там все осмотреть. В углу лежала куча тряпья. Не знаю, что на них лежало, но мне понадобилось чиркнуть всего одной спичкой, чтобы эта куча вспыхнула. Я сразу же выбежал наружу.

Через несколько минут пылал уже весь гараж. До сегодняшнего дня понятия не имею, зачем сделал это, но было так приятно наблюдать, как он горит. Меня нашли сидящим на траве перед ним, с коробком спичек в руках.

К счастью, гараж стоял отдельно от дома и никто не пострадал. Но бедные мои родители. Закончилось все тем, что из-за этого случая меня направили к психологу.

Видимо этот мой поступок был расценен как признак...а вот чего, никто не потрудился мне объяснить. Тетенька постоянно задавала мне вопросы, испытываю ли я чувство вины за свой поступок. И я постоянно лгал, что испытываю. Но я ничего такого не испытывал... уверен, что не испытывал. Просто был слишком напуган, чтобы признать это.

Теперь я стараюсь держаться подальше от спичек, просто на всякий случай.

В любом случае, тот день, когда за городом горел лес, мы с Коулом начали в плохом настроении. Нам обещали развлечение: отец сказал, что мы целый день поведем в каком-нибудь огромном аквапарке. Но нас это не интересовало.

С учетом того, как мы переживали из-за того, что нам придется лишиться всего, к чему привыкли, какое-то развлечение не могло компенсировать это.

Тем не менее, было сложно постоянно злиться, по крайней мере в тот день. Парк оказался классным. Он был оборудован не подходящей по сезону горкой для спуска на досках, бассейном с искусственными волнами и кучей горок, включая реально длинную

извивающуюся горку, по которой надо было спускаться по большим трубам.

Самый страшный спуск начинался сразу с горы и шел вниз под углом почти в девяносто градусов.

— О, да, я обязательно опробую *эту*, — заявил Коул.

Что означало, что мне тоже придется скатиться по ней, потому что ни за что на свете я не позволю своему брату думать, что я больший неженка, чем он итак считает меня. Но меньше всего на свете мне хотелось скатиться с такого монстра.

Я тянул время, надеясь набраться мужества, скатываясь с маленьких горок. Мы даже прокатились на подъемнике вверх по огромной трубе, что в некоторой степени тоже было страшновато, как по мне.

Я мечтал, что он забудет о той горке и вспомнит позже, когда мы уже будем выезжать с парковки.

Но нет. Это было попросту невозможно.

— Вот она, та большая! — заорал он, когда ярко-голубая горка появилась на крутом горном склоне. Кто-то вылетел из трубы, как пробка из бутылки.

У меня подкосились коленки.

Нет, не буду спускаться, — решил я.

— Чего копаешься? — спросил Коул, подбежав ко мне, когда понял, что меня рядом нет. — Ты идешь или нет?

— Не знаю. Думаю, я пасс.

— Нет, ты пойдешь.

— Нет, не пойду.

— Ну же, Кэллум. не будь такой тряпкой.

— Я не тряпка, — ответил я ему. — Просто не хочу.

Мой брат яростно выдохнул через нос, как взбешенный бык. Но затем его будто осенило.

— Кэл, слушай, — начал он. — В чем соль жизни, если ты никогда не почувствуешь себя живым? Решись на это и почувствуешь себя более живым, чем когда-либо, клянусь тебе.

Я вспомнил ту ситуацию с гаражом и насколько живым я чувствовал себя, пока смотрел, как тот горит.

— Сказал же, что не хочу, — снова отказался я.

Коул покачал головой, явно испытывая отвращение ко мне.

— Ну и зря, — пожал он плечами. — Тогда хотя бы на меня посмотри — мне нужен свидетель.

— Свидетель? Что ты задумал?

— погоди и увидишь. Я собираюсь сделать кое-что очень рискованное.

Блеск в глазах брата напугал меня еще сильнее. Он определенно собирался выкинуть что-то неразумное, я был уверен в этом. Я должен вбить ему в башку немного здравого смысла, решил я и сорвался на бег.

Оглянувшись на меня, Коул только улыбнулся и побежал еще быстрее.

Подъемника там не было, и нам пришлось очень долго взбираться вверх. Мало того, что я задыхался, так еще ноги жутко болели из-за камушков и сосновых иголок валяющихся на дорожке.

Судя по виду моего брата — он бежал вверх по ступенькам, застеленным ковровым покрытием. Он притормозил немного и с улыбкой бросил мне:

— Прекращай вести себя как девчонка, Кэллум!

Кряхтя, я догнал Коула только на самом верху. Он стоял возле таблички, на которой были написаны правила для желающих съехать по горке.

Диаграмма показывала, как именно следует это сделать: на спине, скрестив руки на груди. И никаких отклонений от этой позы, табличка ясно давала это понять.

— Ха, смотри, такое впечатление, что лежишь в гробу, — заметил Коул. — Это сэкономит время матери и отцу, когда помрешь.

— Ха-ха, — недовольно сказал я.

Прямо под табличкой, развалившись на пляжном стуле, сидел смотритель. На вид ему было семнадцать или что-то около того, и, могу сказать, что более веснушчатого парня, я в своей жизни еще не видел.

Судя по всему, его основной задачей — помимо разглядывания девчонок в купальниках — было подавать сигнал, когда можно безопасно начинать спуск.

— Друг, а можно я головой вниз спущусь? — спросил мой брат. Так и знал, что он собирается совершить какую-то глупость. Я должен остановить его.

К счастью, смотритель опередил меня.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Правила парка запрещают.

Но с точки зрения Коула, правила придуманы исключительно для других людей.

— Ой, да ладно, — с улыбкой сказал он. — Ну, пожалуйста!

— Сказал же нет, — отрезал смотритель. — Ты глухой, пацан, или просто тупой?

Коул зло прищурился. Он разозлился. А когда он злится, обычно случаются всякие нехорошие вещи. Например, драки. Я знаю, потому что обычно, я от него и получаю.

— Ах, так? — рявкнул мой брат. — И кто же меня остановит?

Он, судя по всему, не собирался так оставлять этого. Я должен был сказать что-то, иначе нас несомненно выдворят из аквапарка, а мы еще даже не опробовали бассейн с искусственными волнами — единственный аттракцион, который мне очень хотелось опробовать.

— Коул! — крикнул я. — Не занимайся ерундой!

Мой брат обернулся и посмотрел на меня горящим ненавистью взглядом. Я оказался еще одним его врагом.

— Завязывай или я расскажу маме с папой, — пригрозил я.

Я сразу же понял, что угроза была ошибкой.

Коул только отмочит еще что-нибудь похлеще. Потому что именно так работает закон, который склоняет Вселенную в его пользу — никогда не отступать.

Я всегда мечтал уметь вести себя так же, но это невозможно — два таких человека просто не смогли бы ужиться в одной семье. Они бы уничтожили ее.

Что означало, что мне оставалось только стоять там и надеяться, что сотрудникам аквапарка оплачивают услуги стоматолога. Но Коул так и не нанес удар. Не знаю почему.

Может потому что был погожий летний денек, или его тоже манил бассейн с искусственными волнами, а может виновата была девчонка, которая улыбнулась брату, перед тем, как начать спуск по горке.

Что бы там ни было, по какой-то причине, Коул внезапно принял решение поступить более менее разумно.

— Да пошел ты, Веснушчатый, — сказал он смотрителю. Усевшись на вершине горки, он быстро принял положенную по правилам позу и покатился вниз.

— Эй! — крикнул ему зритель, то ли от обиды, то ли из-за того, что мой братец не стал дожидаться сигнала, кто знает? Но было слишком поздно — Коул уже умчался вниз.

Если бы у зрителя была радио или он запомнил бы шорты брата в красно-желтый цветочек, игра была бы окончена. А так Коул просто растворился в толпе полуобнаженных подростков.

Я слышал, как мой брат смеялся, свободно летя на огромной скорости вниз.

С другой стороны, у зрителя еще оставался я. Он обернулся и судя по его виду, готов был сорвать свою злость на брошенном младшем брате. Но он ничего не сказал, только махнул в сторону горки.

— Укладывайся, — прорычал он.

И вот тогда все и пошло не так — как обычно. От прохладной воды я дрожал, внезапно мне стало страшно. Чертовски страшно. А когда зритель подал сигнал, я оказался не в состоянии сделать это. Просто не мог и все.

— Вперед! — начал кричать на меня зритель. — Быстрее!

Что еще хуже, выяснилось, что никто не выходит из себя быстрее, чем люди, которые стоят в очереди за развлечениями.

— Ты задерживаешь очередь! — раздались жалобы позади меня. — Давай, пацан... Или решайся уже, или проваливай!

Но все это не оказывало никакого влияния на меня. Стыдно мне было или нет, я по-прежнему до белизны в костяшках цеплялся за бортики горки. Я собирался встать и уйти. Я собирался встать с горки и пешком спуститься с горы.

Но затем представил себе Коула: весь промокший он стоит и ждет меня, гадая в чем задержка. Что он подумает, когда по горке скатится кто-то другой?

А затем еще кто-то? Что он подумает, когда я в итоге спущусь пешком по холму: жалкий слабак за которого ему будет стыдно?

Я не хотел выяснять, что он подумает. Поэтому разжал пальцы.

Сам спуск я помню плохо. Внезапное ускорение, крутой склон и затем свободное падение. Все содержимое подкатило к горлу, и я в ужасе зажмурился. Раздавался неприятный скрип, когда моя кожа соприкасалась с поверхностью горки. Когда я вылетел в бассейн, мои ноги коснулись воды, а тело кувырком полетело вперед.

Должно быть мое приземление выглядело позорно, потому что даже мой брат с жалостью застонал, когда я приземлился.

Коул ждал меня возле лестницы из бассейна.

— Неплохо, — похвалил он. Compliments от брата большая редкость и этот был последним до нашего переезда в Кристал Фоллз.

Перенесемся на четыре года позже. Четыре года, которые мама описывает как взлеты и падения, а я называю просто крутой горкой — все началось с того момента, когда мы увидели этот дурацкий знак на въезде в город.

Тем не менее, в итоге я привык. По крайней мере, я нашел в Брасе друга — и еще у меня были неожиданные и волнительные моменты с Уиллоу.

Теперь же, кажется, все изменилось. Неужели я действительно забыл все события собственной жизни и помню только эти обрывки?

Мне кажется, тут может быть только два варианта. Или что-то не так с этим местом или что-то не так со мной.

И я, правда, не знаю, какой вариант больше похож на правду.

Тем не менее я несколько поуспокоился, по крайней мере, по сравнению с тем моментом, когда мама попыталась отвезти меня обратно в больницу. Ни за что на свете не вернусь туда. Я сбросил ее руку и выбежал из дома.

Примчавшись домой, отец нашел меня на подъездной дорожке — я стоял, прижавшись к красному хэтчбеку.

Не знаю, почему выбрал это место из всех, чтобы сломаться и выплакать все глаза.

Может быть, все дело в том, что этот старый хэтчбек единственная вещь, которая осталась такой, какой я ее помню. Все вмятины, царапины и пятна ржавчины на месте — даже бесшумная крышка, за которую Коул пилил маму только на прошлой неделе.

А теперь я должен поверить в то, что за последние четыре года мой брат не пошевелил ни единым мускулом, не сказал ни одного слова.

Теперь я должен поверить, что в аквапарке произошел несчастный случай — в том самом аквапарке, о котором я помню только то, что мы наслаждались жизнью.

Мама сидела на крыльце в ожидании отца, и полагаю, чтобы убедиться, что я не причиню себе вред или что-то в этом духе. Она довольно сильно расстроена, конечно же, особенно после того, как я кричал на нее и требовал оставить меня в покое.

Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы она близко подходила ко мне, прикасалась. Но она побежала вперед, как только отец выпрыгнул из своего фургона.

Отец тоже начал настаивать на том, чтобы отвезти меня обратно в больницу. Услышав это, у меня снова началась истерика. Родители не знали, что делать — им в буквальном смысле пришлось бы связать меня, чтобы отвезти туда.

Поэтому они беспомощно наблюдали, как я рыдаю. Спустя какое-то время им все же удалось завести меня внутрь — в дом, выкрашенный неправильным цветом, где лежал мой парализованный брат.

Как только мы оказались внутри, родители позвонили в больницу.

Сидя в гостиной на диване, я слушал, как они в коридоре по телефону разговаривают с неврологом, и время от времени передают друг другу трубку.

Приглушенными голосами они описывали не только мое неустойчивое поведение, но внезапный отказ принять трагедию, приключившуюся с моим братом четыре года тому назад. Брат повредил позвоночник и оказался парализован от шеи и ниже, не в состоянии даже самостоятельно дышать.

Мои родители внимательно слушали, что им говорил невролог, отец даже перешел к старому проводному телефону, стоящему на кухне.

— Значит у Кэллума просто посттравматический шок? — услышал я его вопрос.

— Что нам делать? — хотела знать моя мать. — Это как-нибудь лечится?

Не знаю, что ответил им доктор. Но чтобы он ни сказал, вопрос о моем возвращении в больницу больше не обсуждался.

Спустя пару часов, я ужинаю, с трудом удерживая в желудке все, что кладу в рот и проглатываю.

Я все равно не могу вспомнить несчастный случай, произошедший с Коулом четыре года назад. Точнее, это не совсем так. После аквапарка, когда мы переехали в Кристал Фоллз, я сотни раз видел, как он разбивался на велике, врезался куда-то на санках, падал со скейтборда. Но никаких травм страшнее сбитых коленей, огромных синяков и стертых в кровь ладоней он не получал.

— Сынок, — зовет меня отец, сидящий во главе стола — месте, на котором я не видел

его уже год, — может, хочешь кому-нибудь позвонить? Другу или одной из своих девушек? Может беседа с кем-нибудь поможет тебе почувствовать себя лучше.

Друзья? Девушки? Он говорит так, как будто я их выращиваю, как сорняки в саду.

— Где твой телефон? — спрашивает мама.

— Не знаю, — отвечаю я. Как мне кажется, он разряженный лежит где-то под кипой бумаг в моей комнате.

— Ну, конечно же, ты потерял его, — предполагает отец. — Ладно, не волнуйся, мы купим тебе новый. Помнишь наизусть чей-нибудь номер? Хочешь позвонить другу?

— Слушайте, в данный момент я не горю желанием разговаривать с Брайсом, — отвечаю я. Небольшое преувеличение. — Но, может быть, чуть позже я позвоню Уиллоу.

— Брайс? — переспрашивает отец. — Кто такой Брайс?

— И Уиллоу, — расцветает мама. — Такое милое имя. Ты никогда раньше не упоминал его. Это новая подруга?

— погоди секунду, — говорит отец. — Почему все девушки, с которыми ты общаешься носят имя какого-нибудь растения?

Вилка у меня из рук падает на тарелку. Они не поддразнивают меня, насколько я могу судить. Они на полном серьезе ведут себя так, будто никогда не слышали ни о Брайсе, ни о Уиллоу.

— Знаете, кажется, я не очень-то и голоден, — извиняюсь я. — Не против, если я просто пойду в свою комнату и полежу?

— Конечно, — соглашается мама. — Но, пообещай, что позовешь нас, если почувствуешь себя не в своей тарелке или еще что.

Не в своей тарелке? Я чуть не лопаюсь со смеху. Но вместо этого просто киваю.

— Можешь не убирать тарелку, милый. Просто иди наверх.

— Спасибо, — говорю я и выхожу из комнаты.

Наверху лестницы, я останавливаюсь и смотрю на приоткрытую дверь в гостевую спальню. Слышу, как внутри работает этот аппарат, гудит, поддерживая в Коуле жизнь.

Не удержавшись, плотно ее закрываю.

Я медлю, прежде чем открыть дверь на другой стороне коридора, и заглядываю в комнату, которая предположительно никем никогда не была занята.

Охватившее меня чувство ужаса настолько сильно, что я внезапно понимаю, что дрожу. Проведя ладонью по глазам, закрываю за собой дверь, и иду к дверям своей комнаты.

Сев на кровать, я пытаюсь успокоиться и убедить себя, что все в порядке вещей. Я только что перенес травматический стресс и поэтому все в голове перепуталось. Мама говорила, что доктор предложил попить успокоительные, если я буду испытывать чувство беспокойства. Но нет. Не хочу никаких таблеток, не хочу чувствовать себя еще более неоднозначно, чем итак чувствую себя. Мне нужно быть готовым. Что бы там ни ждало меня впереди.

Подняв голову, смотрю на глянцевый постер сексуальной девчонки в купальнике. Какого черта он тут висит? По-прежнему не могу понять. Если не Коул повесил его туда шутки ради, то кто тогда?

Девушке на постере все равно. Она просто хочет ползти по песку, выбраться за пределы постера и сорвать с меня всю одежду.

Мое тело откликается на ее желание.

Но уже спустя секунду это чувство пропадает. Потому что я ей совершенно не нравлюсь.

Все это просто игра на камеру.

Удивив сам себя, я внезапно подпрыгиваю и одним рывком срываю постер, оставив на стене несколько обрывков скотча. Порванный постер падает на пол.

Тут я вспоминаю про Айви Йохансен, как она целовала и ласкала меня на больничной койке. Интересно, она тоже притворялась? Честно говоря, не было похоже на притворство. Да и зачем ей это?

А я теперь никак не могу выкинуть ее из головы. То чувство, когда ее длинное, стройное тело лежало на мне, а мои руки гладили ее плоский животик...

Прежде чем умру, должен еще хоть разок это прочувствовать, принимаю решение я.

Но затем вспоминаю о Уиллоу. Она тоже была здесь, на моей кровати, вот буквально вчера. Она сидела на краю и слушала, как я играю новую написанную мною мелодию — банальную глупую песню, которую я с трудом сочинил.

Но Уиллоу все равно поаплодировала и похвалила ее. А я просто сидел рядом, покрасневший от смущения и гадал, не притворяется ли она.

Интересно, чтобы она подумала, если бы узнала, что одна из самых красивых девушек школы, оседлала меня. Айви гладила меня и целовала. Целовала! Внезапно мне становится дурно от этой мысли.

Но с чего вдруг мне стало плохо? Ведь мы с Уиллоу не встречаемся. А ведь речь идет о Айви Йохансен — все студенты мужского пола в школе Кристал Фоллз дали бы мне медаль, если бы знали об этом. Так с чего вдруг это чувство вины?

Потому что я влюблен в Уиллоу, доходит вдруг до меня.

Мне как-то не по себе даже думать об этом. Если уж на то пошло, то мы стали друзьями только в прошлом году. Я с ней даже еще не целовался. Но я влюблен в нее, уверен в этом.

Иначе, зачем бы я хранил все потерянные ею заколки-невидимки в ящике стола — те, которыми, она закалывает пряди, чтобы они не лезли ей в глаза, и которые я потом нахожу на кровати и на диване.

Я так и слышу голос Коула: *Потому что ты долбаный чудила.*

Может так и есть, но мне все равно. Я тянусь к ящику стола, но останавливаю себя. Игр с тайными сокровищами недостаточно. Мне нужно поговорить с Уиллоу прямо сейчас. Но я боюсь звонить ей. Что не так? Почему она не пришла навестить меня?

Существует только один способ выяснить это.

Номер Уиллоу я знаю наизусть, поэтому забираю телефон к себе в комнату и набираю ее номер. Гудок следует за гудком. Я уже собираюсь повесить трубку, когда слышу голос Элейн.

— Алло? — запыхавшись, отвечает она.

Элейн — мама Уиллоу. Она ненавидит, когда к ней обращаются не по имени особенно, когда называют ее миссис Хэтауэй, что я выяснил при нашей с ней первой встрече.

— Избавь меня от этих миссис, и пожалуйста, никаких Хэтауэй, — строго сказала она.

Я тогда почувствовал себя смущенным. Но это длилось недолго, так как в остальном с Элейн очень легко поладить. Да, у нее странный взгляд на моду — она носит остроконечную обувь и узорчатые платья, в которых она слишком сильно похожа на ведьму-хиппи на мой вкус. Но Элейн мне все равно нравится. И Уиллоу считает, что и я нравлюсь ее маме. Что крайне немаловажно.

— Добрый день, это Кэллум, — нервно поздоровался я. — Уиллоу дома?

К счастью, женщина оказалась не в настроении поболтать.

— Одну минуту, — ответила она. Я услышал, как она положила трубку на стол и позвала дочь.

У них в доме всего один телефонный аппарат, поэтому обычно мне приходится ждать, пока Уиллоу ответит. По какой-то причине Элейн не одобряет телефоны, особенно мобильные.

Признаться, порой я гадаю, уж не из-за того ли это, чтобы она могла открыто контролировать личную жизнь Уиллоу. Хотя Элейн и клевая мама, когда речь заходит о ее дочери, она чересчур опекает ее.

— Кто звонит? — слышу я тихий голос.

— Не знаю, — шепчет в ответ Элейн.

Так, это странно. Элейн знает мой голос, и я же представился. Я снова чувствую себя крайне неуверенно.

— Привет?

Услышав голос Уиллоу, я сразу же чувствую себя лучше. На самом деле, у нее самый красивый девчачий голос, который я когда-либо слышал, от него я испытываю странную слабость, что-то сродни тем ощущениям, когда лежишь в шезлонге, разомлевший от солнышка.

Если бы Коул услышал мои рассуждения, он бы посчитал меня еще большим чудачком. Впрочем, он итак меня им считает.

Я начинаю жалеть, что мой мобильный не работает. Тогда я смог бы позвонить не из дома, например из кабины красного хэтчбека, где я, по крайней мере, чувствую себя нормально.

Но, увы, я застрял в этой странной незнакомой мне комнате, стою над изуродованным постером, с которого на меня смотрит глаз девушки.

— Привет, Уиллоу, — здороваюсь я. — Это я, Кэллум.

На том конце провода тишина.

— Кто?

— Кэллум, — повторяю я. Трубка в моих руках так дрожит, что я боюсь, что уроню ее. — Я только что вернулся домой. Но я себя не очень хорошо чувствую, честно говоря. Не знаю. Может быть, ударился головой или что-то в этом духе, но все так странно...

Пока говорю, мне снова становится больно от того, что Уиллоу не навестила меня в больнице. Но она порой такая робкая, что могла просто не решиться вмешиваться в семейные дела. Может, я сам во всем виноват.

Я рассказал ей о своей семье довольно многое, что не так уж хорошо. Возможно, она не захотела становиться свидетелем ссоры, которые случались между ее матерью и отцом, пока тот не ушел от них несколько лет назад.

— Погоди, ты Кэл Харрис? — уточняет она. — Из школы?

Что за вопрос? *Из школы?*

— Да, это я, — соглашаюсь я, неуклюже присев на край кровати. — Что-то не так?

— Ничего, полагаю, — невозмутимо говорит она. — Слушай, мне жаль, что с тобой приключилось все это, но если ты звонишь по поводу домашней работы, то я всю прошлую неделю болела, и понятия не имею, что задали...

Ушам своим поверить не могу.

— Уиллоу, — зову ее я и мой голос надламывается. — Это же я, Кэллум...

— Ага, я поняла, — отвечает она.

— Уиллоу, — умоляю я. Глаза у меня наполнились слезами. — Пожалуйста. Почему ты так себя ведешь? Я в беде! Мне нужна твоя помощь!

— Моя помощь? — повторяет она, и ее голос звучит удивленно. — Но почему именно моя?

— Потому что это я! — отвечаю я, потеряв терпением. — Ты не хочешь помочь мне?

— Ой, сам себе помогай, — отвечает мне, и бросает трубку.

Уиллоу. Повесила трубку!

Я сижу на кровати и слушаю гудки в трубке. Никогда я еще не чувствовал себя столь опустошенным. В конце концов, трубку вешаю и я.

Все это как-то неправильно, чересчур неправильно. Может мне стоит отправиться в больницу, но другая больница находится в соседнем городке или даже дальше. Интересно, удастся ли уговорить родителей поехать туда. Если это единственный способ, то я согласен посетить всех врачей, тогда у них не будет выбора.

Я открываю двери и слышу звяканье посуды в раковине и беседу родителей. Они разговаривают несчастными голосами — такие голоса у них были, когда отец все еще жил с нами. Я слышал их поздно по ночам, когда они думали, что мы с Коулом уже спим.

Боже, ненавижу такие голоса у них.

Я встаю и подхожу к столу. Выдвигаю старый вращающийся стул, на котором мы с Коулом проверяли друг друга, крутясь до тех пор, пока нас не начинало тошнить.

Сажусь на него и чувствую и как деревянные края, впиваются мне в ногу, сквозь истершуюся поролоновую подкладку. Стул не изменился. Он остался таким, каким я его помню.

Поворачиваюсь на стуле к столу и выдвигаю средний ящик. Как и всегда, там лежит аккуратно сложенная стопка старых школьных тетрадей, под которыми должна лежать моя секретная коробочка из-под обуви, в которой я храню заколки-невидимки Уиллоу, среди прочих моих сокровищ.

Я вытаскиваю стопку тетрадей и кладу ее на стол. Коробочка, к моему облегчению, на месте. Я снимаю крышку и кладу ее поверх тетрадей.

Поскольку верхний свет в комнате выключен, содержимое коробочки видно плохо, и мне приходится наклониться и заглянуть внутрь.

Я сразу же понимаю, что содержимое коробочки мне незнакомо. Теперь в обувной коробочке лежат всего две вещи, которые я раньше никогда не видел.

Пачка денег, туго перетянутая резинкой.

И пистолет.

ГЛАВА 8

Мысль пустить себе пулю в лоб никогда не посещала меня, но именно она пришла мне в голову, когда я взял в руки тяжелый автоматический пистолет. Он настоящий, это я понял сразу же. Правда, я понятия не имел, заряжен он или нет.

Полагаю, если нажму на курок, то выясню это.

Ну, нет. Как и говорил, я не из таких. Правда, я по-прежнему ума не приложу, как он оказался у меня в столе. Пистолет на вид старый, но не какой-то там глок, как в фильмах про гангстеров; обычный военный пистолет.

Может дедушкин? На самом деле, в этом есть смысл. Его форма, медали, шлем — все это хранится где-то на чердаке. Так почему бы не хранить там и его пистолет 45 калибра?

Если он там и был, то я никогда раньше не видел его.

Как и шестьсот двадцать пять долларов: именно такая сумма получилась, когда я снял с денег резинку и пересчитал их.

Тем не менее, вся эта сумма находится у меня в комнате и ждет, что ее потратят. Банкноты, разложенные в кучки на моем столе, буквально умоляют меня сделать это. И кто, спрашивается, остановит меня?

Я услышал какой-то шум и быстро убрал пистолет и деньги обратно в коробку из-под обуви, где и обнаружил их. Сверху на коробку сложил тетради, закрыл ящик и прислушался. Звуков шагов не было слышно.

Мне стало интересно, чтобы сказала бы мама, если бы нашла эту мою небольшую записку. Насколько я знаю, раньше она никогда не рылась в моих вещах. Я не давал ей такого повода.

Ну что ж, теперь он у нее есть.

Внимательно осматриваю комнату в поисках еще каких-нибудь подсказок. Кто живет здесь? Я убеждаюсь, что мои любимые книги исчезли с полок, и вместо них стоят какие-то дурацкие спортивные кубки.

Стоп, стоп, стоп... а где моя гитара? А усилитель? В комнате их нет, на их месте стоит корзина для белья.

Скейтборд, на котором я ездил в город в теплое время года, тоже пропал со своего обычного места на подоконнике.

Я снова посмотрел на футляр с трубой, лежащий на полке. Знаете, на самом деле мне жаль, что я не умею играть на ней, ведь если бы умел, то у нас с Уиллоу был бы общий урок по музыке.

На данном этапе, в этом году у нас с ней только два общих урока, что очень досадно.

Впрочем, полагаю, даже будь у нас совместный урок по музыке, вряд ли мы бы сидели вместе, потому что она играет на флейте в своей группе, ну и все остальные тоже сидят, разбившись на группки.

А с другой стороны, чего я ною? В прошлом году у нас был только один общий урок.

Биология. Именно там мы и подружились, после того, как нас поставили работать в паре.

Когда я вспоминаю все те случаи, когда мне выпадал шанс и я как бы невзначай заговаривал с ней, или прижимался лбом к ее лбу над окуляром микроскопа, мне кажется, что некая сила Вселенной наблюдала за мной. Или все это хаос и безграничная случайность, а мне просто чертовски сильно повезло.

Предмет был занятный. Преподавала его нам мистер Шредер — известная личность в школе Кристал Фоллз. Обычно он преподавал физику, но вероятно, мог бы обучать любому предмету — ну разве что кроме физкультуры из-за своей хромоты.

Он напоминал чокнутого ученого, ходил туда-сюда по классу, рассказывал странные истории о тайнах науки.

У мистера Шредера был брат-близнец, о чем я узнал как-то раз, когда ездил с матерью за покупками.

— День добрый, мистер Шредер, — поздоровался я с человеком, который выглядел точь-в-точь как мой учитель биологии, даже судя по тому, как он был одет. Когда я подбежал к нему, он стоял, склонившись, и изучал этикетку на упаковке с апельсинового сока.

Мужчина удивленно на меня посмотрел.

— Мы знакомы? — раздраженно спросил он.

Я сразу же покраснел. Мой учитель не помнит меня? Вот так унижение.

— Я Кэллум Харрис. Из вашего класса биологии.

— А, — нахмурившись, отреагировал мужчина. — Вы спутали меня с моим братом. Это он у нас преподает в старших классах школы, а не я.

— Ох, простите.

Но мужчина уже закончил наш разговор и снова увлеченно читал этикетку на коробке с соком.

К счастью наш мистер Шредер гораздо дружелюбнее своего брата и может заставить весь класс смеяться над своими оригинальными шутками, порой прерывая урок не на одну минуту.

Поэтому для всех стало шоком, когда однажды пришел директор и объявил:

— Боюсь, мистер Шредер покинул нас на неопределенный срок. Сегодня урок проведет мисс Филдинг. А к понедельнику мы найдем вам замену.

Весь класс был в шоке.

— Но что случилось? — хотели знать мы. — Куда он ушел?

— Это вас не касается, — строго осадил нас директор. Но глядя на наши встревоженные лица, он несколько смягчился. — Ребята, с мистером Шредером все в порядке. Он взял отпуск по личным обстоятельствам. Надеемся, он вернется в свое время. Но не могу с уверенностью утверждать это.

Мистер Шредер так и не вернулся, а мы не узнали причину его ухода.

Ходили слухи, что он сошел с ума. Несколько учеников утверждали, что видели, как он часами стоял на мосту, перегнувшись через перила, и смотрел вниз на воду.

А потом однажды мы с Брайсом заметили его в «Электроника-Вероника», он копался в стопке старых электронных компонентов и что-то бормотал себе под нос.

По крайней мере, мы подумали, что это был он, предположив, что его близнец вряд ли бы заинтересовался чем-то подобным.

— Диоды, диоды, диоды, — без остановки повторял он. — Где же вы прячетесь, мои маленькие мерзкие друзья?

Один взгляд на его безумное выражение лица, и мы как можно быстрее сбежали из магазина, пока он не заметил нас.

Тем временем в школе, нам назначили нового преподавателя, и уроки снова стали до чертиков скучными.

Что означало, что я мог сосредоточить все свое внимание на Уиллоу, которая увлеченно изучала нарисованные чернилами рисунки на моей руке, пока нас не обругали.

Тогда мы стали обмениваться записочками и рисунками и сделали все, чтобы нас снова не засекли.

Я снова задумался о Уиллоу и о странном телефонном звонке. У меня сложилось впечатление, что она совсем не знает меня. Я решил проверить сообщения, которые она присылала мне по компьютеру почти каждый день после школы.

Однажды мы попытались устроить видеоконференцию, но компьютер, доставшийся мне от отца, был слишком старым и не потянул видео-чат. Он годился только для домашней работы.

Отец обещал купить мне новый комп, но я не выполнил условия нашей с ним договоренности, так как мои отметки оставили желать лучшего.

Я нажал кнопку «включить» и откинулся на спинку стула, ожидая, пока машина натужно кряхтя и помигивая крошечными огоньками пробуждалась к жизни. Когда комп наконец-то запустился, я набрал пароль и нажал кнопку «войти»

Пароль не сработал.

Хммм. Посчитав, что я, вероятно, неправильно ввел его, я попробовал заново. Компьютер снова отклонил пароль. Я нажал Caps Lock. Безуспешно. Я попробовал старый пароль. А затем еще один. И еще один. Я испробовал все вариации паролей, которыми пользовался за всю жизнь и которые сумел вспомнить. Каждый раз компьютер не впускал меня.

Я разочаровано стукнул по краю монитора. И как, спрашивается, мне войти в эту тупую штуку?

Я решил забить на клавиатуре самое противное слово, которое смог придумать, слово, которым я называл Коула, когда был адски на него зол.

И это сработало, я вошел в систему.

Я в очередной раз почувствовал себя странно, когда наконец-то прогрузился рабочий стол. На нем красовалась очередная сексуальная девчонка. Эта девчонка развалилась на диване красного цвета, на ней было надето только бесчисленное количество ниток черного жемчуга, и больше ничего.

Эта все та же девчонка с постера на стене, полагаю, но сказать сложно, из-за толстого слоя макияжа и маски на лице.

Кажется, я даже узнал ее — она актриса, хотя я не видел ни одного фильма с ней. Какое-то дамское кино в основном, которое даже Уиллоу не стала бы смотреть.

Я решил покопаться в компьютере. Порядок наименований папок оказался таким, каким его обычно создавал я. Бросив взгляд на папку «Домашняя работа», я узнал несколько тем прошлого года.

Но прочитав их, я не сумел вспомнить, что работал над этими заданиями.

Большинство работ будто бы выполнены в спешке, что очень похоже на меня. Правда, я предпочитаю использовать более длинные слова, чтобы скрыть свою лень, а в этих работах их почти нет, да и орфографических ошибок много.

Создается впечатление, что на несколько последних исследований была потрачена уйма времени, но я слабо представляю, чтобы я сделал такое.

Я запустил веб-браузер. Большинство моих закладок не оказалось. Но что еще более странно, в журнале посещений присутствуют сайты, которые меня ни капли не интересуют. Куча ссылок связана со спортом, в частности с футболом — что, как и коллекция кубков, для меня ничего не означает. Я далек от спорта. Если ничего не путаю, я прекратил притворяться, что мне нравится футбол, когда Коула вышвырнули из команды и он прекратил играть.

Даже раньше, когда мы ходили на игры вместе с мамой и отцом, я толком не знал правил.

Зрители свистели, размахивали флагами, а я стонал или улюлюкал вместо со всеми. Признаюсь, что, когда Коула удаляли с поля, я просто таращился на девчонок из группы поддержки.

Так с чего бы мне посещать спортивные сайты, что согласно моей истории кто-то делает постоянно? Страшно признавать, но возможно, память полностью отказывает мне?

Я зашел в мессенджер, чтобы прочитать сообщения, к счастью, пароль вводить не

потребовалось. Когда все они прогрузились, я поверить не мог, что их так много. В основном все они были от ребят из школы.

Большинство из них я почти не знаю, а некоторых вообще недолюбливаю. Но вот я вижу сообщения от них, в которых ко мне обращаются «бро» и «дружище», эти люди пишут на моей стене и забрасывают меня личными сообщениями.

Но самая странная штука это диалог с Айви. То, что она пишет мне сообщения почти так же таинственно непонятно, как и то, что она якобы встречается со мной.

Но какова бы ни была причина, она писала мне раз десять только за последние десять дней. Я быстро прочитываю все сообщения. Она беспокоится обо мне, потеряла сон, надеется, что я позвоню ей как можно скорее.

Удивив самого себя, нажимаю на кнопку «ответить» и печатаю:

Не волнуйся. Я уже дома :-) Все еще чувствую себя несколько странно. Кэллум.

И отправляю сообщение.

Большинство остальных репостов и сообщений до жути скучные. Парни шутят и пишут ругательства заглавными буквами. Ничто из прочитанного не кажется мне забавным и ни о чем мне не говорит.

На экране начинает мигать окошко чата — ответ от Айви. Она онлайн.

Оуу, мой бедняжечка. Ладно, дай знать, как будешь готов, чтобы я к тебе заскочила <3

Захватывающее предложение. Я уже начинаю писать ответ, но останавливаю себя и удаляю все, что написал. Я не готов начинать играть в игры. Опасные игры. Я должен выяснить, что происходит.

Я решаю не отвечать.

Прочитав оставшиеся сообщения, я пытаюсь разобраться в ситуации. Внезапно одно сообщение обращает на себя мое внимание. Оно датировано днем ранее того дня, когда я упал в водопад.

Это сообщение от Нейла Парсона.

Привет, Кэл.

Слушай, прости, боюсь больше не смогу помогать тебе. С мистером Филлипсом все зашло слишком далеко, и я боюсь, что нас поймают. Я верну тебе деньги, включая те, что ты дал мне на прошлой неделе. Ладно? Мне жаль, правда, жаль. Надеюсь, ты не сильно разозлишься.

Нейл.

Я действительно вижу это? Я только недавно заверил шерифа, что у нас с этим парнем нет ничего общего, и вот нате вам, сообщение от него, а ведь он якобы пропал.

Мне жаль, правда, жаль. Надеюсь, ты не сильно разозлишься.

Я сам испугался, так быстро я удалил сообщение.

За дверью моей комнаты раздался цокот когтей Джесс, поднимающейся по лестнице. Из-за всех этих странностей я совершенно забыл о ней. Обычно она всегда сидит рядышком со мной за обеденным столом, надеясь, что я угощу ее чем-то, что мне пришлось не по вкусу. Может быть, она была на кухне вечером, а я ее не заметил.

Сейчас я могу воспользоваться ее любовью ко мне — утешение старого друга, который никогда не задает вопросов. Я открыл двери спальни, как раз, когда она пробежала мимо, наверняка направляясь в спальню матери.

— Эй, Джесс, — позвал я.

Но я в ужасе, когда собака начинает пятиться от меня, и прижимает уши.

— Джесс! — зло кричу я. — Ко мне!

Но она игнорирует мою команду. Поверить не могу. Я сам дрессировал эту собаку и обычно мог заставить ее замереть на месте одной командой.

Мне следовало бы шлепнуть ее по морде за непослушание. Потому что она должна беспрекословно слушаться меня, раз мы живем возле дороги, по которой носятся машины на скорости сто километров в час. Если она бросится наутек, испугавшись бурундучка, она может погибнуть. Но что-то в том, как она выглядит, останавливает меня. Она будто бы боится меня. И это как-то неправильно.

Я снова закрываю дверь. С меня достаточно. Выключив компьютер, я лег в кровать, даже не раздеваясь. Спасибо, хоть фланелевые простыни остались теми же.

На них нарисованы лоси и сосновые ветки. Такой глупый рисунок, но и такой забавный. А еще они очень удобные.

Я натянул покрывало до подбородка и вскоре заснул.

На следующее утро я просыпаюсь от стука в дверь. В комнату заглядывает мама.

— Как ты себя чувствуешь? Хочешь есть? — спрашивает она.

Я действительно голоден. Как будто стол лет не ел, а мой знаменитый нюх уже учуял запах бекона, доносящийся с кухни.

— Да, — отвечаю я, сглотнув слюну. — Спущусь через минуту.

Чувствуя себя вспотевшим и несвежим, я отбрасываю одеяло в сторону. Было ошибочно не раздеваться вчера вечером перед тем, как идти спать. Зато теперь не надо заморачиваться и одеваться.

Встав, я почувствовал себя несколько лучше, даже находясь в своей странно-незнакомой комнате. Опять же, мозг удивительный орган. Помню на каком-то уроке слышал, что был проведен эксперимент, где людям надевали специальные очки, в которых тем все казалось перевернутым вверх тормашками. Они ходили совершенно дезориентированные. Затем, несколько дней спустя, их мозг просто подстроился, перевернув восприятие мира под нужным углом. Проблема заключалась в том, что, когда очки снова сняли, для них все снова перевернулось с ног на голову. Тогда мне это показалось забавным, сейчас же я осознаю, насколько напуганы они были. К счастью для них, этот эффект не продлился долго. В моем же случае я понятия не имею, что происходит.

Я иду в ванную. Там нахожу свою зубную щетку, она того же цвета, что и всегда и самая деформированная в доме, благодаря тому, как яростно я всегда чищу зубы. Я выдавливаю зубную пасту на щетку и пытаюсь избавиться от жуткого привкуса во рту.

Пока чищу зубы, я замечаю, что в стакане стоят три зубные щетки, вместо двух, что странно.

Закончив умываться, спускаюсь вниз. У подножия лестницы, дорогу мне перебегают Джесс. Она останавливается и пятится, чтобы пропустить меня.

— Доброе утро, девочка, — бодро здороваюсь я. — Иди ко мне....

Но собака с места не двигается. Она снова прижимает уши к голове. Это странно. Мне хочется заставить ее подойти, может быть почесать ее за ушком. Но запах завтрака отвлекает меня.

Придя на кухню, меня ждет сюрприз. Отец по-прежнему дома. Он сидит за столом и читает газету. Как в старые добрые времена, только вот я такой картины не видел уже года два. И что еще более неожиданно — он в пижаме.

Должно быть, он ночевал у нас...

— Доброе утро, Кэл, — поприветствовал меня отец и опустил на стол кофейную кружку — коричневую громадину, которую я подарил ему на Рождество, когда был маленьким. С тех пор, он постоянно твердил, что это его любимая, и даже забрал ее с собой, когда ушел от нас. — Сегодня тебе лучше?

Я уставился на него как на пришельца с другой планеты.

— Кэл? — позвал меня отец, выводя из ступора.

— А, да, конечно. Я отлично выспался.

— Рад слышать. Садись завтракать.

Сев, я залпом осушил стакан апельсинового сока. Затем положил на тарелку тосты, проложив между ними четыре полоски бекона. Затем окунул все это в соус и начал поглощать так, словно целую неделю голодным провел в лесу.

— Что ж, по крайней мере, аппетит к тебе точно вернулся, — обрадовалась мама. — Это хороший знак.

Ответить я не смог, рот у меня был забит едой. Отец предложил мне кофе, и я благодарно кивнул. Добавил в кружку молока и три полных чайных ложки сахара.

— По поводу твоего возвращения в школу, — начала мама. — Доктор считает, что спешить ни к чему. Он выпишет тебе больничный на любой срок.

Признаться, про школу-то я совсем забыл. Так, сегодня у нас, получается, среда? Думаю да. С учетом того сколько я пропустил, уверен, что отстал прилично. Зато в этот раз у меня есть достойное оправдание.

Тем не менее, мне не терпелось пойти в школу, хотя бы, чтобы увидеть, как все будут вести себя со мной. Судя по сообщениям, в школе я — Мистер Популярность или что-то типа того.

И все это только из-за того, что я упал в водопад и выжил? Если я прав, то не советую использовать этот метод, чтобы подняться по социальной лестнице.

— Не знаю. Я готов пойти в школу, — говорю я матери. И уточняю: — Хоть сегодня.

Родители выглядят удивленными.

— Уверен, что это хорошая идея? — спрашивает отец. — Мы думали, что ты еще недельку посидишь дома.

— Не знаю даже. Я готов пойти в школу, — отвечаю я, чувствуя себя гораздо лучше, после того, как нормально поел. — Не хотелось бы пропускать чересчур много занятий.

— Что ж, тогда сегодня еще побудешь дома, — решает отец. — А если завтра не передумаешь, то может и пойдешь завтра. Договорились?

— Договорились, — отвечаю я, сделав глоток кофе.

Несколько минут мы едим в тишине.

— Кэл, — в итоге мама нарушает тишину, — Мы с отцом тут подумали, может быть, ты помнишь еще что-нибудь о том, что с тобой приключилось?

— На самом деле не очень много. Все как в тумане, — объясняю я.

— Уверен? — уточняет отец. — Ничего не хочешь рассказать нам?

— Нет. А что?

— Ну, начнем с того, что недавно ты словно ушел в себя, — сказал отец. — Еще до падения. Словно пребывал в депрессии или тебя что-то тревожило.

— В депрессии? — я рассмеялся. — Нет, вовсе нет. Почему ты так решил?

— Да брось, Кэл, — подключилась к разговору мама. — Ты приходил домой все позже

и позже, и сразу же молча поднимался в свою комнату. А когда мы все же виделись с тобой, то нам с трудом удавалось вытянуть из тебя пару слов.

Я снова засмеялся, но на этот раз, как-то нервно, потому что, насколько помню, я так себя никогда не вел. Если уж на то пошло, то такое поведение скорее присуще Коулу... ну или тому Коулу, которого я помню. — Что вы имеете в виду?

— Мы просто хотим знать, не в депрессии ли ты, Кэл, — пояснил отец. — Нет ли у тебя мыслей причинить себе вред. Потому что, если такие мысли есть, то знай, мы рядом. Нам важно помочь тебе.

Вот теперь я окончательно в шоке. И напуган.

— Что? нет! — обиженно ответил я. — Слушайте, то, что я упал в реку не означает, что я пытался убить себя. Господи!

— Успокойся. Это просто вопрос, никто тебя ни в чем не обвиняет, — попыталась успокоить меня мама.

— Но пытаться убить себя? Зачем мне это делать? — сердито требую я пояснений. — Поверьте, я рад жизни. Серьезно. Я вам не дядя Бад, знаете ли!

После этого моего восклицания мама побелела, как полотно. Она опустила голову и губы у нее задрожали.

— Кэл! — рявкнул отец.

— Забудь, Дон, — попросила мама, так и не подняв головы. — Просто забудь.

Зря я, конечно, помянул дядю Бада вот так вот; мама очень тяжело пережила все тогда.

— Прости, — извинился я. — Мне просто не понравилось то, что вы говорили. Слушайте, хоть я и не помню что случилось со мной, но уверен, что никакого отношения к суициду это не имеет. Понимаете?

Мама молча изучала столешницу глазами, блестящими от слез.

— Ладно, Кэл, — наконец-то заговорил отец.

Мама снова вернулась к завтраку и начала возить по тарелке остатки своего тоста. Отец же, тяжело вздохнув, снова уткнулся в газету.

За столом повисла неловкая тишина. Я попытался продолжить есть, но желудок словно свело.

Я все еще не могу прийти в себя от того, что отец сидит за столом. В пижаме!

Вспомнились четыре зубных щетки — он, что живет здесь или я чего-то недопонимаю? Нет, этого быть не может... мама бы ни за что такого не допустила. Или допустила?

Отец снова отхлебнул кофе из своей дурацкой кружки. Уверен, что видел ее на полке на кухне в его квартире. Он принес с собой кружку?

Я бросил взгляд на дверь, возле которой как раз стояла Джесс. Она смотрела на еду на столе, но в кухню не входила.

— Иди сюда, девочка, — позвал я собаку.

Джесс даже не пошевелилась. Тогда я протянул ей кусочек бекона. Ее голодный взгляд застыл на мне, и она едва заметно вздрогнула, но в кухню все равно не вошла. Я помахал беконом в воздухе.

Джесс наклонила голову, словно пытаюсь понять в какую игру я с ней играю.

— Джесс, ко мне, — как можно спокойнее позвал я ее. — Ко мне.

Собака наконец-то зашла на кухню и обнюхала угощение. Она медленно потянулась к нему и приняла, напомнив мне дикую белку, которая резко выдергивает из рук человека хлебную корочку.

Она и правда меня теперь боится. И это так обидно. Потому что кроме двух легких тычков, которые скорее причинили боль мне, нежели ей, я всегда любил эту собаку с тех пор, как она появилась у нас, когда мне было десять.

А теперь она ведет себя так, словно я постоянно избивал ее палкой.

— Хорошая девочка, — хвалю ее я, пока она бежит к порогу кухни. Только там она начинает жевать, словно ей стыдно принимать подачки от меня.

И на этом я готов завершить завтрак. Желудок по-прежнему не отпустило, а от кофе меня словно качает. Наверное, мне стоит принять душ и пройтись по улице. Я спрашиваю родителей не против ли они.

— Конечно, — соглашается мама, но ее голос звучит глухо. — А с братом сначала немного не хочешь побыть? Уверена, что он скучал по тебе.

Я смотрю на нее. Скучал по мне? Да он, кажется, даже не видит меня. Это ужасно, я поверить в это не могу. Мне никак не удастся связать между собой свистящий живой труп, лежащий наверху, и моего брата. Не получается и все тут.

— Эм, конечно, — чувствую себя обязанным ответить я, чтобы им стало легче. — Прямо сейчас к нему и загляну.

Я иду наверх, но уже по пути жалею о своем обещании. Потому что совершенно не желаю видеть снова этого парня. Не хочу сидеть там и смотреть на подергивающиеся глаза на застывшем лице.

Не могу я.

Поэтому останавливаюсь возле двери и прижимаюсь спиной к стене. Я прислушиваюсь к тому, как ритмично работает аппарат, с шипением закачивая и выкачивая кислород из легких.

Не может быть, чтобы это был мой брат. Не верю. Спортсмен-атлет с расстройством дефицита внимания, который не мог на одном месте усидеть пока ему не исполнилось пятнадцать и ему не прописали таблетки? Но если это не Коул, то кто?

Мне снова становится страшно. Грудь словно сдавила гигантская рука, не давая возможности дышать. Со мной что-то случилось. Может я сошел с ума, как мистер Шредер. Потому что я не знаю, что настоящее, а что вымышленное.

Заметив темные пятна, появившиеся на джинсах, я понимаю, что плачу. Стараюсь делать это как можно тише. Не хочу, чтобы родители услышали и пришли узнать, в чем дело. Разве я смогу объяснить им что-то?

Не знаю я, что со мной случилось. Все, что я знаю, что в отличие того эксперимента с очками, переворачивающими картинку верх ногами, мой мозг не восстановился, и все не вернулось на круги своя.

Что означает, что мне придется остаться здесь. По крайней мере, пока что.

Мне просто нужно все обдумать, понять, в чем же дело. Потому что я совершенно не горю желанием возвращаться в больницу. Слишком боюсь того, что может случиться со мной там.

Я как раз вытираю последние слезы рукавом, когда на лестнице раздаются шаги матери. У меня нет выбора: я вскакиваю и быстро проскальзываю в комнату для гостей.

И стою лицом к двери. Чувствую за спиной его присутствие и представляю, как он буравит взглядом мою спину. Но не оборачиваюсь. Как только мама оказывается в коридоре, я выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь.

— Он не спал? — спрашивает она.

Спал? Это можно как-то определить?

— Нет, — отвечаю я. — Но уже уснул, — добавляю тут же, надеясь, что мои слова звучат правдоподобно.

Мама с грустью смотрит на меня.

— Что ж, по крайней мере, он увидел тебя. Думаю, он гадал, куда ты пропал. Он понимает, что что-то случилось.

Не знаю, что на это ответить. Я неловко поеживаюсь.

— Пойду, пожалуй, приму душ, — наконец выдаю я.

— Конечно.

И мы расходимся по комнатам. Как только я оказываюсь в своей, я раздеваюсь и, взяв полотенце, висящее на внутренней стороне двери, обвязываю вокруг талии. Затем выбираю чистую одежду, которую собираюсь одеть после душа. Вот тут и обнаруживается еще одна странность.

Во-первых, мое нижнее белье. Я вижу только трусы-плавки. А я такие не ношу, я ношу только боксеры.

Я смотрю на джинсы, которые только что сбросил и с удивлением вижу в них плавки. Они слишком короткие — черные в пурпурную полоску. Что за чертовщина?

Я обыскиваю комод и нахожу пару трусов более-менее напоминающих боксеры, как те, которые на мне были в больнице и которые, насколько я помню, я всегда носил.

Затем выдвигаю следующий ящик, где у меня лежат футболки. И ни одна из них не кажется мне знакомой. Мне нравятся однотонные футболки, может у меня есть парочка с изображением любимых групп, но все футболки в ящике носят логотип известных спортивных компаний.

В следующем ящике, где я храню джинсы, нахожу только спортивные штаны и шорты. Помнится у меня была одна пара, да и то только для физкультуры. А теперь ими весь комод забит. Ах да, погодите, все правильно — я же предположительно что-то типа спортсмена теперь.

Мне приходится покопаться, прежде чем, я все же нахожу пару джинсов. Но даже их я вижу впервые и ни за что бы не одел — в них я буду похож на кретина.

Но выбора у меня нет. Кретин или нет, а демонстрировать свой зад всему Кристал Фоллз я не намерен. В итоге к боксерам-плавкам присоединяются джинсы и одна из обычных футболок, которые мне удастся найти, после чего наконец-то направляюсь в ванную.

Я принимаю долгий горячий душ. Мою волосы, забыв, что на задней части шеи у меня повязка. К черту — с меня хватит повязок. Я отдираю ее. Маленький кусочек пластыря в красных пятнах падает на дно и кружится в воронке слива, а затем *раз* и его нет — унесло Бог весть куда. Рану покалывает, когда на нее попадает вода, но все равно так здорово просто намылиться и смыть с себя все.

Я стою и позволяю воде бить мне в лицо какое-то время, что очень приятно, до тех пор пока я не делаю вдох и в нос мне не попадает вода, и тогда на долю секунды я снова оказываюсь там, в реке под водопадом.

Отпрыгнув в сторону, я поскользываюсь и падаю в ванную. Больно, но к счастью, головой я не ударился.

— Кэл! — зовет меня мама, стуча в дверь. — Ты в порядке?

— В порядке! — отзываюсь я, перекрикивая шум воды. — Просто поскользнулся.

Я услышал, что мама крикнула что-то еще, но не сумел понять что. Снова крикнул, что я в порядке и встал. Бедро ощутимо побаливало.

Я снова ополоснулся водой, выключил кран и вылез из душа.

Тщательно вытершись полотенцем, насколько это было возможно в заполненной паром ванной, я оделся. Я осторожно промокнул голову еще несколько раз и вышел в комнату, чтобы взять носки и толстовку с капюшоном.

Одевшись окончательно, я спустился вниз.

Отец беседовал по телефону по работе, он был огорчен по поводу чего-то и обещал приехать в ближайшее время. Тем не менее, заметив меня, он мне улыбнулся. Я указал на входную дверь, и он одобрительно поднял большой палец вверх.

Я одел куртку, кроссовки и вышел в этот новый непонятный мне мир.

ГЛАВА 9

Несколько минут я стою у начала подъездной дорожки, решая в какую сторону идти. Может быть, это вообще не имеет никакого значения. В город идти довольно далеко, а я все еще чувствую себя слабым и больным — короткая прогулка, вот все, что мне нужно.

Я прохожу мимо дома Эдвины, и ее собаки начали облаивать меня. Несколько минут спустя, я оказываюсь на развилке дороги, где дорожный знак указывает направление к кемпингу и трейлерному парку.

По дороге в сторону кемпинга я обычно выгуливаю Джесс.

Там огромное пустое поле, где она может спокойно гоняться за палками и мячиками, а мне не приходится переживать, что она выбежит на дорогу. А если она решит навалить кучку, то мне не обязательно убирать ее, что тоже своеобразный плюс.

Но даже без собаки мне нужно быть осторожным и держаться у обочины, пока иду по главной дороге. Последнее, что мне сейчас нужно, чтобы меня сбила машина. Правда, меня посещает мысль, а вдруг такое столкновение вернет все на круги своя.

Я сворачиваю к кемпингу. В это время года машин тут почти нет, дорога довольно ухабистая, и быстро по ней не пойдешь. Поскольку здесь пусто, я иду прямо посреди дороги. Наслаждаюсь солнечным ясным днем, хотя на улице гораздо холоднее, чем я предполагал.

Иногда приятно побыть одному.

Я иду по краю поля, где обычно отпускаю Джесс с поводка. Трава тут высокая, что странно, потому что рабочие кемпинга обычно хорошо заботятся о территории.

Сейчас же поле выглядит так, как будто его не стригли несколько месяцев.

Сомневаюсь, что Джесс смогла бы найти мячик, если бы я бросил его ей. Забавно, ведь я помню, как устроил целый марафон с ней тут на прошлой неделе.

Я иду туда, откуда должна быть видна приемная кемпинга. Но резко останавливаюсь. Потому что она пропала. Исчезла. Вместо большого бревенчатого домика, там растет несколько деревьев и какие-то кучерявые низкорослые кусты. Как будто приемной никогда не существовало.

За деревьями я вижу старый трейлер, установленный на пеноблоки. С другой стороны дороги на грязном пятачке земли, стоит старый проржавевший пикап. Ровно там, где, я помню, был установлена неправильная разрисованная приветственная табличка «Кристал Фоллз»

Большие деревянные ворота на въезде тоже пропали. Теперь дорогу перекрывает веревка, натянутая между двумя палками, напоминающими ручки метел.

Не знаю, как это воспринимать, но я чертовски напуган. Мне хочется убежать, но любопытство пересиливает. Приблизившись, наконец-то, могу разглядеть территорию кемпинга.

Площадка выглядит заброшенной, мусорные ящики переполнены, а под деревьями валяются пустые пластиковые бутылки. Как минимум треть сдаваемых внаем трейлеров отсутствуют, и я нигде не вижу ни одной палатки. Теннисные корты, площадка для мини-гольфа, все это исчезло!

Эти изменения настолько меня беспокоят, что желание выбраться оттуда как можно скорее пересиливает. Бросив один последний взгляд на кемпинг, я начинаю шагать в обратном направлении.

Но меня останавливает чей-то крик.

— Эй, ты, куда это ты собрался? — обернувшись, вижу, как из трейлера выходит мужчина в клетчатой рубашке.

— А ну-ка вернись! — кричит он мне вслед.

Пару секунд меня одолевает желание броситься прочь. Мужчина на вид старый, даже какой-то слабый и больной, так что решаю, что в случае чего убегу от него. Но я ведь ничего плохого не сделал. Так зачем мне бежать? К тому же, он с легкостью догонит меня на своем пикапе, если захочет.

Поэтому я опять разворачиваюсь и иду к нему.

Приблизившись, понимаю, что знаю его. Это мистер Гайз, владелец парка. Я лично с ним не знаком, но в городе частенько видел его. Имея активный бизнес в виде кемпинга в Кристал Фоллз, он всегда хорошо одет и ездит на эффектном новеньком джипе.

Сейчас, правда, он выглядит ужасно, одежда на нем грязная, а лицо багровое с прожилками полопавшихся сосудов. Я понимаю, что мужчина пьян, когда он выходит на дорогу.

— Добрый день, — здороваюсь я, когда он подходит ко мне. — Неплохой денек, не так ли?

Но мистер Гайз подошел ко мне не для обмена любезностями.

— Так, так, так, — тянет он и сплевывает на землю. — И куда это ты направлялся?

— Домой, — отвечаю я, хотя это не его дело, если уж на то пошло.

— Да ты что? — насмешливо произносит он. — То есть это не ты увидел мою тачку и решил ее угнать?

Дыхание у него препротивное.

— Простите? — переспрашиваю я, отступая на шаг назад, подальше от него.

Мистер Гайз кривит свое уродливое лицо.

— *Простите?* — повторяет он голосом, напоминающим девчачий. — *Простите?*

Быть такого не может — мужчина только что выиграл звание Горожанин года.

— Слушайте, мне жаль, — говорю я, стараясь оставаться максимально вежливым. — Но у вас какие-то проблемы?

— *Простите? Извините?* Где-то откопав свои манеры, ты, дрянь такая, сегодня приперся на мою частную собственность?

Ладно, кажется, с меня хватит. Мне неуютно находиться наедине на дороге с этим мужчиной. Вообще-то, ведь я не обязан терпеть перегар от в дрезину пьяного мужика, которое он извергает при каждом выдохе.

— Дорогая общественная, — говорю я ему, хотя, если быть честным, я понятия не имею

так ли это. — Имею полное право ходить по ней.

Его мутные глаза чуть из орбит не вылазят.

— О, вы подростки всегда знаете ваши права, да?

Мистер Гайз кудаччет, демонстрируя мне скошенные переломанные зубы в пятнах кариеса.

— Да, ты прав, это общественная дорога. Но все, что находится по другую сторону веревки, принадлежит мне, — сообщает он, тыча пальцем позади себя.

— Хорошо. И что?

— А то, что единственные, кому можно находиться по ту сторону — мои гости, — сообщает мне мистер Гайз. — И как я уже сказал, все гости должны платить мне взносы.

— Что? — не выдерживаю я. — Взносы?

Мужчина буквально взрывается.

— Да, взносы! — орет он на меня. — За то, что пользовались моей собственностью. Сколько еще раз мы будем проходить через это?

Вытерев лицо от брызгов его слюны, я делаю шаг назад.

— О чем вы вообще? — спрашиваю я. — Я вам ничего не должен.

— Ах, нет? — уточняет он.

— Нет.

Я, правда, не ожидал того, что случилось после: мистер Гайз стремительно надвигается, хватая меня за грудки и дергает к себе.

Глаза начинает жечь от паров виски, и я чувствую себя совершенно беспомощным.

— Ты прикалываешься надо мной, пацан? — ревет он и поджимает губы, прикрыв свои ужасные зубы. — Потому что, если да, то ты пожалеешь об этом!

— Отпустите! — кричу я, и меня чуть наизнанку не выворачивает из-за разящего от него перегара. — Опустите меня!

Удивительно, но он подчиняется, но к несчастью для меня, при этом сильно толкает меня. Я падаю и приземляюсь на спину, и при ударе о землю дыхание у меня сбивается.

Сквозь звездочки, которые кружатся вокруг меня, как будто я мультяшный персонаж, я вижу, как мужчина наклоняется надо мной, и машет пальцем в воздухе.

— Вы испорченные маленькие засранцы думаете, что можете пользоваться моей собственностью и вам это сойдет с рук? — кричит он. — Думаете вам можно прокрадываться сюда ночью и устраивать вечеринки или делать, что вам вздумается? Ты заключил со мной сделку. И либо ты мне заплатишь, либо я привлеку тебя к ответственности. Слышишь меня?

Лежа на дороге, я пытаюсь уклониться от пинка, который владелец парка собирается нанести мне по лицу.

Но на полпути он передумывает, и вместо удара в лицо мне летит грязь и камешки. Наполовину ослепленный, отплеывающийся от грязи, я слышу, как он смеется надо мной. Я вскакиваю и бегу.

— Беги, малыш, беги! — кричит мне вслед мистер Гайз. — Беги домой к мамочке!

Не останавливаясь, бегу до главной дороги пока не сбивается дыхание.

Знаю, что я не самый спортивный парень в мире, но мое падение в водопад и пребывание в больнице, кажется, напрочь лишили меня сил. Легкие горят, и я никак не могу сделать полноценный вдох.

Я прилагаю массу усилий, но такое впечатление, что на голову мне надели пакет.

Перед глазами начинает темнеть, и я понимаю, что падаю.

Я снова погружаюсь во мрак, в котором застрял после того, как упал в водопад.

И понимаю, что мне не хватало этой тьмы. Вокруг тихо и нет необходимости волноваться ни о чем. Мне кажется, что на этот раз я был бы счастлив навсегда остаться здесь.

В чувство меня приводит какой-то громкий звук. Бешено гудит автомобиль. Я открываю глаза и приподнимаю голову. Вскрикнув, быстро откатываюсь на обочину, и в метре от моей головы проносятся шины автомобиля.

Водитель не то, что не останавливается, он даже скорость не сбрасывает. Сколько я пролежал на дороге? Тревожный звоночек.

В памяти всплывает, как со мной поступил мистер Гайз и я чувствую себя униженным.

Этот мерзкий пьяница. Я начинаю представлять себе, как, прихватив пистолет, возвращаюсь к нему. Как прижимаю дуло к его подбородку, а затем валю его на землю.

Он заслужил это.

Я медленно бреду в сторону дома. Но уже спустя минуту снова раздается гудок, на сей раз за спиной. Я испуганно подпрыгиваю и подумываю нырнуть в кусты, чтобы сойти с дороги.

Небольшая спортивная малолитражка серебристого цвета, подняв облако пыли, тормозит возле меня. Тонированное стекло опускается и в проеме появляется улыбающееся лицо Айви. Она перегнулась через пассажирское сиденье так, что мне видно гораздо больше, чем открывает ее и без того смелое декольте.

— Что, напугала я тебя? — смеясь, спрашивает она.

— Вообще-то это не смешно, — раздраженно говорю я. — Пару минут назад меня чуть не задавили.

— Это потому что ты полный придурок, мой друг.

— Ха-ха.

Хотя я чертовски раздражен, все равно вспоминаю, каковы на вкус эти ярко-алые губы, которые колдовали над моим лицом и шеей.

Меня поражает мысль, что это были первые настоящие поцелуи в моей жизни, поцелуи от незаинтересованных девчонок во время игры в бутылочку несколько лет тому назад не в счет, как и те доступные девчонки, чьи сиськи можно было потрогать в туалете.

Губы Айви ощущались совершенно иначе, это правда.

— Садись, малыш, — скомандовала Айви. — Подброшу тебя.

Не знаю почему, но я боюсь садиться к ней в машину. Оставаться стоять на обочине тоже вроде как глупо. Поэтому, не смотря на протестующие инстинкты, я сажусь в машину.

Машинка у Айви маленькая, но хорошая — совершенно новая, судя по тому, как поскрипывают кожаные сиденья, когда я сажусь. От ревущих из динамиков басов, джинсы припечатывает к ногам.

Судя по финтифлюшкам, свисающим с зеркала, полагаю, этой машиной пользуется только она.

Задумавшись над этим, я вспоминаю, что слышал, будто у нее очень богатые родители. Ее отец дантист, если ничего не путаю, а мать дизайнер интерьеров или что-то типа того.

Колеса машины бешено вращаются в грязи, а затем Айви вырывает на дорогу.

Поскольку она не спрашивает куда ехать, я прихожу к выводу, что она знает, что я живу неподалеку. А на скорости с которой она едет, я окажусь дома уже буквально через пару

секунд.

— Сигаретку? — предлагает она, подсовывая пачку мне под нос.

— Нет, спасибо, — с отвращением отказываюсь я, хотя почему-то ощущаю себя каким-то ущербным. — Я бросил, сообщаю я ей, хотя по правде говоря, никогда и не начинал.

— Кэл Харрис бросил курить? Вау, ну удачи тебе в этом, — тянет она. Ее замечание удивляет меня, но Айви не замечает этого. Она бросает пачку обратно в сумку, стоящую между сиденьями.

— На самом деле мне все равно нельзя курить в машине. По крайней мере, пока я не намотаю на ней тысячу миль.

— Да, — с облегчением поддакиваю я. — Это затмило бы запах новой машины.

Айви поворачивается ко мне, отведя взгляд от дороги, по которой мы мчимся на высокой скорости.

— Знаешь, а ты красавчик, даже когда лицо перепачкано в грязи, — говорит она мне.

Смущенный, я провожу ладонью по лицу, а Айви возвращает взгляд на дорогу. Вдали виднеется мой дом, но Айви и не думает сбрасывать скорость, наоборот, она вдавливая педаль газа в пол.

— Эм, вот же мой дом, — говорю я ей, когда мы проносимся мимо.

— Я в курсе.

— Тогда почему не остановилась?

Теперь Айви управляет локтем. Вытащив дамское зеркальце, она не отвечает мне, и начинает наносить новый слой помады, при этом мы чуть не сбиваем бурундука.

— Эй! — обращаюсь я к ней.

— Слушай, Кэл, я знаю, ты прикольный и все такое, но я прогуливаю уроки не для того, чтобы прокатить тебя на полмили, — начинает она свое объяснение.

— Ты прогуливаешь уроки? — переспрашиваю я. — Ради чего?

— Ты что, не получил мое сообщение о том в силе ли наши планы на сегодня? — спрашивает Айви.

— Нет, — признаюсь я. — Я даже не включал комп.

— Это я уже поняла. Тебе повезло, что я догадалась, что ты будешь ждать меня. Новый телефон тебе просто необходим, причем срочно.

Ждать ее? Понятия не имею, о чем Айви толкует.

— Куда мы едем?

— Выполнить твое маленькое поручение, — отвечает девушка. — Ведь оно сегодня, да? Сегодня или завтра, я точно не помню.

— Мое поручение?

— Ты забыл? На прошлой неделе ты просил подвезти тебя.

— А-а, — мычу я, хотя по-прежнему понятия не имею, о чем она ведет речь. Такое впечатление, что я очутился в параллельном мире, в чьем-то чужом теле. Кожу начинает покалывать, а сердце буквально вылетает из груди.

Тем не менее, я не хочу все испортить. Как бы ни страшила меня наша поездка, я наслаждаюсь ею. Как часто у меня появляется возможность кружить по округе в спортивной тачке с симпатичной девчонкой? А еще мне нравится наблюдать за тем, как Айви управляет машиной. Сиденье отодвинуто назад, и обнаженные ноги девушки почти полностью вытянуты, мышцы голени напрягаются, когда она нажимает на педали, что при ее безбашенном стиле вождения случается очень часто.

— Так ты придешь в пятницу вечером?

— Куда? — с трудом выдавливаю из себя я, так как горло перехватывает, когда мы едва-едва вписываемся в поворот.

— Домой к Бекке, — отвечает Айви. — Ее родители в отъезде, поэтому она устраивает вечеринку. Будет весело — у нее большой дом, дружок.

— Не знаю.

Поскольку я не слышал ничего ни о вечеринке, ни о девушке по имени Бекка, сильно сомневаюсь, что приглашен.

— Что ж, тупо пропускать такую вечеринку, — сообщает она мне. — Где еще ты сможешь продать свой товар?

Видимо я снова не догоняю. Какой еще товар? Восторг от поездки быстро исчезает. Мозг перегружен, я не успеваю следить за ходом событий. Иначе, почему я никак не могу понять, о чем она говорит?

Тут я заметил, что мы уже на выезде из города. Куда едет эта девушка? В Уотерфорд?

Мы приближаемся к заводу Холденов — на фоне желто-красной листвы здания кажутся ослепительно белыми.

По словам отца, процесс производства всемирно известного ржаного виски постоянно происходит в одних и тех же помещениях — алкогольный напиток, качество которого гораздо выше, чем у многих известных бурбонов, произведенных на основе кукурузы.

Как бы то ни было. Мне на вкус виски напоминает дым и огонь.

Даже на такой скорости, я успеваю заметить на парковке фургон отца. Я глубже вжимаюсь в сиденье.

Айви резко притормаживает и поворачивает. Меня бросает вперед и я чуть не вылетаю из сиденья, не смотря на ремень безопасности.

— Эй! — кричу я. — Почему мы остановились?

Айви смотрит на меня как на дурачка.

— А где еще ты делаешь покупки, дружище? Мне нравятся джинсы, кстати говоря, почему бы тебе не носить их почаще?

Я не понимаю. Ладно, на заводе Холденов действительно есть розничный магазин.

Но там обычно продают только алкоголь, и продавцом там работает женщина по имени Эстер с отвратительным характером, которая крайне негативно относится к несовершеннолетним подросткам, которые ошиваются вокруг магазина, даже если это сам сын мастера по перегонке виски.

— Делаю покупки? — повторяю я. — Айви, нам там ничего не продадут!

— Спасибо, что напомнил, Капитан Очевидность, — язвит Айви, и подъезжает к магазину так, словно она тут хозяйка.

Закрыв лицо руками, я в ужасе смотрю по сторонам, пока Айви делает круг по парковке и заезжает за одну из хозпостроек — заброшенный барак, в котором по заверениям отца когда-то жили рабочие-мигранты.

Я с облегчением выдыхаю. Здесь нас, по крайней мере, никто не увидит.

— Иди, делай свое дело, — велит Айви. — А я буду ждать тебя здесь, и греть тебе сиденье.

Ладно, теперь она наверняка издевается надо мной. Но ее улыбающееся лицо, обрамленное блестящей завесой темных волос говорит об обратном.

— Айви, я не могу красть выпивку!

— Ха-ха, — делано смеется она, и игриво подталкивает меня к двери.

— Я серьезно!

Айви смотрит на меня и внезапно настораживается.

— Кэл, ты себя нормально чувствуешь? Ты, правда, очень странно себя ведешь.

— Я в порядке, — отвечаю я.

— Не уверена. Уверен, что тебе не нужен врач или какое-то лекарство? Ты недавно пережил ужасное происшествие, не забывай. И ты сейчас сам на себя не похож.

— Да в порядке я! — настаиваю я.

— Ладно, ладно, — успокаивающе говорит Айви. — Просто ты ведешь себя как рохля.

Слово резануло, как нож под ребра.

— Я не рохля!

— Тогда иди и встреться со своим человеком, и покончим с этим! — кричит она в ответ, а затем внезапно целует меня. — Поторопись, после обеда у меня тест по алгебре.

Мне пришлось прекратить смотреть на Айви, а то мысли начали путаться. С одной стороны, я никогда в жизни ничего не крал. Но я так же никогда не гонял по проселочным дорогам с шикарной девчонкой — и мне совершенно не хотелось лишиться такой возможности.

Нелепо, но я почувствовал, что поддаюсь давлению нежелания выглядеть, как перепуганный цыпленок.

— Ладно, — соглашаюсь в итоге я. — Жди здесь.

Выбравшись из машины, я раздумываю, что смогу стянуть. Может быть, утащить одну бутылку не так уж и сложно, если уж на то пошло.

Можно на пару минут заскочить к отцу в кабинет, и если мне повезет, то там найдется бутылка, которую я смогу засунуть под толстовку по пути к двери.

Да ладно. Не могу я воровать у отца на работе. Во-первых, у меня могут быть неприятности — причем очень крупные. И кто знает, может отца даже уволят.

Мысль об увольнении к моему удивлению приводит меня в радостное волнение. Но какой толк от этого? Ведь от этого мы не переместимся волшебным образом в нашу старую жизнь до переезда в Кристал Фоллз, когда мы были одной дружной семьей.

Нет, так рисковать я не могу. Но, пожалуй, можно сделать вид будто бы пытался. Этого должно быть достаточно, чтобы произвести впечатление на Айви. Я всегда могу сказать ей, что они установили дополнительные камеры безопасности и стащить ничего не удалось.

Я пересекаю территорию парковки и приседаю у тротуара на пустом парковочном месте возле входа в здание. Мне просто нужно выждать пару минут. После можно будет вернуться и рассказать ей, что дело провалилось.

Но тут я слышу тихий свист. Выглянув из-за машины, вижу человека в спецодежде, стоящего на траве. Между пальцев у него зажата сигарета, и он снова свистит, явно мне.

Теперь я вспоминаю его. Это Росс Маршал, он работает на складе. Я знаю его, так как он делал ремонт у нас в доме.

Я встаю, машу ему рукой и улыбаюсь. Правда, он не улыбается мне в ответ. Наоборот, мужчина выглядит взбешенным и нетерпеливо машет рукой, подзывая меня к себе.

Не сдержавшись, морщусь, вспомнив, как все обернулось с владельцем кемпинга. По крайней мере, уверен, что Росс не пьян, не смотря на наличие под рукой сотен литров спиртного.

Но все равно он мужчина крупный, и мне не по душе мысль перейти ему дорогу.

Но тут раздаётся рев мотора и блестящий чёрный мерседес влетает на парковку и подъезжает прямо к тому месту, где стою я. Супер — я на личном парковочном месте Блейка Холедна! Уступая дорогу, я отхожу на травку.

Одетый в костюм и галстук, владелец спиртоводочного завода Холден выходит из машины, и на его лице написано подозрение и отвращение.

Сначала мне показалось, что он перепутал меня с Коулом, который избил его сыночка. Но затем я вспомнил тот факт, с которым пока так и не смирился: Коула парализовало до того, как это избиение могло произойти.

— Добрый день, мистер Холден, — вежливо здороваюсь я. — Я — Кэллум, сын Дональда Харриса.

Мое представление не возымело особого эффекта. Холден впивается в меня взглядом, прежде чем среагировать.

— Да, — говорит он, глядя на меня свысока. — И ты играешь за «Крокодилов» — бегаешь и ловишь мячик, который тебе бросает мой сын.

Ответа у меня не находится, потому что я такого не помню. Холден отворачивается и зовет Росса.

— Мистер Маршалл, — обращается он к нему, глядя на свои часы. — Вы уже устроили себе перерыв?

— Я возвращался из офиса, — начинает Росс, внезапно утратив всю свою грозность. — Но остановился, когда увидел, как этот парнишка слоняется по парковке.

Ложь Росса напоминает отмазки учеников, объясняющих, почему они не успели закончить свои проекты по истории. И как все лжецы, он быстро меняет тему.

— Как ваше путешествие в Азию, мистер Холден?

— Было долгим, — отрезает Холден, — но продуктивным. Японцам и корейцам нравится наше виски, поэтому у нас есть несколько больших заказов, — рассказывает он, и вытаскивает из машины портфель.

— Ого, сэр. Супер.

Я уже и забыл про этот конкретный каламбур: сленг из какого-то военного фильма.

Когда Росс работал у нас дома, он постоянно хвастался тем, что служил в морской пехоте: «Я был там, знаешь», — говорил он всякий раз, когда я проходил мимо него.

— Никакой готовки яиц или стирки носков, я был именно на передовой, — воспитание обязывало меня остановиться, и в итоге я был вынужден выслушивать детальные истории, которые заканчивались кучей обгорелых трупов, или в центре которой фигурировали чьи-то отрезанные головы.

Он постоянно смеялся, хотя тогда ни одна из его противных историй не казалась мне забавной. Но сейчас, наблюдая, как самопровозглашенный мятежный киллер прогибается перед своим дородным гражданским начальником, я очень даже развеселился.

— А Марлен сказала мне, что ты занят установкой новой душевой кабины, — невесело констатировал мистер Холден.

Марлен — жена Холдена, мать его троих сыновей с плоскими лицами и приплюснутыми носами: Хантера, Ганнера и Чейза.

Раньше мне было интересно, захочет ли эта чванливая парочка произвести на свет Бака или Муза, чтобы собрать полный комплект, но судя по всему, они покончили с производством маленьких Холденов. *(Прим. Перевод. С англ. языка имена переводятся след.*

образом: Хантер — охотник, Ганнер — стрелок, Чейз — охота/травля, Бак — олень-самец, Муз — лось)

Такое впечатление, что Россу никак не оторваться от ремонта домов по выходным. Он, кстати говоря, занимается ремонтом дома своего босса. Отличная работа для того, кто при установке перепутал краны с горячей и холодной водой у нас на кухне.

— Да, простите, мистер Холден, — извиняется он. — Мы заказали специальную плитку из Италии, поэтому я не появлялся у вас несколько недель.

— Да? — делано удивляется мистер Холден. — А моя экономка утверждает, что видела, как ты уходил в воскресенье...

— Хм... — бормочет Росс. — Погодите-ка, все верно. Я заскочил около часу, чтобы забрать несколько инструментов. Пока ждем плитку, я работаю на другом объекте.

Теперь я по настоящему наслаждаюсь шоу. Даже в пятом классе есть врунишки поизобретательнее.

— Что ж, давайте уже заканчивать с этим, мистер Маршал. Все эти заграничные заказы, а на складе скоро будет очень много дел. Я хочу видеть отменный результат. На обеих работах.

Росс вытягивается по стойке смирно.

— Роджер, сэр.

Мистер Холден изучает мужчину, а затем направляется внутрь, так и не взглянув на меня.

— *Пст*, — я слышу как шипит Росс, когда мистер Холден наконец исчезает из виду.

Я оборачиваюсь.

— Привет, Росс, — здороваюсь я. — Что случилось?

Вместо ответа он сердито буравит меня взглядом. Мужчина бросает взгляд на вход в здание — полагаю, чтобы убедиться, что мистер Холден все еще внутри.

Только после этого он, наконец, заговаривает со мной низким злым голосом.

— Ты что здесь делаешь? — требует он ответа.

— Просто заскочил поздороваться.

— Я думал ты еще в больнице.

— Выпустили. За хорошее поведение, — шучу я, пытаюсь разрядить обстановку.

— Ты должен был сначала позвонить! У нас же соглашение. Дьявол, ты не можешь просто взять и поменять планы.

Ну и что этот мужик имеет в виду? Впрочем, в последнее время подобные ситуации стали почти нормой, поэтому я просто уточняю:

— Какое соглашение?

— Какое соглашение? — повторяет он мой вопрос, стараясь контролировать голос. — Соглашение, умник, которое гарантирует, что нас с тобой вместе никто не будет видеть, дошло? А теперь давай, потопали...

Понятия не имея, что происходит, я следую за Россом, когда тот разворачивается и направляется к зданиям склада. Мы останавливаемся у тяжелой металлической двери, ведущей в первое из них.

— Честно говоря, я думал, что из больницы тебя вынесут вперед ногами, — признается он.

— Думаю, мне повезло, — сухо отвечаю я.

— Ага, — бормочет Росс. — Или мне не повезло.

Его слова нисколько не напоминают шутку. Не знаю, что сказать, встретившись лицом к лицу с еще одним человеком, который желает мне смерти.

Ну и, конечно же, я не знаю, что сделал, чтобы обидеть этого парня. Насколько я знаю, он неплохо ладит с моим отцом и был довольно дружелюбен со мной, когда работал у нас дома.

Но я помню, как мама называла его негодяем, хотя и не знаю, почему она так решила.

Росс отпирает дверь и без единого слова входит в помещение. Я остаюсь стоять один, гадая, чего он хочет от меня, но затем слышу, как он шипит мое имя и захожу вслед за ним.

Витающие на складе ароматы просто невероятны, такое впечатление, что у них там открытый бассейн с виски. Полагаю, запах появился за долгие годы от разбитых бутылок.

В носу сразу же появляется жжение, а пазухи словно заполняются жидкой лавой. Из глаз начинают течь слезы, и пару секунд я ничего вокруг не вижу. Когда зрение проясняется, Росса нигде не видно.

Я медленно иду по коридору пока не оказываюсь в комнате, освещенной запыленной лампочкой, свисающей с потолка на проводе. Там стоит стол весь в круглых пятнах от кружек с кофе, в центре которого на бумажке лежит недоеденный бутерброд.

И никаких признаков жизни.

И только тут в голове всплывает воспоминание — очень яркое, вызванное, как я думаю, острым запахом виски. Видимо обоняние напрямую связано с памятью, по крайней мере так когда-то сказал мне отец.

И, должно быть, так и есть, потому что я мгновенное вспоминаю прошлое.

В то время мне было двенадцать. Отец взял нас с Коулом на завод. Помню, как нечто подобное случилось со мной и тогда — как только мы зашли в здание, в носу началось жжение, а глаза заслезились.

Я просил уйти оттуда, но отец проигнорировал меня, так как горел желанием показать нам с братом полки с готовой продукцией, готовой к отправке всем любителям виски в мире.

Перед тем как уйти, мы остановились здесь, в этой же комнатке. Тогда здесь сидел мужчина с багровым лицом, он что-то потягивал из дымящейся кружки-термоса. Напротив него сидел парень помоложе и листал журнал.

Перед тем как парень закрыл журнал, я успел разглядеть самые огромные сиськи, из всех, что видел за всю свою жизнь.

— Хочу познакомить вас с моими сыновьями Коулом и Кэллумом, — обратился отец к этим двоим. — Мальчики, это Росс, — представил отец молодого смутившегося парня. — А это Датч.

Секунду. Датч. Это же про падение этого мужчины в водопад рассказывал шериф. Я и, правда, с ним встречался. Здесь, вместе с отцом.

— Ну, все, хватит болтаться тут, пошли, — напугал меня голос Росса. В крепкой руке он нес ящик собственности Холденов.

Ноя даже не пошевелился.

— Эй, а тот старик еще работает здесь? — спросил я.

— Какой еще старик?

— Датч или как-то так? — ответил я, словно неуверенный в имени его напарника. — Да, уверен, что его зовут Датч.

— Датч? — повторил он. — Он латиноамериканец?

Его зовут Датч, тупица. У тебя вообще мозги есть?

— Нет, — ответил я.

— Ну, тогда он, вероятно, не работает на складе, — ответил Росс. — Ну что, где ты припарковался? За старым бараком? Пошли.

Росс направился к двери и открыл ее. Выйдя наружу, он взмахом руки велел мне оставаться внутри. Я нырнул обратно в коридор, а он вытащил пачку сигарет и зажигалку из кармана рубашки, каким-то образом поджег сигарету одной рукой.

Услышав крики, я замер.

— Да, ты первый! — крикнул Росс кому-то, а затем открыл дверь с помощью ящика. С минуту он стоял в облаке сизого дыма и попыхивал сигаретой. А я очутился в ловушке двух ароматов, которые на дух не переношу.

— Давай, все чисто, — наконец-то позвал меня Росс, перехватывая поудобнее ящик. — Дай мне шестьдесят и иди на шесть часов.

— Ладно, — отвечаю я. Я так понял, что он хочет, чтобы я выждал минуту и следовал за ним.

Но Росс не уходит.

— погоди, — вдруг говорит он. — Ты сказал Датч, ты имел в виду Пьяницу Датча?

— Может быть.

— Чувак, который упал в водопад, как и ты?

— Да! Значит, ты знаешь, о ком я веду речь...

— Конечно, его все знают. Но лично я с ним никогда не встречался. Потому что в отличие от тебя, он утонул. Все случилось до того, как я начал работать тут, я тогда еще был за границей, служил морпехом...

О-о-о, нет. Догадываюсь, что Росс собирается рассказать какой-нибудь героический анекдот о себе любимом. Но он останавливается на полуслове.

— А с чего вдруг ты спросил про Датча?

Ответ не сразу приходит мне в голову: вру я хуже, чем пятиклашки.

— Просто так.

— Ври больше. Я видел, как ты осматривался в комнате отдыха. Ты, что, видел призрак старика, околачивающегося там? — спрашивает он, тыча пальцем в сторону комнаты отдыха.

— Что?! Нет!

— Или ты видел его, когда упал в воду? — озвучивает Росс свою новую идею, и его глаза вспыхивают. — Он был там, на дне, весь такой склизкий, костлявый и надеялся, что ты пришел спасти его?

Он что прикалывается надо мной? Никак не пойму. Качаю головой, испытывая легкое головокружение, то ли от дыма, то ли от винных паров то ли от того, что представил себе, как сгнивший труп тянется ко мне за помощью.

— Ясно, фигово, — разочарованно выдает Росс. — Потому что это была бы чертовский замечательная история, — он снова оглядывается. — Ладно, выжди минуту, — командует он, — И в следующий раз не болтайся тут впустую — мою долю привезешь на следующей неделе, — и перед носом у меня захлопывается дверь.

Супер. На складе темно, мне страшно и я готов упасть в обморок. По какой-то причине, я начинаю считать про себя, как будто играю в прятки или что-то в этом духе. Досчитав до двадцати двух, мне надоедает. Я открываю дверь и выхожу.

Росса и след простыл. Я иду в сторону старого барака, заворачиваю за угол парковки, стараясь держаться вне видимости из окон главного здания.

Дойдя до машины, вижу, что ящик с выпивкой стоит у заднего бампера. А Айви, опустила сиденье, и спит.

Ее блузка расстегнулась и мне виден ее черный кружевной лифчик. Внезапно меня охватывает злость, когда я понимаю, что Росс тоже отлично все разглядел.

Айви испуганно подпрыгивает, когда я стучу по стеклу.

— Еще одна полная коробка? — неверяще вскрикивает она, когда мы загружаем коробку в багажник и я сажусь на заднее сиденье. — Супер, Кэл. Я, правда, не знаю, как ты все это сбудешь...

— Честно говоря, — отвечаю я, — я тоже.

Айви целует меня в губы. Она прогибается, и я чувствую, что меня как будто ударяет током, когда ее язык начинает кружить у меня во рту, как маленькая ящерка.

В итоге я все же отстраняюсь.

— А теперь поехали, пожалуйста, — умоляю я. — Я хочу убраться отсюда поскорее.

ГЛАВА 10

Пока мы стоим на холостом ходу на дороге возле моего дома, Айви снова целует меня. Но теперь она спешит, поэтому старается вытолкнуть меня за дверь, так как боится опоздать на тест по алгебре.

Пытаясь стереть с губ ее жирную помаду, вылезая из машины. И я бы сразу же отправился в дом, если бы не звук открывшегося багажника.

Ящик с виски! Я-то надеялся, что Айви оставит его у себя. Но, полагаю, у меня нет выбора.

Кряхтя, пытаюсь приподнять тяжелый ящик с бутылками. Опустив его себе на колено, захопываю крышку багажника. Айви машет мне, затем дает задний ход и, визжа шинами, уезжает, а я остаюсь стоять перед домом, держа в руках ящик на котором заглавными черными буквами написано «СОБСТВЕННОСТЬ ХОЛДЕНОВ»

Ни один житель Кристал Фоллз ни с чем этот ящик не спутает.

Я оглядываюсь на дом Эдвины. Мне лучше зайти в дом, да поскорее. До сих пор верить не могу, что я это сделал — украл дюжину бутылок виски с работы отца.

И очевидно, у меня какие-то дела с Россом, иначе он не стал бы помогать мне. Хотя не могу сказать, что он выглядел особо счастливым.

Обернувшись, замечаю, что красного хэтчбека нет. Повезло — мама куда-то уехала. Я иду по дорожке, периодически поглядывая на двор Эдвины, чтобы убедиться, что она не застучает меня с виски.

Снова поставив ящик на колено, я пытаюсь открыть входную дверь. Заперто. Пошарив по карманам, я вдруг понимаю, что ключей при себе у меня нет. А где же они, кстати говоря?

Видимо выпали из кармана, пока я летел с моста в воду, и теперь покоятся на дне реки.

Ну и что мне теперь делать? Мне нужно спрятать этот ящик. Да и вообще, холодно и дождь похоже собирается. Крыльцо у нас без козырька, так что я промокну до нитки.

Тут я вспоминаю, что у нас припрятан запасной ключ под большим плоским камнем возле крыльца. Ну или по крайней мере мы так делали раньше, в том доме, который я помню.

Ставлю ящик на крыльцо и начинаю искать камень. С облегчением замечаю плоский камень на прежнем месте — большой серый с двумя белыми прожилками по центру. Подняв его, нахожу ключ, где он и должен был быть.

Аллилуйя. Спустя десять секунд мы с виски уже в доме, и я потираю ноющие ладони.

Как хорошо воспитанный парень, я сбрасываю обувь. Но вдруг замечаю, что кто-то не потрудился сделать это.

На полу виднеются грязные следы, прямо на ковре. Мама взбесится. Впрочем, это же не я, наверное, Коул.

Черт... я снова забыл. Коул не может ничем нигде наследить.

В доме стоит мертвая тишина.

— Есть кто? — осмеливаюсь крикнуть я, пока вешаю куртку на свободный крючок. Если дома кто-то есть, то мне придется запихнуть ящик в шкаф.

Но никто не отзывается.

Я иду на кухню и открываю дверь в подвал. Свет там выключен и Джесс там нет.

Поднимаясь по лестнице, замечаю, что следы ведут на второй этаж. Мне становится неуютно, когда я понимаю, что следы заканчиваются у двери в мою комнату.

Я опускаю ящик на пол. Сделав глубокий вдох, открываю двери. Но в комнате никого нет, по крайней мере я никого не вижу. Заглядываю в шкаф. Пусто. Опустившись на четвереньки, заглядываю под кровать. Там тоже пусто, за исключением пары носков и комков пыли.

Тут я вспоминаю о месте у меня под столом, где я имел обыкновение прятаться от Коула, когда он буйствовал. Я выдергиваю вращающийся стул. Но и там никого не обнаруживаю.

Может я просто придумал это все, с облегчением думаю я. Но грязные следы на полу никуда не делись. Вглядевшись, мне даже удастся разглядеть четкий след кроссовки.

Я возвращаюсь в коридор и снова осматриваюсь. И обнаруживаю плохо различимые следы, уходящие вглубь коридора, и заканчивающиеся перед дверью в комнату Коула.

Я открываю дверь и заглядываю внутрь.

Там по-прежнему лежит эта фигура — обездвиженное тело, укутанное в одеяло. Я замираю, наблюдая, как медленно вздымается и опадает тощая грудь. Трубки тянутся от его горла до стоящего рядом аппарата, который выполняет дыхательную функцию за брата.

Так как кровать у Коула высоченная, с громадным грузом, мне видно, что под ней никто не спрячется, поэтому я смело вхожу.

Выставив кулаки перед собой, проверяю шкаф. Там лежат простыни, парочка одеял и какое-то медицинское оборудование, и больше ничего интересного. И уж точно там никто не спрятался. Проверяю пол, но больше не нахожу следов грязи.

Здесь никого нет, уверен в этом. Я расслаблено опускаю плечи.

И именно в этот момент я слышу странный звук.

Он раздается из-за спины — как будто кто-то захлебывается. Тело, лежащее на кровати, зовет меня, догадываюсь я. Мне совсем не хочется оборачиваться. Не хочу смотреть на него. Но чувствую, что у меня нет выбора.

Звуки прекращаются, когда я подхожу к кровати. У человека лежащего там лицо моего брата. Я смотрю в знакомые зеленые глаза, которые изучаются меня с жутковатым спокойствием.

Я тоже не отвожу глаз, и думаю о жизни с моим братом и обо всем том, что случилось с

нами с тех пор, как мы приехали в Кристал Фоллз.

Такое впечатление, что он даже не моргает, пока смотрит на меня.

Ты не мой брат, вспыхивает в голове мысль.

Жуткая мысль. Но это правда. Я уверен в этом, потому что помню последний раз, когда видел его. Это было меньше чем неделю назад. Я висел над ревущей черной пропастью, и Коул был там, он держал меня за руку.

Он держал меня изо всех сил, без устали обещая, что не отпустит меня.

Но рука соскальзывала и он ничего не мог поделать. Коул не сумел меня удержать.

— Мне жаль, — говорю я, обращаясь к неподвижной фигуре. — Мне, правда, очень жаль.

Я вижу, как из неподвижных глаз начинают течь слезы.

И вспоминаю про виски.

Я выбегаю в коридор, где так и стоит ящик. Зарывав от натуги, я поднимаю его и несущу его в свою комнату.

И где мне спрятать это «сокровище»?

Обведя взглядом комнату, решаю, что единственно возможный вариант это шкаф. К сожалению, для этого потребуется что-нибудь оттуда выкинуть.

И тут меня снова ждут непривычные вещи — хоккейные клюшки, бейсбольные перчатки, мячи, биты, и различные игровые головные уборы. Ничего из этого меня не интересует.

Я вываливаю все на пол спальни, пока в шкафу не образуется достаточно места, чтобы пропихнуть ящик к задней стенке. Сверху наваливаю все это спортивное обмундирование.

Смотрю на следы грязи на полу. Так как объяснения их появлению нет, мне совершенно не хочется обсуждать это с мамой.

Поэтому я беру метлу и веник и подметаю кусочки грязи, начиная со входа, нижнего коридора, лестницы и заканчивая своей комнатой.

А после я беру швабру и протираю пол, уничтожая оставшиеся пятна.

Времени мне едва хватает, так как мама возвращается через минуту после того, как я заканчиваю избавляться от улики.

Она застаёт меня в дверях кухни, куда я ходил ставить на место швабру.

С ней Джесс. Вместо того, чтобы поприветствовать меня, собака убегает в гостиную с такой скоростью, будто за ней гонятся.

— О, Кэл, — замечает меня мама. — Мне надо было съездить в город за лекарством для твоего брата. Надеюсь, ты не очень волновался, когда обнаружил, что меня нет дома.

Я пожимаю плечами.

— Думаю, я потерял ключи тогда в реке, — замечаю я. — Так что мне пришлось взять ключ из-под камня.

— О, дорогой. Я не подумала об этом, — восклицает мама. — Я не собиралась уезжать надолго...

— Все в порядке.

— Ты не злишься на меня?

— Злюсь? — как попугай повторяю я. — Из-за чего?

— За то, что оставила Коула одного. Знаю, что ты не любишь, когда я так делаю.

— Оу.

— Пока ты лежал в больнице на прошлой неделе, мы очень полагались на помощь

Эдвины, но мне неудобно обращаться к ней снова. Но перед отъездом я убедилась, что трубка очень надежно закреплена и, что если электричество вдруг отключится, то аппарат переключится на запасной генератор, — на лице мамы вспыхивает стыд, что она оставила своего парализованного сына одного. — Мне жаль, Кэл. Знаю, что мне следовало дожидаться, пока ты вернешься домой...

— Мам, все в порядке, честное слово, — заверяю я ее.

К счастью раздается звонок телефона, и мама убегает ответить на него. Я тоже счастлив сбегать и быстро поднимаюсь на верх.

— Алло? — слышу я, как она поднимает трубку. — О, тренер Келлер! — бодро восклицает мама.

Я замираю посреди лестницы. Тренер Келлер? Что ему нужно на сей раз?

— Нет, Кэлу гораздо лучше. На самом деле, он как раз вернулся с прогулки. Позвать его к телефону?

Не, не, не.

Мама зовет меня.

Матерясь про себя, я снова спускаюсь. Беру трубку, как будто это граната без чеки и говорю:

— Алло?

— Кэл! — раздается в ухе голос моего учителя. — Как делишки?

Как *делишки*? Реально не выношу разговоров с этим парнем.

— Кэллум, если что, — поправляю его я. — Только Коулу можно называть меня Кэл, — объясняю я.

Упс, мама слышит наш разговор. Краем глаза замечаю, как она бросает на меня встревоженный взгляд.

И тут меня осеняет: если я так уверен, что Коул, лежащий наверху не мой брат, то кто тогда она?

Келлер прерывает мою мысль.

— Эм, ладно, — соглашается он. — Как скажешь, парень.

Секунд десять в трубке висит гробовая тишина. Я наблюдаю, как на кухне мама прибирается на столе. Если не брать во внимание странную старую одежду, она несколько не изменилась.

— Слышал, ты уже ходил на прогулку, — продолжает тренер Келлер. — Это здорово. Телу нужно движение. Когда думаешь вернуться в школу?

— Не знаю. Может быть завтра, — безразличным тоном отвечаю я.

— Завтра? Вау, да это же просто отличные новости! Слушай, не хочу давить на тебя, но чем раньше ты вернешься, тем лучше. Ты нам нужен, сынок. И ты это прекрасно знаешь. Школа нуждается в тебе.

Школа нуждается во мне? О чем это он вообще?

— Команда окажет тебе поддержку, они надеются, что ты будешь на следующей игре. Как думаешь, сможешь?

Игре? Видимо, он имеет в виду футбол. Ему-то какое дело?

— Эм, даже не знаю, — отвечаю я. — Может быть.

Даже не знаю, зачем ляпнул это. На самом деле я ведь не был на играх «Крокодилов» с тех пор, как Коула вышвырнули из команды. Так какого ж мне морозить зад, болея за вторую в списке худших команд в лиге?

— Только может быть? — уточняет Келлер.

— Возможно, — лгу я. — Слушайте, мне пора идти. Но спасибо за звонок, мистер Келлер.

— Тренер Келлер, — поправляет он.

— Тренер Келлер... простите. До свидания.

— До свидания, сынок. Помни телу нужна нагрузка!

Повесив трубку, меня внезапно смущает его странно напутствие. А Келлер спрашивал буду я присутствовать на игре или буду я в нее играть?

— Ты уверен, что это хорошая идея? — спрашивает мама.

— Какая?

— Кэл, ты только что перенес серьезную травму головы, — напоминает мне она. — Знаю, что у тебя есть обязательства. Но ты к полю и близко не подойдешь, пока доктор не скажет, что это безопасно для тебя.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо соглашаюсь я. В любом случае я не хочу иметь никаких дел с футбольной командой. Мне просто интересно: зачем мне звонил тренер Келлер? Кто конкретно я для него?

Иду наверх проверить не написал ли мне кто. Пока компьютер грузится, я внимательно изучаю одну из наград, стоящую на верхней полке.

Это позолоченная статуэтка, изображающая игрока в шлеме, бегущего с мячом в руках. Мне приходится залезть на стол, чтобы дотянуться до нее. Смотрю внимательно на именную табличку, на которой выгравировано: *Кэллumu Харрису, дебютанту 2011 года. «Крокодилы» из Кристал Фоллз.*

И вспоминаю, что сказала мама: *Ты к полю и близко не подойдешь, пока доктор не скажет, что это безопасно для тебя.*

Меня пробирает дрожь. Поэтому звонил тренер? Я ведь не играю в футбол, я уверен в этом. У меня с трудом получается ловить мяч, молчу уже о том, чтобы бросить его, хотя последнее кажется я делаю еще хуже.

Даже Коул поставил на мне крест, сказав, что я специально притворяюсь, будто у меня напрочь отсутствует координация, чтобы побесить его. Но я ни разу не притворился. Я просто не умею играть в футбол, как и во все другие командные спортивные игры.

В результате быстрого осмотра экипировки, которую недавно запихнул в шкаф, я нахожу пару футбольных бутсов, покрытых коркой засохшей грязи и травы.

На носках шариковой ручкой написаны инициалы К.Х. И, что кажется мне еще более странным, эти буквы скорее напоминают мой аккуратный почерк, нежели корявые каракули Коула.

Я натягиваю один, и он идеально подходит по размеру.

Беру в руки старый футбольный мяч тоже с инициалами К.Х на нем, на сей раз написанным черным маркером. Правда мне не удастся найти фирменный шлем «Крокодилов», ни их форму, ни щитки.

Но тут я вспоминаю, что форма Коула адски пахивала и ее хранили в гараже.

Убираю бутсы в шкаф и закрываю его.

За спиной один из древних драйверов компьютера издает писк, очевидно спрашивая: *Эй, что случилось с флоппи-дисками? Почему ты ими больше не пользуешься?*

Мои сообщения, я просто хочу взглянуть на них снова и проверить не пришли ли новые.

И тут мой взгляд падает на стол.

Один из ящиков задвинут неплотно. А я-то точно знаю, что задвигал этот ящик до упора, потому что именно в нем лежат обличающие меня вещи: пачка денег и пистолет.

Я сдвигаю тетради в сторону и снимаю крышку с коробки из-под обуви. И по какой-то причине, я ни капли не удивлен тому, что нахожу там.

Там ничего нет. Коробка пуста.

ГЛАВА 11

Школа Кристал Фоллз считается большой, так как в ней учится тысяча двести человек, часть из которых приезжает из близлежащих городов — «пришлые», как их называют. Снаружи кирпичное здание кажется довольно старым и старомодным, но внутри все новехонькое, благодаря ремонту, состоявшемуся за год до нашего переезда в Кристал Фоллз. На заднем дворе построен новенький флигель, в котором располагается библиотека, а рядом с ним большое спортивное поле, окруженное беговой дорожкой и ступенчатыми сиденьями.

Школа, напротив которой останавливает машину мама, выглядит так же уныло, как я помню. Большую часть дней мне хотелось оказаться в любом другом месте. И, что вполне предсказуемо, такое отношение ни капли не способствовало моей успеваемости. Первую пару лет мне удавалось как-то выкручиваться, но теперь, когда я старшеклассник, учителя уже не покупаются на мои отмазки. Внезапно родителям сообщили, что я не выкладываюсь по полной. Внезапно я стал еле ползать, ходить по тонкому льду, и прочие метафоры, которые пришли им в голову.

— Не забудь свой ланч, — напоминает мне мама. Она торопится, потому что отец остался дома с Коулом, и обещал не уезжать на работу, пока она не вернется. Мама по-прежнему не желает просить Эдвину об одолжении, поэтому волнуется, получится ли у нее забрать меня из школы после уроков.

— Серьезно, я сам доберусь домой, — снова уговариваю ее я. — Мне будет полезно пройтись.

— Ладно, думаю прогулка и правда пойдет тебе на пользу. Но я не хочу, чтобы ты качался, договорились?

Качался? Поверить в это так же тяжело, как и в то, что я был открытием сезона. Но мама не шутит.

— Обещаю, — заверяю я маму. — Никаких качаний. Да и трапедий тоже.

— Очень смешно. И напомни тренеру Келлеру, что пока тебе нельзя сильно напрягаться. Это предписание врача.

— Хорошо, — согласно отвечаю я. Жаль, что у меня нет записки от врача. Тогда у меня было бы оправдание пойти в библиотеку вместо спортзала. Но мне, что, правда, нужна записка? Не думаю, что кто-то усомнится в моих словах.

На самом деле, недавно я узнал, что мое чудесное выживание стало новостью номер один в стране. Первые несколько дней после происшествия телефон разрывался от звонков из газет и с телевидения. Мои родители отказались давать интервью. Как только я пришел в себя, мир продолжил жить, оставив мальчика, упавшего в водопад позади.

Ага. Мир продолжил жить, все верно. Он так далеко ушел от того, что я считаю реальностью, что я превратился в звезду, взошедшую на небосвод в школе Кристал Фоллз. Я проверил эту информацию в интернете, и нашел в онлайн версии местной газеты снимок годичной давности, на котором изображен я в момент тачдауна, с заголовком: *Талантливый второкурсник Кэллум Харрис обеспечил победу в субботней игре против «Соколов Бёрнсайд»*.

Мне не удалось разглядеть лицо, так как оно было скрыто шлемом. Но мое имя в статье упомянули целых три раза.

Тем не менее, я все равно не могу поверить в это. Черт побери, да я парень, который даже мяч нормально не может бросить. Вчера днем я лично в этом убедился.

Надеясь стабилизировать свое состояние, я решил взять Джесс на прогулку и побросать ей мячик. Я обыскал гараж, надеясь найти какой-нибудь теннисный мячик, но мне удалось найти только старый пожеванный футбольный мяч, который Коул любил бросать ей.

От его броска мяч, казалось, зависал в воздухе на целую вечность. Джесс стремглав срывалась ловить его, лая и оглядываясь через плечо, чтобы отследить цель, когда та наконец приземлится.

У меня так никогда не получалось. Но мне нужно было попробовать бросить что-нибудь. Поэтому я взял футбольный мяч.

Поначалу Джесс неохотно пошла со мной, но вскоре ее увлекло многообразие запахов вдоль дороги и мы двинулись в путь. Не желая столкнуться с мистером Гайзом, я пошел в противоположную от кемпинга сторону, вверх по дороге, к перекрестку, где располагается отель «Старлайт». В это время года в отеле всегда затишье, насколько я помню, а, значит, в нашем распоряжении будет открытая парковка, где мы с Джесс сможем поиграть.

К несчастью, когда мы дошли до перекрестка, выяснилось, что отель «Старлайт» исчез — оказался полностью стерт с лица земли. Походив туда-сюда, мне удалось разглядеть очертания фундамента и разметку парковки рядом с ним. Даже неоновая вывеска, местный ориентир, исчезла — вместе со словами МЕСТ НЕТ, которые в течение полугода обычно горели под ней.

Даже просто стоять там было как-то жутковато. Зато теперь места хватало, чтобы спокойно бросать Джесс мячик, и не бояться при этом разбить окно или сделать вмятину на машине, как бывало раньше. Спустив собаку с поводка, я крепко обхватил мяч, как меня когда-то учил Коул, чтобы кончики пальцев выходили за швы. Затем я швырнул мяч.

— Вперед, девочка! — крикнул я Джесс. — Апорт!

Жалкая картина. Мяч, как обычно, полетел кувырком. Даже Джесс, чье отношение ко мне на прогулке немного потеплело, казалось, устыдилась этого позорного шоу, и апатично потрусилась за мячом.

Поэтому я уверен: статья статьей, но вместо волшебного превращения в звезду футбола, я скорее волшебным образом перестал быть таковой.

И сейчас, по пути к школе, я похоже произношу некое заклинание.

Потому что все бегут ко мне, интересуются, как я себя чувствую, и спрашивают каково это упасть в водопад и лежать в коме. Я не останавливаюсь и не отвечаю на вопросы, говорю только, что со мной все в порядке. Но ребята все равно не отстают от меня, задают все новые вопросы и следуют за мной, словно стайка дельфинов.

Мне становится неуютно от всех этих приветствий посредством прикосновения кулака к кулаку или ладонью к ладони, которые мне приходится вытерпеть, пока я иду по коридору к своему шкафчику. С большинством из этих людей я даже толком не знаком. Я замечаю других школьников, помладше, которые разбегаются от меня в стороны, как будто я могу ударить их.

Такого я не ожидал.

Когда я подхожу к шкафчику, мне удастся избавиться ото всех, по крайней мере, на какое-то время. К счастью один из ключей на связке, которую я нашел в столе, подходит.

Засунув рюкзак внутрь, я ищу копию своего расписания, которое обычно держу прикрепленным к внутренней стороне дверцы.

Но вместо него там прикреплена вырванная из журнала страничка, на которой изображена все та же женщина. Похоже, она присутствует на любой поверхности, доступной для меня.

И я опять срываю постер. Расписание обнаруживается прямо под ним.

— Эй, какой сегодня день? — спрашиваю я невысокого первокурсника, который внимательно смотрит на смятый постер, лежащий у его ног.

Паренек подпрыгивает. Он оборачивается и смотрит на меня, крепко прижав к груди свои учебники.

— Привет, — снова зову я его. — Ты знаешь, какой сегодня день?

— Четверг? — неуверенно отвечает он.

— Я имею в виду в расписании, — объясняю я.

Теперь парнишка выглядел так, будто с ним вот-вот приключится припадок. Большой что ли?

— Прости! — вскрикивает он, явно боясь меня. — Сегодня второй день. Прости!

Захлопнув свой шкафчик, он бросает на меня перепуганный взгляд и убегает прочь по коридору.

И что это сейчас было? Я же просто задал вопрос.

— Привет, Кэл, — раздается голос у меня за спиной.

Я разворачиваюсь.

Айви.

Она выглядит потрясающе в кардигане с леопардовым принтом, красном шарфике, с волосами собранными в узел на затылке и в больших солнечных очках. Напоминает голливудскую актрису из старых фильмов.

— Ну, привет, — отвечаю я. Меня окутывает аромат ее духов. Несмотря на то, что я очень чувствителен к большинству запахов, внезапно меня посещает желание выпить до дна, что бы там не было в ее пузырьке с духами. — Как дела?

Она подходит ближе.

— У меня? Я в порядке. Но это не я рухнула в водопад. Так что вопрос следующий: как дела у тебя?

— Неплохо, как мне кажется, — потребовалось приложить всю существующую в мире силу воли, чтобы не пялиться — Айви просто шикарна. — Мне запрещено качаться, — говорю я и сразу же морщусь. Но вместо того, чтобы рассмеяться мне в лицо, Айви сжимает мои бицепсы.

— Хм, ты сильно потерял в мышечной массе, — нахмурившись, сообщает она свой вердикт.

— Ну, думаю, больничная койка любого парня в такое состояние приведет, — Айви наклоняется, прижимая меня к шкафчикам. Пару секунд ощущаю ее тело — мягкое и теплое — а затем она отстраняется.

— Ты уже решил на счет вечеринки в пятницу? — спрашивает она. — Ты не можешь не пойти. Для бизнеса это просто шик.

Не знаю, что и ответить-то ей.

— Постараюсь прийти, — в итоге говорю я.

— Постарайся не просто постараться, Кэл, — отвечает она, и голос ее при этом звучит

уже несколько раздраженно. Айви бросает взгляд на часы. — Слушай, мне уже пора, — торопливо прощается она. — Но мы увидимся позже, хорошо?

— Ага, — соглашаюсь я.

— Супер.

И она удаляется быстрым шагом.

Не сдержавшись, наблюдаю, как покачиваются ее бедра при ходьбе. А затем вижу, как с другого конца коридора на меня злобно зыркает Хантер Холден. Я в ужасе замираю, а Айви идет прямо к нему, в его объятия. Хантер целует ее в макушку и прижавшись друг к другу, они удаляются.

Какого черта? Она все еще встречается с ним?

Их парочку обходит стройная девушка с каштановыми волосами. Уиллоу!

Вот так, раз и все — я напрочь забыл и о Айви, и о Хантере. Улыбаясь, я пытаюсь встретиться взглядом с Уиллоу, но она даже не замечает моего присутствия, когда проходит мимо. Она уверенно идет вперед, зажав под мышкой стопку книг.

— Уиллоу! — окликаю я ее. — Подожди!

Девушка оборачивается, и я вижу недоумение на ее лице — именно так выглядят люди, когда внезапно слышат, как их имя объявили по громкой связи в аэропорту. Я машу ей рукой и чувствую, как мое лицо расплывается в глупой улыбке. Но Уиллоу бесстрастно смотрит на меня. Не закрыв шкафчик, я спешу к ней.

— Привет, как ты? — спрашиваю я.

— М-м, нормально, — отвечает она, прижав книги к груди, словно щит. — А ты как?

— Неплохо, неплохо. — Разговор затухает, так и не начавшись. — Слушай, прости за тот вечер, — извиняюсь я. — Я позвонил слишком поздно?

— Не думаю, — отвечает Уиллоу. Ее глаза блуждают по коридору, избегая смотреть мне в глаза.

— Просто ты так быстро закончила разговор. Я подумал, может Элейн злится или еще что-то случилось.

После моих слов Уиллоу удивленно распахивает глаза. Выражение ее лица становится подозрительным и злым.

— Откуда ты знаешь, как зовут мою мать?

Я понимаю, что с момента моего падения произошло слишком много странных вещей. Моменты, которые я не могу объяснить, например, то, что мой лучший друг пытался убить меня и затем все начало меняться. Но самое худшее, пожалуй, то, что я должен поверить, что мой брат, якобы, не встает с кровати уже четыре года. Но даже после всех этих сногшибательных событий, окончательно меня сокрушает именно тот факт, что Уиллоу больше не считает меня другом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глядя на ее непреклонное лицо, я чувствую, как в груди зарождается рыдание. Но нет, я не стану плакать в школе. Я должен держать себя в руках.

— Что ты имеешь в виду, откуда я знаю? — умоляю я. — Уиллоу, я знаком с твоей матерью. Я бывал у тебя дома не меньше тысячи раз, — судя по ее перепуганному выражению лица, я понимаю, что не убедил ее, а скорее, напротив, добился обратного эффекта. Она насмерть перепугалась.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Просто держись от меня подальше, — требует она. Резко развернувшись, она быстро удаляется по коридору.

— Уиллоу! — кричу я ей вслед. — Ну подожди же!

Она и не думает останавливаться.

— Харрис! — хрипло рявкает кто-то сзади, а затем я ощущаю удар между лопаток. Боль просто адская. Согнувшись пополам, я поворачиваюсь, ожидая увидеть, что за моей спиной стоит кто-то, как минимум с лопатой. В руках у стоящего за мой спиной парня ничего нет, просто сами руки у него размером как раз с лопату. Это Холт, полузащитник «Крокодилов» — огромный парень, который съедает за обедом четыре чизбургера, и чей пучок кудрявых волос, отсутствие шеи и тусклые звероподобные глаза напоминают мне о буйволах.

Обычно я стараюсь держаться от него подальше — чтобы он случайно не впечатал меня в шкафчики или не наступил на ногу.

— Привет, ты, похоже, реально чуть не сдох, — выдает это парнокопытное животное.

— Что?

Он кивает туда, куда ушла Уиллоу.

— Ну, ты похоже увиваешься за этой шавкой.

Я сверкнул глазами. Слова срываются с языка раньше, чем я успеваю подумать.

— *Что* ты сейчас там сказал, жирдяй?

Буйвол Холт выглядит так, как будто я ткнул в него электрошокером. Он вплотную приближает свое широченное лицо к моему, демонстрируя мне ряд крошечных зубов.

— Хэхэхэхэ, — смеется полузащитник, звук поднимается откуда-то из глубины его массивной груди. — Рад, что ты вернулся, дружище, — радуется он. — Увидимся на игре. *Вперед, «Крокодилы»!*

Я с изумлением наблюдаю, как Холт враскоряку удаляется по коридору.

Раздается первый звонок. Я опоздаю на урок, если так и буду стоять. Я быстренько проверяю расписание. По плану у меня история — только не это. Прихватив книги, которые, как мне кажется, мне понадобятся, я запираю шкафчик.

В кабинет номер 106 я прибегаю уже запыхавшись.

— Мистер Харрис, — провозглашает мистер Поттс, когда я вхожу в кабинет. — Как же приятно видеть вас!

Он придурок. Не могу решить есть в его словах сарказм или нет.

— Простите за опоздание, мистер Поттс, — извиняюсь я, надеясь, что меня не оставят после уроков из-за этого. По пути к своему месту, чувствую, что глаза всех в классе устремлены на меня.

— Ничего страшного, — успокаивает меня мистер Поттс, махнув рукой. — После всего, через что тебе пришлось пройти, то что ты здесь, уже само по себе замечательно.

Похоже, Поттс говорил искренне. Обычно он ставит себе целью подколоть меня. Не знаю почему; на его занятиях я вроде бы неплохо работаю. Склонен верить, что ему просто не нравится мое лицо.

Сегодня же учитель будто очарован мной.

— Так что же все-таки произошло? — любопытствует он.

— Плохо помню. Память пока не восстановилась.

— Логично. Такое часто случается при подобных травмах. Но ты помнишь, что чувствовал, когда падал в воду?

— Да. Эту часть я помню.

— И что именно ты чувствовал? — спрашивает мистер Поттс, наклонившись вперед. — Подробности! Расскажи нам подробности!

Учитель и весь класс внимательно слушают, как я описываю свои ощущения, ужасное падение и то чувство беспомощности, которое я испытал, пока меня швыряло по дну реки. Но когда обсуждение переходит к тому, что могло случиться до этого, как вообще получилось, что я упал в водопад, я начинаю чувствовать себя неудобно.

Не имея никаких воспоминаний о дне накануне падения, я словно предоставляю им на обозрение чистый лист, который они заполняют всевозможными предположениями.

Шериф итак считает, что я что-то сделал Нейлу Парсону, и, видимо, в больнице все тоже так считают. Так почему бы людям в этом кабинете не думать так же?

Кто-то из них наверняка считает, что я лгу, решаю я, что я никогда не падал в водопад. Но зачем бы мне было выдумывать нечто подобное?

Чтобы скрыть кое-что. Вот только что?

Я вижу, что людям кажется разумным, что это я навредил Нейлу, а затем подплыл к одной из скал и прикинулся мертвым. К тому же это объясняет почему на мне был спасательный жилет. Но это же какое-то сумасшествие. А если бы меня не заметили? В это время года вода в реке ледяная — я бы никогда не пришел в себя. Люди должны это понимать.

Кстати о Нейле, я внезапно вспомнил, что он тоже посещал уроки мистера Поттса. Поэтому я оглядываюсь на его парту, которая теперь пустует и натыкаюсь на взгляд другого человека: Брайса.

Он сидит в другой части кабинета, через одну парту от пустующей. И он ненавидит меня. Это написано у него на лице. А еще он боится — я понимаю это по тому, как он отводит взгляд. Ну что ж, ему стоит бояться. Чем дольше я думаю о Брайсе, тем сильнее злюсь. Парень пытался убить меня! И это после всех тех шишек, что я получил за него? Ладно, к счастью, у него ничего не вышло. Но это означает, что нам еще предстоит свести счеты. При этой мысли, я, прищуриваюсь глядя на него, когда-то друга, а теперь будущего убийцу. Но Брайс не смотрит на меня, его взгляд сосредоточен на пустой парте перед ним.

Мистер Поттс смотрит на часы и понимает, что мы потратили массу времени.

К счастью, внимание с меня переключается, и, наконец-то, начинается урок. Я пропустил несколько устных заданий, но мне не придется их делать, сообщает мне учитель. Поэтому я просто сижу и слушаю.

Приятная неожиданность. Надеюсь, все мои уроки будут такими же.

Я испытываю облегчение, когда наконец-то звенит звонок, и я могу выйти из кабинета, где находится Брайс. К счастью следующий урок у меня биология, и он у нас не вместе.

Мистер Гулд — он пришел на замену Шредеру в прошлом году — опаздывает. Я сажусь на последнее свободное место, возле анатомической модели с пластиковыми органами, выставленными на всеобщее обозрение, и только частью лица. Единственный глаз модели, торчащий в открытой глазнице смотрит прямо на меня.

Я оглядываю кабинет. И тут замечаю Уиллоу.

Она сидит прямо рядом со мной. Но так как сидит она спиной ко мне, я вижу только заднюю часть ее шеи и розовую раковину уха, проглядывавшую сквозь ее буйные кудри.

Не важно. Я счастлив просто посидеть рядом с ней немного — достаточно близко, чтобы унюхать запах ароматических палочек ее мамы — черной лакрицы, которым всегда пахнет одежда Уиллоу.

И снова меня посещают мысли о том насколько все же память связана с запахами.

Должно быть так и есть. Потому что в эту минуту, я вспоминаю весь прошлый год с Уиллоу: наши долгие прогулки после школы к моему дому; как мы ходили по мосту в южную часть города, по пути останавливаясь полюбоваться водопадом.

А потом мы сидели у меня в комнате и вместе работали над песнями, до тех пор, пока у меня не начинали болеть пальцы.

Все это было на самом деле, я уверен. И все равно Уиллоу ведет себя так, как будто она не только не знает меня, она даже сидеть лицом ко мне не желает.

Монотонный голос мистера Гулда окутывает меня, пока я украдкой бросаю взгляды на нее до конца урока.

Когда звенит звонок, я остаюсь сидеть и наблюдаю, как все выходят из кабинета. Уиллоу разворачивается и смотрит на меня. На ее лице отчетливо читается подозрение. Я определенно накосячил. Неужели только тем, что сказал, как зовут ее мать? Не понимаю.

— Я бы на вашем месте поторопился мистер Харрис или вы опоздаете на следующий урок, — подняв голову, советует мне мистер Гулд.

— Да, сэр.

Я иду к шкафчику и проверяю свое расписание. Следующим уроком у меня физкультура. Я быстро беру свои кроссовки, шорты и футболку. Так, на всякий случай.

Всем известно, что, если не принесешь форму на урок, значит автоматически остаешься после уроков. Даже имея столько чудесное освобождение от врача, мне не хочется испытывать терпение Келлера.

Забрав форму, я иду в спортзал, следуя за Мануэлем Ривера. Сварливый невысокий паренек, который не упускает случая ткнуть меня локтем в лицо, и не важно в какую игру мы играем. однажды он умудрился достать меня даже через сетку для бадминтона.

— Это все твой большой нос, — обычно говорит он в качестве извинения. — Он вечно попадается на моем пути.

Впрочем, сегодня он более дружелюбный. Заметив меня, Мануэль замедляет шаг. Он протягивает мне сжатый кулак для приветствия, когда я подхожу к нему, и я неловко касаюсь его своим.

— Привет, Кэл, как дела? — здоровается он. Но не успеваю я ответить, как он понижает голос и говорит: — Слушай, я слышал, что тебе удалось достать еще товар. Это правда?

— Товар? — переспрашиваю я. — Какой товар?

— Тише, — предупреждает меня он. — Холденовский, чувак, — шепчет он. — Мы с моими друзьями надеялись, что ты сможешь продать нам бутылочку.

Он хочет виски Ходенов — тот виски, что спрятан у меня в шкафу. Мне это не нравится. Совершенно не нравится.

— У-у, — мычу я, и качаю головой.

— Серьезно? Фигово — на этих выходных мы собирались на большую вечеринку. Дома у одной из телочек.

— Прости, — безразличным тоном говорю я. — У меня ничего нет.

Но парень не желает оставлять меня в покое.

— Эй, нечестно продавать все только старшекурсникам. Мы в состоянии заплатить, чувак, столько же, сколько они...

— Слушай, я ничего не продаю! — заявляю я.

Эхо моего голоса разносится по коридору, и Мануэль закрывает тему. Но я чувствую

себя неуютно. Неужели вся школа в курсе, что у меня целый шкаф виски? Айви всем растрепала?

Дойдя до зала, я слышу стук баскетбольных мячей.

И, как обычно, от этого звука меня охватывает дрожь. Ненавижу баскетбол. И не только из-за локтей Мануэля, которые для меня настоящий кошмар, но еще и потому, что я совершенно не умею играть в эту игру. Я не очень высокий, плохо прыгаю, не умею вести мяч, и уж, конечно, я не умею забрасывать мяч в корзину. Так что кроме тех редких случаев, когда мне везет выбить мяч у кого-нибудь из рук, команде, за которую я играю от меня ноль пользы.

А еще я всегда уверен, что:

— Господи, Харрис, да уйди ты с дороги!

— Пасуй чертов мяч, Харрис!

— Ты просто отстой, Харрис!

Но погодите — Келлер же в курсе, что я собираюсь пойти в библиотеку, насколько я помню. Мама сообщила в школу. Спорт мне запрещен! И, конечно же, никаких силовых тренировок, смеюсь я.

В спортзале Келлера я не вижу, поэтому иду в его кабинет. Он всегда обычно выжидает несколько минут, перед тем как выйти к ученикам и дунуть в свисток с такой силой, как будто он пытался привлечь наше внимание последние полчаса.

— Встать в строй, куча мартышек! — обычно орет он. — Чем, черт подери, вы занимаетесь?

Ждем тебя, тупица — самый честный ответ, который мы никогда не сможем озвучить вслух.

Келлер у себя в кабинете, читает какой-то журнал, перед тем как выйти в зал.

— Харрис! — радуется он, увидев меня. — Ты уже вернулся. Рад тебя видеть!

— Спасибо, тренер Келлер. — Мне все же не нравится называть его «тренером». потому что он вовсе не мой тренер — он просто учитель физкультуры. А для меня и это чересчур.

— Как твоя голова? Ты уже все вспомнил?

— Ну, если честно, то нет. Доктор велел мне избегать контактных видов спорта.

— Баскетбол? — ухмыляется Келлер. — С каких пор Кэллум Харрис считает баскетбол контактным видом спорта?

С каких пор? Да, пожалуй, со дня переезда в Кристал Фоллз, когда я оказывался на полу во время каждой игры.

— С момента падения в водопад? — отвечаю я.

— Тебе нужно вернуться к кардиотренировкам, мой мальчик, — увещевает меня Келлер. — Нам нужно привести твои легкие в норму...

Мне приходится напомнить себе, что он считает меня своей звездой — в статье, которую я прочитал онлайн, даже присутствовало интервью с ним, в котором он утверждал, что команда победила исключительно благодаря мне.

Что ж, хвастун сам виноват, потому что в ближайшее время я уйду из команды. Совершенно не горю желанием ко всем своим бедам еще и шею сломать.

— Ну, наверное, но врачи настаивают, что мне нельзя утоляться, — сообщаю я ему.

— Ладно, ладно. Я не даю на тебя. Самое важное, чтобы ты поправился, как можнс скорее. Не торопись, но поспеши! — учитель физкультуры заливается кудактающим смехом и вся комната заполняется его несвежим дыханием.

— Можете написать мне освобождение, чтобы я мог пойти в библиотеку?

— В библиотеку? — с удивлением переспрашивает он. — Конечно, конечно. Отличная идея. Превосходное место, чтобы немного подремать, — Келлер что-то царапает на желтом листочке и взмахнув рукой, отрывает его от блока. — Но как будет настроение, попробуй хотя бы пробежать парочку кругов по дорожке. Помни, что нашей школе нужны эти ноги!

— Пару кругов, понял, — я на все согласен, лишь бы убраться подальше из его провонявшего потом кабинета.

Тренер встает. И хлопнув меня ровно по тому месту, куда впечатал свою ладонь Холт, меня отпускают. Перекрывая стук баскетбольного мяча, я слышу, как Келлер орет на класс, пока я выхожу в коридор.

— Дамы! Дамы! Чем это вы заняты? Быстро прекратили и слушаем меня!

Я почти что счастлив, когда спортзал остается позади, а я окунаюсь в тишину коридора. Не тратя времени даром, иду в библиотеку.

Самую недавнюю пристройку к школе — библиотеку присоединили к зданию с помощью крытого перехода, который начинается сразу же за секретариатом. Переход с его большими окнами всегда напоминал мне место, по которому мог бы пробежать гигантский хомяк. Впрочем, местные «грызуны» пометили плексиглас с помощью маркеров, поэтому теперь окна выглядят несколько грязными.

Как раз перед входом в коридор располагается кабинет музыки. Надеюсь увидеть Уиллоу, я поворачиваю голову, чтобы заглянуть в окно и врезаюсь в нечто очень твердое. Схватившись за голову, я, пошатываясь, отступаю.

Дверь в коридор перехода, она исчезла! На месте, где должен быть вход теперь просто стена из кирпичей.

Потирая ушиб над бровью, я сворачиваю к ближайшему пожарному выходу. Толкнув тяжелую дверь, выхожу наружу.

Глазам своим не верю. Библиотека. Она тоже исчезла.

Моросит мелкий дождичек, но я продолжаю идти. Пересекаю парковку и, как во сне, минуя ворота выхожу в поле.

В отличие от парковки мотеля, тут даже следа нет, что когда-то на этом месте была пристройка к школе. Вместо нее здесь растут старые деревья, которые наверняка были посажены еще задолго до моего рождения.

В небе вспыхивает молния и вдалеке гремит гром. Я обвожу взглядом поле, и смотрю на лес, который начинается в его северной части.

И на долю секунды молния освещает фигуру в капюшоне, стоящую по ту сторону забора. Это все тот же человек, с парковки возле больницы, тот же человек, который носит куртку с эмблемой «Крокодилов».

— Эй! — кричу я изо всех сил. — Эй!

Еще одна молния и на сей раз гулкий раскат грома — настолько близко, что я чуть не подпрыгиваю. Снова взглянув в ту сторону, я вижу, как человек в капюшоне исчезает в лесу.

О нет, не на сей раз, говорю себе я. Отшвырнув рюкзак, я бегу следом за ним.

Пока я пулей мчусь по мокрому полю, в голове всплывает замечание Келлера на счет моих легких. Ну что ж, они в норме, горят в груди, как два раскаленных уголька. Но мне плевать. Я твердо намерен догнать того парня, кем бы он ни был. Я прижму его к земле и выясню, что происходит.

Даже запыхавшийся, я удивлен тем, с какой скоростью я перемахиваю через сетчатый

забор. Приземлившись по другую сторону, чувствую себя на удивление гибким и быстрым. Заметив на земле свежие отпечатки, следую по ним в лес.

Не желая упустить свою «жертву», я снова пускаюсь в бег, про себя отметив, что отпечатки приблизительно того же размера, что и моя обувь. Но довольно скоро мне становится тяжело поддерживать темп, поэтому я вынужден сбросить скорость, при этом ощущая себя так, словно меня сейчас стошнит.

В итоге мне приходится остановиться, но это уже не важно. Благодаря мороси, цепочка следов отчетливо виднеется на земле этих лесов, Даже несмотря на то, что они местами отсутствуют, там где мой преследуемый наступали на камень или опавшие листья. Куда бы не вели следы, я не сомневаюсь, что могу найти свою «жертву» И на данном этапе, я готов довести дело до конца.

К несчастью след теряется возле реки. Ругаясь на чем свет стоит, я спускаюсь к воде, надеясь, что снова увижу там отпечатки. Но там ничего нет. Я продолжаю идти, следуя по течению бурного потока реки.

Я с опаской смотрю на воду, представляя, как падаю в нее, и меня несет к водопаду, падение с которого до сих пор могу ощутить внутри себя.

Ни капли не сомневаюсь, как все может обернуться на сей раз.

Вскоре моих ушей достигает непрерывный гул водопада. Продрогшего и промокшего меня внезапно охватывает страх. Мне хочется развернуться и убежать.

Но тут я снова вижу следы: отпечатки от все тех же кедров, но на этот раз я вижу их на пешеходной тропе.

Нет времени на страхи. Нужно двигаться дальше.

Цепочка следов заканчивается у самого водопада. Сквозь деревья мне виден перекидной мостик. И кто-то стоит прямо на его середине. А внизу, под мостом у подножья водопада бурлит вода, но на вид, она какая-то грязная, как после шторма, взбаламутившего дно реки.

Ладно, допустим, не так я представлял наше столкновение: над самым страшным для меня местом в мире. Но я все равно должен выяснить, кто этот парень и что он пытается сделать.

Поэтому, несмотря на протест всего моего существа, я карабкаюсь по деревянным ступеням на мост.

И, конечно же, там по-прежнему кто-то стоит — правда, не тот, кого я ожидал увидеть.

Это мистер Шредер, мой бывший учитель биологии. В тяжелом дождевике, какие, наверное, носят моряки, он что-то регулирует в шуковине, напоминающей металлический цилиндр.

Пока я стою на ступеньках и наблюдаю за ним, на верхушке цилиндра внезапно загорается красная лампочка.

Я с удивлением наблюдаю, как мистер Шредер бросает цилиндр с моста в воду. Мужчина достает еще одно устройство: маленькую черную коробочку с мигающей на нем красной лампочкой, как на цилиндре.

Он смотрит на этот приборчик минуту другую, затем резко засовывает его в карман и движется в мою сторону.

Я спускаюсь вниз, чтобы встретить его на более твердой почве.

Мистер Шредер озадаченно на меня смотрит, когда спускается по ступеням с удивительной скоростью. Поскольку он был учителем, я ожидаю получить нагоняй за то, что прогуливаю уроки. Но не получаю. Вместо этого он бросает взгляд через плечо обратно на

мост и спрашивает:

— Как ты это сделал?

Я не совсем понимаю его вопрос, но он вроде особо и не заинтересован в ответе, так как отворачивается от меня, намереваясь уйти.

Я в замешательстве. Может это брат-близнец мистера Шредера, которого я тогда встретил в супермаркете? Он вроде как раз такой ворчливый.

— Погодите, сэр! — окликаю я его. Мужчина останавливается и оборачивается ко мне.

— Да. Что такое?

— Это ведь вы мистер Шредер, учитель в школе Кристал Фоллз? — мой вопрос звучит странно, и на лице мужчины отражается недоумение. — Я имею в виду, вы ведь тот самый мистер Шредер?

— Да, это я, — подтверждает он.

— Здравсьте. Это я, Кэллум Харрис. Вы преподавали у меня биологию.

— О, я тебя помню, мистер Харрис, — говорит он. — Точно помню, что из всего класса, если не из всей школы, ты был меньше всего заинтересован в предмете и больше всех мешал мне вести уроки.

Эй, погодите-ка минутку, это нечестно.

— Что вы имеете в виду под меньше всего заинтересован? — возмущаюсь я. — Да я набирал девяносто баллов из ста почти на всех ваших тестах, — один я завалил, но мне стыдно упоминать об этом.

— Как скажете, мистер Харрис. Мои поздравления с вашими прошлыми успехами, — и мой бывший учитель разворачивается, намереваясь уйти. На сей раз я замечаю, что его хромота практически пропала.

— Пойдите, мистер Шредер! — снова окликаю его я, чтобы остановить.

— Да, мистер Харрис? — отзывается он, тяжело вздохнув.

— А что вы делали?

— Что я делал где? — нетерпеливо уточняет он.

— На мосту, — поясняю я, хотя это итак вроде бы очевидно. — Только что. Что вы только что бросили в водопад?

Мистер Шредер смотрит на меня, а с его дождевика стекают ручейки дождя — а я наверняка такой же промокший и замерзший, как тогда, когда меня вытащили из реки. — Это было послание, — устало отвечает он мне, — сообщаящее, что я уже в пути.

Он снова вытаскивает из кармана маленькую черную коробочку, на которой теперь горит зеленая лампочка.

— И судя по этому, мое сообщение получили.

ГЛАВА 12

Только спустя полчаса я решаю вернуться в школу. Я так промок, что аж зубы стучат. Надеюсь, это не гипотермия, хотя я не чувствую сонливости, слабости или чего-то подобного. Жара и желания сбросить одежду тоже нет, что, как я слышал, случается перед смертью.

А еще я пребываю в полнейшем недоумении от того, что только что видел: мой бывший учитель биологии бросил какое-то непонятное устройство в водопад. А его признание, что это послание... если даже и так, то кому оно предназначено?

Я снова и снова задавал ему этот вопрос, но так и не дождался ответа. Мистер Шредер

проигнорировал меня и ушел по тропинке.

Я стоял там несколько минут, гадая, что только что произошло. Мистер Шредер помнил мое имя — уже что-то — но, похоже, он перепутал меня с каким-то другим учеником, бузившим в классе.

Признаться, не припоминаю никого, кто бы вел себя плохо на его уроках; мистер Шредер отменный преподаватель, и все старались не пропустить ни слова из того, что он рассказывал. Что большая редкость для Кристал Фоллз.

Еще мне показалось странным, что он ни словом не упомянул мое падение в водопад, особенно с учетом того, что мы стояли там, где все и случилось. Уверен на все сто процентов, что нет в городе человека, который не слышал бы о моем падении.

Как только мистер Шредер ушел, я вспомнил про парня в куртке. Но мне его было не догнать. Я не в силах пересечь этот мост, даже если буду ползти по нему на четвереньках. Мне просто не хватит моральных сил.

Поэтому я решил вернуться обратно, на сей раз по протоптанной тропинке, которая выходит на дорогу, а та, в свою очередь ведет прямехонько к школе. К этому времени мистера Шредера уже нигде не видать.

Занятия в школе идут своим чередом. Забирая свой мокрый мешок с спортивной формой, я слышу, как звонит звонок на обед.

Как я вовремя, ведь звонок означает, что главные двери откроются с минуты на минуту. Это чудесно, ведь тогда мне не придется просить впустить меня через интерком, а значит администрация не узнает о моем отсутствии.

Обойдя вокруг здания, я бросаю взгляд на поле и на место, откуда исчезла библиотека. От вспыхнувшего в памяти эпизода в животе снова образуется знакомое неприятное ощущение.

Все случилось пару недель тому назад. После уроков я отправился в библиотеку, надеясь взять парочку книг, которые были мне нужны, чтобы завершить доклад о выбранном мной мифическом существе.

Я остановил свой выбор на Снежном человеке, уединенно живущем чудовище, за которым мы с Коулом часами охотились в лесу, что позади нашего старого дома. Мы верили, что он питается чипсами и шоколадками, и поскольку частенько натыкались на пустые обертки и пакетики, не сомневались, что идем по горячим следам.

Само собой разумеется, что сдача работы была на следующий день, а я как обычно затянул с исследованием до последнего дня.

Спустя несколько минут в руках я уже держал две книги — *«Мифы и тайны нашего мира»* и *«Охотники за монстрами, которые существуют на самом деле»*. Я посчитал, что этих двух книгу будет вполне достаточно, что добавить несколько достоверных фактов и заполнить раздел библиографии моего доклада по Снежному человеку.

Почитав содержимое книг, должен признать, что засомневался в существовании снежного человека, но как бы то ни было — не было ничего важнее, чем успеть завершить доклад. Как бы я не переживал, время от времени следы снежного человека все же находились. Черт побери, да я лично видел, как он шарил на кухне местной забегаловки, торгующей тако — скажу учителю, если спросит.

К сожалению, библиотекаря отказалась дать мне посмотреть другие книги, пока я не оплачу свои просроченные взносы, которые к тому моменту составляли десять баксов.

Поскольку все свои денежки я потратил в кафе на пиццу и два шоколадных кекса, я ста

умолять и клятвенно заверять ее, что завтра принесу деньги.

— Мне, правда, очень жаль, Кэллум, — твердо пресекла мои излияния библиотекаря. — Но я позволила тебе брать книги, когда у тебя была просрочка, припоминаешь? И те книжки, ты тоже не сдал.

Она ведь предупреждала меня. Сам виноват.

— Послушай, ты ведь всегда можешь почитать в библиотеке, — предложила она.

Бросив взгляд на часы, я убедился, что времени, чтобы достойно выполнить работу недостаточно. Значит мне либо нужно признать, что работу я не выполню или придется нацарапать какую-нибудь чушь и надеяться на тройку с плюсом.

Снежный человек по-прежнему оставался загадкой, если уж на то пошло; поэтому я спокойно мог выдвигать свои теории.

Но тут кто-то похлопал меня по плечу. За моей спиной стояла Уиллоу, обмахиваясь хрустящей десятидолларовой банкнотой:

— Ух, ну и жара тут! — выдала она. — Думаю, мне придется снять парочку слоев одежды.

Возможно использованные ею слова прозвучали не совсем так, как она думала, когда она положила деньги на стойку. Но образ Уиллоу, сбрасывающую с себя одежду, в добавок к моей благодарности был уже чересчур. Я был сражен. И готов пасть ниц.

— Что такое? — обеспокоенно спросила она, увидев, как мое лицо залилось краской. — Кэллум, у тебя что приступ аллергии или что-то в этом роде?

В отчаянии я выдумал какое-то нелепое оправдание. Уиллоу рассмеялась так, будто я какой-то чокнутый, но к счастью не стала больше задавать вопросов. Я взял нужные книжки и дома вечером довел до ума свой доклад.

Эти усилия обеспечили мне четверку — мою самую высокую оценку в году — Четверка за снежного Человека, помню, подумал я тогда.

Войдя в школу, я пришел к выводу, что это все случилось на самом деле. Это не могло быть выдумкой или чем-то что приснилось мне пока я был в коме, это правда, случилось. Уверен в этом. Что должно означать, что где-то, новенький комплекс библиотеки все же существует. И где бы это ни было, Уиллоу тоже где-то там — надеюсь, она не задумывается о моем рассказе о странных спорах, которые «живут» в старых книжках.

Эта мысль огорчила меня. Какая теперь разница? Ведь очевидно же, что меня-то там больше нет.

Теперь я живу в городе, где все мои старые друзья ненавидят меня, а совершенно неправильным людям я наоборот нравлюсь. Напоминает очень опасную комбинацию.

И в отличие от того Кристал Фоллз, который я помню, у меня больше нет старшего брата, который будет меня защищать. А значит, пока я во всем не разберусь, мне придется самому за собой приглядывать. Чего бы мне это ни стоило. Потому что мне надоело, как все ко мне относятся, что обо мне думают. Достало!

— Аха-ха-ха! — тихо захихикал какой-то пацаненок своим друзьям, когда я проходил мимо них по коридору. Все они обернулись мне вслед и их глаза вспыхнули, когда они заметили мою мокрую одежду. — Харрис снова упал в водопад? — предположил парнишка. — Или просто описался?

Подобные шуточки я слышу не впервые. Обычно такие мне говорят в лицо. И я либо игнорирую их, либо говорю что-то в ответ, если удастся придумать нечто остроумное, что обычно случается минут через пять, когда уже поздно.

Но на этот раз во мне что-то щелкает. Я, можно сказать, слышу, как мое терпение с хрустом переламывается словно старая сухая веточка.

Внезапно я понимаю, что схватил парнишку за невымытые темные волосы и изо всех сил впечатал его голову в ближайший шкафчик. Не один раз, и даже не два, а целых три.

Грохот поднимается невообразимый и все резко замирают. Шокированный, я отпускаю пацана — но сразу же жалею об этом. Парень опасный маленький засранец — теперь я его узнал — самый придурковатый второкурсник во всей школе.

И он, определенно, сейчас полезет на меня с кулаками. И то, что я на год старше и на пару килограмм тяжелее мне нисколько не поможет. Мне просто надо было продолжить бить его.

Но вместо того, чтобы отплатить мне той же монетой, пацан падает на пол.

— Прекрати, чувак! — визжит он. — Я же просто пошутил! — он руками прикрывает голову: лицо все в слезах и соплях. Его дружки в ужасе отступают, бросив парня беспомощно лежать у моих ног. Я могу обижать его сколько и как мне будет угодно.

Парень и не думает вставать. Так что, думаю, с него хватит. Я подбираю мешок со спортивной формой и двигаюсь дальше, а все в коридоре прижимаются к своим шкафчикам, чтобы не стоять у меня на пути.

Вот так и надо: проваливайте. Будучи на адреналине, я чувствую себя беспощадным, как дикий зверь, который распугивает беззащитных зверушек на своем пути. Странное ощущение: отвратительное и тревожное, и вместе с тем, вызывающее удовлетворение.

Но еще более странной мне кажется уверенность, что мне не придется получить сполна за то, что я только что сделал. Потому что никто не закричал и не позвал учителей. И никто не собирается заявлять о моем поведении, уверен в этом.

Потому что бояться последствий. Посмотрите только, что случилось с Маленьким Мистером Трепло, и это только за пару слов. Но устроить мне настоящие неприятности? Я бы побоялся, будь я на их месте.

В поле зрения попадает одно из перепуганных лиц. Уиллоу. Не знаю, что именно она видела, но она выглядит до смерти перепуганной.

Я сворачиваю и иду к своему шкафчику.

Если кто-то и хватился меня, пока я отсутствовал на территории школы, никто никому ничего не скажет. Я натягиваю несвежую футболку, которую обнаружил на дне шкафчика и быстро съедаю ланч, который камнем падает в желудок.

В кафетерии я вижу Айви, она сидит с Хантером, Рикки и другими ребятами из группы самых отпетых придурков школы.

Время от времени она поднимает голову, бросает на меня взгляд и улыбается. Я улыбаюсь в ответ, до тех пор, пока этот обмен улыбками не засекает Хантер и не бросает на меня убийственный взгляд.

Ладно, похоже пришло время прекратить играть в эту игру.

Хорошо бы уйти из футбольной команды при первой же возможности, размышляю я. Кроме Холта Буффало, не похоже, чтобы у меня было так уж много друзей в команде. А если добавить к этому качков из других команд, которые готовы прикончить меня прямо на поле? Э, нет, спасибо, тренер.

Я по инерции хожу на уроки вторую половину дня, стараясь избегать любого контакта с другими учениками. После моей вспышки ярости в коридоре, с этим практически нет никаких проблем. Я в дурном настроении — похоже эта новость разлетелась по всей школе

— и они не хотят испытывать судьбу.

Звенит звонок, и я не мешкаю. Прихватив куртку, покидаю школу, даже не потрудившись проверить, что нам задали и захватить домой нужные тетради.

Именно так обычно вел себя брат, насколько я помню — он просто швырял наугад пару учебников в рюкзак и уходил. И должен признать: когда пора уходить, безразличие здорово экономит время.

Домой я иду пешком, радуясь, что больше не в школе. Брюки высохли, кроме промежности, что начинает бесить.

Неудивительно, что я в дурном расположении духа! Дождаться не могу, когда окажусь дома, но прогулка мне предстоит долгая, особенно потому что я иду один.

Дойдя до Мейн-Стрит, я в очередной раз замечаю, насколько здесь все изменилось. Улицы грязные и запущенные — полная противоположность содержащейся в идеальном порядке аллее бутиков и кафешек, где летом не протолкнуться от туристов.

Сувенирные магазины, торгующие магнитами с изображением водопада и снежными шарами исчез, как и «Электроника Вероника».

В памяти словно всплывает тот день, когда мы с Брайсом видели, как мистер Шредер покупал какие-то детали в магазине — а затем я вспоминаю цилиндр, который он бросил в водопад и коробочку с лампочкой. Оба этих устройства явно собрали в домашних условиях.

Что ж, я никогда не видел, чтобы мистер Шредер покупал что-нибудь здесь, в этом я уверен. Я заглядываю сквозь грязную витрину внутрь и судя по виду магазина он закрыт уже давным-давно. Прилавок и касса покрыты пылью, по всему полу разбросаны смятые пакеты и пустые коробки. Я даже уверен, что в дальнем углу валяется дохлая крыса, которая попала в ловушку.

— Видишь что-то интересное? — рывкает кто-то за моей спиной.

Даже не оборачиваясь, узнаю голос Росса — рабочего со склада. Непохоже, чтобы он смягчился после нашей последней встречи. Скорее наоборот, он выглядит еще более взбешенным.

— Ничего, — отвечаю я, и отхожу подальше. — Мне просто стало интересно почему магазин закрыт.

— Почему он закрыт? — глумится Росс. — И почему же? Да потому что весь город обанкротился!

— Что?

— Очнись, пацан. Если бы не Холдены, то по улице бы носилось перекаати-поле. А сейчас...

— Что ты имеешь в виду? — перебиваю его я. Не припоминаю, чтобы в Кристал Фоллз дела шли настолько плохо. На самом деле я скорее помню обратное. — А как же туризм?

— Туризм? — презрительно ухмыляется он. — А с чего бы туристам приезжать в эту богом забытую дыру?

— Как с чего? Ну не знаю. Кемпинг? — выдвигаю я предположение. — И пешие прогулки. Ну и водопад посмотреть.

— Водопад посмотреть? — ржет Росс. — Спустись на землю, Кэл. Никто не будет ехать за тридевять земель, чтобы посмотреть на коричневую воду, стекающую со скалы, возле уродливого городка.

Коричневую воду? О чем это он? Ведь водопады не просто так называются Кристал Фоллз, если уж на то пошло. Но тут я вспоминаю, как водопад выглядел, когда я увидел

мистера Шредера на мосту.

— А как давно вода стала коричневой?

— Не знаю, пару лет тому назад. Выше по реке кто-то взбаламутил весь ил или начал сливать какие-то отходы в воду или что там еще. Все, что я знаю, что вода окрасилась в коричневый, и такого цвета и осталась. И с тех пор город начал загнивать.

— Ох.

— Однако, хватит про это, — Росс прижимает меня к витрине. — Что там с фотографиями? — требовательно спрашивает он.

Поскольку он зажал ворот моей куртки в своем кулаке у самого моего горла, мне даже слово тяжело произнести.

— Что? — вот и все на что меня хватает.

— Пару минут назад ты прислал мне сообщение, что у тебя есть «горяченькие» фотки, которые я определенно захочу купить, — он еще сильнее сдавливает ворот куртки, и я начинаю задыхаться. — О чем ты, Харрис? Что за фотки?

Он отпускает меня, так чтобы я мог говорить.

— А? Я понятия не имею! — протестую я. — Слушай, я, правда, не в курсе о чем ты!

— Черта с два ты не в курсе! — орет Росс. — Не ты ли рассчитывал встретиться со мной в центре города? А теперь давай рассказывай. Что за фотографии ты имел в виду?

— Росс, у меня нет никаких фотографий. Даже фотика нет. Да у меня даже телефона нет сейчас, так что кто бы не прислал тебе сообщение, оно было не от меня!

— Нет телефона? Да ладно! — не верит мне Росс. — Не против, если я тебя обыщу?

Я, конечно же, против, но сейчас не тот случай, когда стоит отстаивать свои права на личное пространство.

— Как хочешь, чувак, — соглашаюсь я. — Мне плевать.

Росс разворачивает меня и снова прижимает к витрине. Он ощупывает меня, так словно он коп, а я преступник, которого он схватил. Мимо нас проходит несколько человек, но они даже не оглядываются.

— Видишь? — говорю я, когда он заканчивает. — Нет телефона.

— Рюкзак. Открывай рюкзак.

Я снимаю со спины рюкзак и делаю как он велит, а потом стою под недоуменными взглядами прохожих, пока Росс копается в моих вещах.

Я морщусь, понимая, что мне бы не хотелось, чтобы кто-то шарил по днищу моего рюкзака, усыпанного крошками обедов. Но Росс не останавливается, пока не удостоверится, что телефона в рюкзаке нет.

— Ладно, умник, у кого твой телефон? — требует он объяснений.

— Ни у кого. У меня нет телефона. Я выронил его, когда упал в водопад.

— Неужели?

— Серьезно. А с чего ты взял, что сообщение от меня? Кто-то подписал его моим именем?

— Конечно же нет, болван. Ты отлично знаешь, что никогда не подписываешь свои сообщения.

Я никогда не подписываю свои сообщения, потому что никогда не писал тебе, думаю я про себя.

— Тогда с чего ты взял, что оно было от меня?

— Потому что ты единственный, кто называет меня так, — говорит он, сердито на меня

зыркая.

— Как так? — уточняю я.

— Этим прозвищем.

— Каким?

Я жду. Мужчина не выглядит довольным, но в итоге все же произносит вслух:

— Нитка. (*Примечание перевод. Нитка (англ. Floss) = зубная нить.*)

Услышав это слово, меня начинает разбирать смех, потому что в памяти сразу же всплывает «нитка в попе» — так мы с Коулом называли стринги или крошечные плапочки-бикини. В тот день в аквапарке, мы то и дело по очереди кричали: «Тревога, нитка в попе! Нитка в попе, тревога, тревога!».

Но я сдерживаюсь, потому что, если рассмеюсь, Росс убьет меня прямо здесь. Поэтому я нахожу оправдание:

— Похоже это автозамена твоему имени Росс, чувак. (*Примеч. перевод. Кэллум подразумевает пару англ. слов. Floss-Ross*)

Судя по пустому выражению его лица, понимаю, что до него не дошло, что я имею в виду.

— Ну, знаешь, когда телефон сам заменяет слова, если считает, что ты пишешь их неправильно? Думаю, такое часто случается. Честное слово, я не писал тебе смс.

Неплохое оправдание, как мне кажется, и очень вероятно, что так все и было на самом деле. Но не похоже, чтобы Росс купился на это. Но в этот момент в конце улицы показывается шериф, который очень внимательно на нас двоих смотрит.

— Да, ну, в общем рад, что у тебя все в порядке, — слишком громком для обычной беседы говорит вдруг Росс. — Но мне пора идти. У меня еще смена не закончилась на заводе — просто заскочил в город за кое-какими материалами. Ну ладно, увидимся, малыш. Рад, что ты уже встал и у тебя все в порядке.

Росс устремляется в противоположную сторону от шерифа, который остановился метрах в шести и с подозрением на нас поглядывает.

Я решаю вести себя, как ни в чем не бывало — других вариантов у меня просто нет. Вежливо кивнув усатому копу, я продолжаю свой путь по Мейн-стрит. И хотя я не оглядываюсь, спиной чувствую его взгляд.

Я так рад, когда дорога изгибается, и я сворачиваю с Мейн-стрит и покидаю поле его зрения. Так как я иду пешком у меня предостаточно времени, чтобы заметить насколько сильно город отличается от того, каким его помню я.

Росс сказал правду — теперь город выглядит уродливым: остро нуждающиеся в покраске веранды домов, ржавые машины на кирпичках вместо колес, кучи мусора на обочинах дороги и сама дорога, по которой я иду к мосту — ухабистая и потрескавшаяся.

Когда я дохожу до моста я снова вижу это — завеса стекающего вниз потока бурого ила. Я вынужден согласиться с Россом: кому придет в голову завернуть в наш город, чтобы полюбоваться этим кошмаром?

Я останавливаюсь на мосту и смотрю на то, что напоминает поток жижи, словно вытекающей из канализационной трубы. Что случилось с кристально чистой водой, в которой раньше отражался весь мир?

Затем мой взгляд падает на расположенную ниже смотровую площадку. Она по-прежнему там, правда, в запущенном состоянии, так как ее почти полностью поглотили ветки деревьев. А наверху виднеются пешеходные мостки. Вот там все и случилось — оттуда

я упал и с тех пор все изменилось. Именно там я лишился всего. Может быть, мне стоит подняться туда снова, и на сей раз прыгнуть самому?

Я смотрю на воду, пенящуюся над темными скалами. Меня бросает в дрожь, когда я представляю свое искалеченное тело у их подножья. И тут я замечаю, как на поверхности пены что-то мелькает. Что-то голубое, напоминающее кусок спального мешка.

Неизвестный предмет швыряет из стороны в сторону, а затем он снова исчезает в пенном потоке.

Моргаю. Я на самом деле это видел? Наверху я замечаю человека, стоящего у края реки, в руках у него длинная удочка и он пытается выудить что-то из воды.

Это мистер Шредер, я практически уверен в этом. Точно, длинный дождевик и те же седые волосы длиной до плеч. Дрожа на ветру, я какое-то время наблюдаю за ним, но похоже удача не на его стороне.

Поэтому я пересекаю мост, направляясь обратно в южную часть города. Вскоре пешеходная дорожка заканчивается, и я обхватываю себя за плечи, так как меня чуть не сбивает с ног порывами ветра всякий раз, как мимо проносится машина.

Оглянувшись, вижу, что приближается пикап. Внезапно я слышу, как машина газует и набирает скорость. Пикап сдвигается в мою сторону.

— Эй! — кричу я. — Эй!!

Отпрыгиваю, но на обочине, возле стены отвесных скал слишком мало места. Я успеваю прижаться к ним всем телом, но боковое зеркало чудом не ударяет меня по голове.

— Идиот! — ору я вслед удаляющемуся автомобилю. — Ты пытался убить меня?

И тут я замечаю надпись на бампере:

СИГНАЛЬ НА ЗДОРОВЬЕ, Я РАЗГРУЖАЮСЬ!

Собственно, я знаю этого идиота. Это Росс. И думаю, он и, правда, только что пытался убить меня.

— Кэл, ты в порядке? — спрашивает мама, когда я вхожу в дом. — Ты белый, как простыня.

Могу себе представить.

— Я в порядке, — успокаиваю ее я. — Просто на дороге оказался в опасной ситуации.

— О нет, милый, — пугается мама. — Кто-то ехал на большой скорости?

— Ага.

— Хорошо бы шериф что-нибудь предпринял на этот счет. Иначе однажды на этой дороге кто-нибудь погибнет.

Ну это вряд ли, — думаю я. Он слишком занят наблюдением за мной.

Иду следом за мамой на кухню. Сердце все еще бешено стучит, когда сажусь за стол, но я хотя бы начал согреваться.

Там я узнаю, что ужинать будем поздно, так как отец должен кое-что наверстать на работе. Ну не сомневаюсь. Мистер Холден вернулся из-за границы, и плетка снова защелкала в воздухе.

Пару раз я видел, как мой отец ведет себя в присутствии своего босса. Досадно и неловко было видеть это, ведь дома он так никогда себя не ведет. Мастер перегонки или нет, он просто обычный сотрудник, такой же, как скажем, псих Росс.

Мама читает журнал, на обложке которого изображены замороженные капкейки.

— Могу я кое-что у тебя спросить? — говорю я. — Помнишь парня с папиного завода? Того, который работал у нас дома какое-то время?

— Конечно помню. А что с ним? — спрашивает в свою очередь мама. Но она даже не назвала его имя вслух. И судя по тому, как она сжала челюсти, ей совершенно не хочется разговаривать о нем.

Но я все равно продолжаю.

— Почему тогда в супермаркете ты сказала, что он урод?

Собственно, это случилось в тот же день, когда я перепутал мистера Шредера с его братом-близнецом. Мама тогда ругнулась себе под нос, когда заметила на парковке Росса.

Она не думала, что я услышу, а мне было неловко спрашивать. Но знаю, что она уже отговорила отца снова нанимать его и знаю, что это щекотливая тема.

— Нам обязательно говорить об этом?

— Я хочу знать, что случилось. Что он сделал.

Мама вздыхает.

— Он приставал ко мне, вот и все, — признается она.

Та-а-к. А вот теперь я разозлился. Одно дело пытаться наехать на меня на машине — но, чтобы этот олень приставал к моей маме? Мысленно я представил себе его рожу и как я въеду ему по ней.

— Успокойся, — разволновалась мама, увидев выражение моего лица. — Это случилось всего один раз, когда тебя и твоего отца не было дома.

— И что ты сделала? — требую я объяснений.

— Когда он не принял мой отказ, я просто села в машину и уехала. Что еще я могла сделать?

— Позвонить в полицию?

— Кэл, будь серьезнее.

— Дьявол, — проклятье срывается с моих губ. — Я его убью!

— *Не вздумай* ничего предпринимать по этому поводу, — велит мама. — Такое иногда случается. И это было уже давно. Так что забудь. Не хочу, чтобы положение твоего отца на работе стало еще более тяжелым.

Еще более тяжелым? Пару секунд я недоумеваю о чем это она вообще.

— С чего вдруг? Неужели из-за того, что Коул поколотил сына Холдена? — решаю выяснить я.

Мама смотрит на меня так, как будто у меня выросла вторая голова.

— Кэл, это что какая-то извращенная шутка?

Совсем головой не думаю!

— Прости, — извиняюсь я, чувствуя себя при этом просто ужасно. — Не знаю, почему сморозил это. Мне приснился такой сон прошлой ночью. Не бери в голову.

Мама замолкает и начинает рыться в холодильнике. Чувствуя себя крайней неуютно, я сижу на кухне пару минут, но, когда она так и не заговаривает со мной, встаю и ухожу наверх. Проходя мимо гостевой комнаты, останавливаюсь и некоторое время прислушиваюсь к негромкому гудению аппарата и к жуткому дыханию.

Захожу в ванную и запираюсь там. Стою и смотрю на себя в зеркало, а затем пересчитываю зубные щетки в стакане над раковиной. Четыре штуки. Интересно, которая из них принадлежит Коулу? Как часто ему чистят зубы?

Смотрю на халат отца, висящий на крючке с внутренней стороны двери. Может быть, он никогда и не бросал нас. Может быть, он остался, чтобы помогать заботиться о Коуле. Если я прав, то можно ли сказать, что мои родители те же самые люди? От подобных вопросов

мне становится нехорошо. Потому что я не уверен в ответах. Впрочем, я не знаю теперь даже кто я такой.

Я изучаю свое отражение в зеркале. Лицо такое же, как я помню. Все те же зеленые глаза, а нижние зубы находят один на другой. И у меня все тот же легендарный нос Харрисов.

Вот так я выгляжу, но это не я.

Помню, как отец объяснял мне, что человека определяет его выбор. Тогда я скорчил гримасу, гадая, уж не цитирует он строчки из одной из своих дрянных книг по самосовершенствованию. Но после того, как я впечатал голову другого ученика в шкафчик за парочку глупых слов, я вынужден задать себе вопрос: кто же я?

И на самом деле у меня нет ответа. Насколько я помню, все те решения, которые я раньше принимал не имели особого значения.

Что съесть на завтрак. Что съесть на обед. Надеть шорты, взять ли с собой куртку? Выбрать естествознание, музыку или рисование? Может быть этот выбор подскажет мне хоть что-нибудь. Например, я знаю, что я парень, который боится взять несколько уроков, а потом сменить предмет на музыку, хотя мне очень хотелось этого, к тому же это означало бы, что я бы чаще виделся с Уиллоу.

Почему? Потому что я слишком сильно боюсь совершить ошибку, которую заметят окружающие.

Поэтому я выбрал рисование, где могу прятать все свои старания под чистым листом бумаги, если на то есть необходимость.

Потому что я трус. Вот что означает такой мой выбор.

Кэллум Харрис — трус.

Я пользуюсь туалетом и возвращаюсь в свою комнату. Закрыв дверь, я снова замечаю награды, расставленные на полках. Стою и разглядываю их.

Они мои, я должен убедить себя в этом. Все эти награды мои.

А почему бы им не быть моими? Я упал в водопад и выжил. Вот так, уроды. Я упал в воды Кристал Фоллз.

Некоторое время спустя, раздается стук в дверь.

— Есть хочешь? — спрашивает мама, держа в руках тарелку с горячим бутербродом с сыром. — Ужин будет поздно.

— Да, спасибо, — благодарю я.

Она ставит тарелку на кровать и разворачивается.

— Подожди, — зову я ее, пытаюсь задержать. — Mam, прости за то, что я сказал тогда. Это была не шутка. Не знаю, что это было. слова сами сорвались с языка.

— Все в порядке, — отвечает мама. — Тебе через многое пришлось пройти. Я просто волнуюсь за тебя.

— Со мной все хорошо, — заверяю я ее.

— Ладно, — говорит она и снова идет к двери. Но мне не хочется, чтобы мама уходила.

— Mam, — снова зову я ее. — Я хочу кое-что у тебя спросить.

— Что случилось?

Ее ответ звучит гораздо резче, чем я ожидал. Она стоит и выжидательно смотрит на меня.

— Что случилось, Кэл?

— Что происходит между тобой и отцом?

— Что происходит между нами? — удивленно повторяет она. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, у вас все в порядке? Ничего такого.

— Кэл, ты нас до смерти напугал, — объясняет мама. — Это было ужасно. Мы даже представить себе не могли, что нам придется снова проходить через подобный кошмар. Но к счастью, все обошлось. Теперь мы спокойны.

— Нет, — собираюсь объяснить я. — Я имею в виду между вами двумя все в порядке? Не знаю, как правильно озвучить вопрос, чтобы выяснить ночует ли отец здесь, по-прежнему ли он живет с нами? — С папой? У нас дома?

Мама выглядит озадаченной.

— Ну, ты знаешь, что последние пару лет выдались нелегкими для нашей семьи: мы должны были заботиться о Коуле, мириться со случившимся. Но у нас все в порядке, я так думаю — при сложившихся обстоятельствах лучшего и не пожелаешь. А почему ты спрашиваешь? Тебе кажется, что что-то не так?

— Нет, — отвечаю я, хотя на самом деле здесь явно что-то не так, не так, как я помню.

— Тогда почему ты спросил?

— Ты все еще злишься на отца? — спрашиваю я. — За то, что он привез нас сюда?

— Злиться? Из-за чего?

— Все было отлично, пока он не принял это предложение о работе. А потом все пошло наперекосяк.

Мама осторожно присаживается на кровать, чтобы не зацепить тарелку с бутербродом. Она заправляет за уши выбившиеся седые прядки и в свете лампы я внезапно замечаю глубокие морщинки, появившиеся у нее на лице.

— Да, я не была рада поначалу, когда только узнала. Этот город так далеко от тех людей, которые мне дороги — моих друзей, моей семьи. Но что я могла поделать? Сказать твоему отцу, что у него не получится воплотить в жизнь его мечты? Я просто надеялась, что все наладится и у нас все будет хорошо. Но затем с твоим братом приключилось несчастье, и все это перестало иметь какое-либо значение. К тому времени мы уже купили этот дом, и нам были нужны деньги и премиальные, чтобы хорошо заботиться о твоём брате. Так что, в любом случае, у нас не было выбора. Нам пришлось переехать.

— Но ты никогда не хотела жить здесь. В Кристал Фоллз.

— Ты прав, — соглашается она. — Не хотела. Я просто стараюсь больше не задумываться об этом.

— И ты больше не хочешь быть вместе с папой.

— Кэл! — возмутилась мама. — Почему ты говоришь такие вещи? Я люблю твоего отца.

И я знаю, что она имела в виду то, что сказала. Она никогда не переставала любить его. Но я не могу забыть через что пришлось пройти нам с Коулом: два года ссор, которые развели их в разные стороны. Как только она начали отдаляться друг от друга уже ничто не могло заполнить образовавшуюся пропасть. Поэтому, когда мой отец переехал на другой конец города, и между ними вместо воображаемой пропасти пролегла настоящая, меня это несколько не удивило.

Но для моего брата все было несколько иначе. Он стал еще более угрюмым и замкнутым. А затем это футбольное фиаско. Оба события не прошли для него бесследно — он навсегда изменился.

Но все это произошло не в этом мире, напоминаю я себе. То, что случилось, оказалось во сто крат хуже. Трагедия, которую не исправить.

— А если бы с Коулом ничего не случилось? — спрашиваю я. — Вы с папой по-прежнему были бы вместе?

Мама вздыхает.

— О, Кэл, я не знаю, — признается она. — Я просто знаю, что случилось, то что случилось, и мы с отцом партнеры. Вот так вот все просто. Теперь мы не можем позволить себе думать ни о чем другом.

В ее словах есть смысл. Но я не знаю, что сказать. Потому что, как бы сильно не старался, я не чувствую себя частью этой трагичной семейной истории. Мне по-прежнему все это кажется сном, и я надеюсь, что проснусь в любую секунду. Поэтому несмотря на то что, я вроде как должен потянуться к матери, обнять ее или хотя бы взять за руку, я просто сижу рядом как истукан.

Внезапно она поворачивается, и я вижу, что она готова расплакаться.

— Ты поэтому сделал это? — спрашивает она.

— Сделал что? — пытаюсь понять я ее вопрос.

Мама задыхается. Она не в состоянии озвучить свою мысль.

— Пытался покончить с собой, — в итоге удается выдать ей.

Ах вот оно что. Она по-прежнему считает, что я намеренно прыгнул в водопад. Вот почему мама так расстроена — она решила, что я такой же, как ее брат — дядя Бад.

— Мам, слушай, — медленно начинаю я. — Я не прыгал, клянусь. Я бы никогда...

Она не дает мне закончить.

— Мы с твоим отцом понимаем, что последние пару лет все было непросто, дорогой. Мы знаем, что ты злишься и расстроен. И поэтому мы пытались тебе помочь. Но вместо того, чтобы попытаться помочь себе самому, тебя интересовали только игры, да как что-нибудь где-нибудь сломать.

Это просто смешно.

— А чего вы ожидали? — протестую я. — Мне было всего восемь, когда я устроил тот пожар. Я тогда даже не понимал, что происходит.

— Я говорю не о том инциденте с гаражом, Кэл, и ты прекрасно это понимаешь. Я имею в виду последние два года и твои сеансы у доктора Моррисон.

— Доктора...какого доктора?

Мама мгновенно выходит из себя.

— Видишь, вот что я имею в виду! Ты два года регулярно посещал сеансы у этой женщины и все равно стараешься обратить все в шутку. А она очень искренне переживает за тебя. Она считает, что ты винишь себя в том, что случилось с Коулом, и что с того происшествия ты стараешься вести себя так, как вел себя он, чтобы как-то загладить случившееся. И мы с твоим отцом с ней согласны.

Я хочу объяснить, что не имею ни малейшего понятия кто такая эта доктор Моррисон, и что последний человек, чье поведение я буду копировать — это Коул.

Черт, даже не знаю с чего начать. Что-то подсказывает мне, что если я сейчас прерву маму, то все окончательно испорчу.

— Ты разве не помнишь, как ненавидел спорт? — спрашивает она. — Когда ты был маленький, ты ненавидел все спортивные игры. У тебя не получалось ловить мячи, ты даже не хотел пытаться. Оказывается, у тебя был скрытый талант к спорту. И мы так гордимся тем, чего ты смог достичь за последние два года. Очень гордимся. Но ты делаешь все это из неправильных побуждений, Кэл. Ты должен делать все только ради себя, а не потому что

ощущаешь вину из-за того, что приключилось с Коулом. Ты ничего не мог поделаться. Ничего. Ты же знаешь, каким был твой брат. Он был бесстрашным, сорвиголовой. Он бы тебя все равно не послушал. А жестокость, выпивка, лихачество не делают тебя больше похожим на брата. Этим ты только причиняешь боль семье. Это должно прекратиться. Иначе в итоге ты окажешься в тюрьме, — маму начинает трясти. — Или случится непоправимое...

— Мам, ну серьезно.

— Я не могу потерять и тебя тоже, Кэл! — выпаливает она. — Просто не могу! — по ее щекам катятся слезы. Странно, но они напоминают мне о водопаде — текут так же безостановочно, пока она не достает платок из рукава свитера и не вытирает их.

— Ма, я правда не пытался свести счеты с жизнью, — хрипло говорю я. — Клянусь, что нет. Я бы никогда не поступил так с тобой.

Но все остальное, сказанное ею, так и остается висеть в воздухе между нами — то что я вынуждаю семью страдать еще больше, чем она и без того страдает.

Правда, я не помню, чтобы делал что-то ужасное, как и доктора Моррисон. Мама боится, что я окажусь за решеткой или еще что похуже? Но это же бред!

Тут я вспоминаю о пистоле в ящике моего стола и о пачке с деньгами. Понятия не имею куда они делись. Зато в шкафу стоит ящик ворованного виски, который я туда лично упрятал.

А сегодня я даже ударил человека, возможно, даже серьезно ранил его, просто потому что у него язык без костей. И правда заключается в том, что мне от этого стало хорошо.

Так кто же я?

— Ешь бутерброд, — напоминает мне мама о еде. — Иначе остынет. — Она встает и не сказав мне больше ни слова выходит из комнаты, закрыв за собой дверь.

И вскоре я слышу, как она плачет в своей комнате.

ГЛАВА 13

Рано утром в пятницу у отца совещание, поэтому встав, я говорю, что сам доберусь до школы. Родители не против. Я рад, потому что не думаю, что у меня получилось бы поболтать с мамой этим утром, или, что еще хуже, вытерпеть поездку до города в полной тишине. К счастью день солнечный, хотя на улице и прохладно. Пока я иду по мосту, дует такой кусачий ветер, что у меня даже уши болят. Я стараюсь смотреть строго вперед.

Такое облегчение оказаться в северной части города, оставив ущелье позади. Прямо над головой пролетает стайка гусей, гогочущих от восторга, что они совершают эпичное путешествие на юг.

Будь у меня крылья, я бы всерьез задумался, не присоединиться ли к ним.

Сегодня надо поговорить с Брайсом, принимаю я решение, когда стая гусей скрывается за ветвями деревьев. У обычно кроткого парня должна быть довольно веская причина, чтобы набрасываться на человека, не говоря уже о его когда-то лучшем друге. И какой бы ни была эта причина, она наверняка объяснит, что тут недавно произошло.

Так что, вражда враждой, а я все равно попытаюсь, как минимум, получить от него парочку ответов. Я стал думать о том, что могло бы растопить лед между почти-жертвой и ее почти-убийцей.

— Здравова, чел, чо задумал?

Не то.

— Привет, Брайс. У меня сложилось впечатление, что ты на меня злишься.

Не то.

— Йоу, братело, я на счет подушки...

Не то, не то, не то.

Мне так и не удалось придумать ничего подходящего, хотя впереди уже замаячило здание школы. Услышав первый звонок, я понял, что опаздываю и последний квартал мне пришлось преодолеть бегом. Ногам определенно лучше, как я понимаю. Тело человека — удивительная машина, должен признать, автоматически чинит само себя, без всяких инструкций и сторонней помощи. Кроме случаев, когда человек сильно пострадал. Или, когда ситуация совсем безнадежная.

По этому вопросу, я пришел к заключению, что мой мозг или временно сломан, или в полном порядке. В любом случае, мир вокруг меня не станет таким, каким я его помню. Так что нет смысла волновать родителей или, что еще хуже, привлекать врачей. Нет, докторов точно не надо. В мозгу вспыхнули образы того, как будет проводится операция на мозге: с головы снимут скальп, выпилят в черепе отверстие, как в фонарике из тыквы; а затем хирург начнет копать там своими острыми инструментами. *Чувствуете что-то? Что вы видите? Какие запахи ощущаете?* Нетушки, спасибо. Пока перед глазами не начнут плясать феечки и единороги, я пас.

Добравшись до школы, Брайса я не увидел, впрочем, у нас все равно не было бы времени поговорить. Я быстро беру учебники для первого урока и спешу в класс, чтобы успеть до второго звонка. Успеваю секунда в секунду. Когда я плюхаюсь на свое место, миссис Льюис как раз начинает проверять посещаемость.

— Брайс?

Тишина. Я оглядываюсь, на его парту и вижу, что его в кабинете нет.

— Брайс Тримбл, — снова зовет его миссис Льюис, не поднимая головы от списка.

— Наверное, он заболел и остался дома, — вступает в разговор один из учеников.

— Ага, вчера на уроке истории он блеванул.

— Фууууу....

В классе раздаются смешки, но затем миссис Льюис велит всем успокоиться. Теперь я понимаю: Брайс должно быть ушел домой из-за мигрени. Они у него часто бывают, причем довольно сильные и всегда застают его врасплох.

Но насколько я знаю, раньше его никогда не рвало в классе.

Как бы то ни было, после ночи изматывающей боли и тошноты, Брайс обычно, как выжатый лимон и его мама оставляет его на весь день дома. Что в свою очередь означает, что я в пролете до понедельника — если только не решу позвонить ему сегодня вечером. Но внутренний голос подсказывает мне, что это не самая лучшая идея и что он скорее всего просто повесит трубку. И тогда все выходные будет накручивать себя. Нет уж, лучше поговорю с Брайсом с глазу на глаз — при встрече покажу ему, что не собираюсь причинять ему вред.

На перемене мне ни с кем не хочется разговаривать, поэтому я заскакиваю в мужской туалет и прячусь в одной из кабинок. Не самый смелый поступок, который я совершал в жизни, но по крайней мере тут меня никто не станет беспокоить. Как обычно половина лампочек не работает. Сидя в полутемной кабинке, я начинаю безостановочно зевать. Начинаю понимать, что раз мне не нужно избегать людей, и у меня нет друзей, день обещает быть долгим. Сегодня нет физкультуры, а значит подремать в библиотеке не получится.

И решаю, что мне лучше подвигаться. Выхожу из кабинки и умываюсь холодной водой, чтобы проснуться. Затем промокаю лицо жестким коричневым бумажным полотенцем.

Направляясь к выходу из туалета, я врезаюсь в мясистую тушу со свистком посередине. Это тренер Келлер, единственный учитель, который ходит в туалет вместе с учениками.

— Харрис! — радуется он.

— Тренер, — вяло отзываюсь я и пытаюсь протиснуться мимо него.

— Что случилось мой мальчик?

— Ничего, — отвечаю я.

— Я надеялся, что увижу тебя сегодня. Как твои ноги?

— Как ни удивительно, в порядке, — признаюсь я, вспомнив свою утреннюю пробежку с целью успеть до звонка.

Не самый умный ответ, так как Келлер сразу же нависает надо мной.

— Отличные новости! — радуется он, уперев руки в бедра, и отрезая путь к выходу. — Просто отличные!

— Спасибо, — говорю я, испытывая непреодолимое желание выбраться из грязной уборной.

— Так, полагаю, ты слышал, — говорит он.

Судя по выражению его лица, почти ожидаю, что сейчас он сообщит мне о том, что кто-то умер.

— Слышал что? — понукаю я его продолжать свою мысль.

— О том, как нас разгромили на прошлой неделе, — мрачно поясняет он. — И кто? Колчестер. Колчестер!

Вот видишь, Коул, думаю я.

— Бывает. В следующий раз повезет больше.

— Нам нужно нечто большее, нежели просто удача, мой друг, — возражает он. — Мы слишком быстро сползаем в турнирной таблице.

— Фигово.

— Знаю. Если победим Мидлфилд, то снова вернемся в нужную колею. Или, по крайней мере, приблизимся к ней.

— Мидлфилд? — повторяю я, изображая отвращение к старшей школе, о которой даже никогда не слышал. — Не волнуйтесь, тренер. Мы выиграем у них.

Я собираюсь обойти тренера. Но нет. Келлер останавливает меня своей лапицей, такой горячей, что я чувствую жар сквозь ткань футболки.

— Так... погоди... ты сделаешь это?

— Сделаю что?

Тренер смотрит на меня и начинает ржать.

— Начнешь играть в футбол! Ты, должно быть, умираешь хочешь вернуться в...

— Не знаю, тренер, — прерываю я его. — Не уверен, что готов.

Небольшое преувеличение. Я нормально мяч не могу бросить даже на радость собственной собаке, молчу уже о том, чтобы поймать его.

— Слушай, я, кажется, знаю, что тебя беспокоит, — говорит Келлер, подойдя к писсуару и расстегнув ширинку. — Ты хочешь быть квотербэком. Но давай смотреть правде в глаза: этому никогда не бывать. Ты мелкий и жилистый. Это личный тайный рецепт Господа Бога для идеальных бегунов.

Я стараюсь не обращать внимание на журчание мочеиспускания тренера — просто нереально, сколько же жидкости выпивает этот мужик?

— Послушайте, тренер, я подумаю об этом, — настаиваю я на своем. — Но ничего не

обещаю.

— Ладно, ладно. Но ты нам нужен, Кэл. Ты нам очень нужен.

Звенит звонок.

— Наверное. Сэр, мне пора на урок.

Наконец-то, мне удается выбраться из уборной. Я обижен замечанием тренера. Мелкий? Это он загнул. Впрочем, не знаю. Если сравнить с другими футболистами, может он и прав. Рядом с ними даже Коул казался ниже ростом, если призадуматься. Даже в шлеме и наплечниках лично мне бы не хотелось сцепиться ни с одним из этих парней.

Надо было сообщить, что ухожу, прямо там. Уверен, что тогда тренер попытался бы заставить меня передумать прямо в сортире. А мне очень хотелось избежать этой сцены. Нет уж, сообщу ему об уходе позже. Например, когда буду в полном порядке и готов к этому.

Остаток дня я стараюсь держаться особняком, сбегая ото всех, кто пытается заговорить со мной. В большинстве случаев, мне везет. Но в какой-то момент между пятым и шестым уроками в коридоре ко мне подкрадывается Айви Йохансен и засовывает палец за пояс моих джинсов.

— Хороший денек выдался, мистер Сэкси? Дождаться не могу вечера.

Я заливаюсь краской и отпрыгиваю от нее. Айви смеется и возвращается к своим друзьям.

После последнего звонка, я стараюсь, как можно быстрее выбраться из школы. Опустив голову, я быстрым шагом иду домой. Асфальт слился в одно сплошное пятно перед глазами. Пересекая мост, я не решаюсь посмотреть на водопад и стараюсь игнорировать его громкий гул.

Добравшись до дома, чувствую себя довольно-таки уставшим. Но в коридоре сидит Джесс, и ждет.

— Привет, девочка, — здороваюсь я, глядя в ее большие карие глаза.

Джесс поскуливает: явный признак того, что ей пора на прогулку. Я очень рад, что она, по крайней мере, больше не боится подходить ко мне.

— Хочешь гулять? — спрашиваю я ее, надеясь, что она не хочет.

Джесс радостно виляет хвостом. Устал я или нет, отказать Джесс не могу. Ведь я хочу вернуть свою собаку — веселую и ласковую — а не видеть это запуганное существо, которое убегает со всех ног, едва завидит меня.

— Ладно, сначала только водички выпью.

Жадно выпив стакан воды, я готов идти на прогулку. Джесс покорно стоит, пока я надеваю на нее ошейник и цепляю поводок. Я открываю дверь, и она пулей вылетает на улицу, где приседает на ближайшем клочке травы.

— Стой тут, — даю я команду, когда она заканчивает свои делишки. — Сидеть, — видя, что собака послушно выполнила команду, я быстро бегу в гараж, чтобы захватить старый помятый футбольный мяч.

Приподнимаю дверь ровно настолько, чтоб можно было протиснуться внутрь. В гараже темно, и я на ощупь ищу выключатель. В результате моих поисков, медленно мигая, загораются неоновые лампы.

Я оглядываю помещение, и внезапно мое внимание привлекает исцарапанное дно нашего пластикового каноэ. Мне становится любопытно.

Подтащив лестницу, прислоняю ее к балке и взбираюсь наверх, чтобы заглянуть внутрь. Там я обнаруживаю спасательный жилет, свешивающийся через борт.

Полагаю, это тот, который был на мне, когда меня вытащили из реки. Видимо отец просто зашвырнул его сюда, поленившись подтащить лестницу. Я бросаю его вниз, и он со стуком падает на цементный пол.

Пошарив по холодной на ощупь внутренности каноэ, я вытаскиваю на свет старый желтый детский спасательный жилет, а затем еще один и сбрасываю вниз и их тоже.

А затем обнаруживаю нечто неожиданное. За весла заткнуты еще два спасательных жилета. Я вытаскиваю их оттуда. Два оранжевых спасательных жилета.

Сбросив их вниз, спускаюсь с лестницы.

Стою и неверяще разглядываю свои находки: на полу лежит пять спасательных жилетов. Два маленьких желтых детских спасательных жилета и три обычных оранжевых жилета для взрослых.

Три оранжевых. Абсолютно одинаковых.

Уверен на все сто, что у нас никогда не было трех жилетов. Да и зачем бы нам были нужны три жилета? Каноэ рассчитано на двоих — три жилета просто не имели бы смысла. Тем не менее, теперь у нас есть один лишний жилет.

Помню, как однажды мы носили жилеты к кому-то в коттедж, и мама маркером написала наши имена с внутренней стороны жилетов, чтобы мы их не потеряли. Я выворачиваю один жилет. Изнутри на груди написано «Коул». Я выворачиваю второй — «Кэл»

Ну ладно.

Выворачиваю последний жилет — тот первый, который я вытащил из каноэ и который свисал с края.

На внутренней стороне жилета написано «Кэллум»

Я падаю — в прямом смысле этого слова — и приземляюсь на пол. *Кэл. Кэллум.* И сколько же версий меня *живет* в этой семье?

Внезапно с улицы раздается лай. Резко дернувшись, я вспоминаю, что снаружи в полном одиночестве меня ждет Джесс. С учетом того, что мы живем у дороги с высоким движением, довольно опасно оставлять ее одну, еще и так надолго.

Бросив спасательный жилет, я быстро хватаю футбольный мяч и, пригнувшись, выбираюсь из-под двери. В процессе, я оцарапываю спину и ругаюсь.

Джесс снова лает и подбегает ко мне.

— Хорошая девочка, — хвалю я ее, радуясь тому, как она носится вокруг меня. Я целую собаку в лоб. — Хорошая девочка.

Слава Богу, она осталась на месте, думаю я, пока мы идем вдоль дороги. Глупая ошибка. Я бы не смог спокойно жить, если бы ее сбила машина. Свернув с дороги, я продолжаю недоумевать по поводу жилетов.

Должно существовать множество разумных объяснений. Может быть, мой спасательный жилет затерялся на какое-то время, и на замену мне купили другой. Может быть, моя мама написала «Кэл» на первом, а затем «Кэллум» на новом.

За исключением того факта, что я ничего об этом не помню. За исключением того, что меня в дрожь бросает всякий раз, как я подумаю об этом лишнем жилете. Потому что здесь явно что-то не так. И все то, что приходит мне в голову не имеет никакого смысла.

Только оказавшись на развилке дороги, ведущей к кемпингу, я начинаю обращать внимание куда иду. Мы с Джесс пошли не туда, и подошли к территории кемпинга.

Мне не хочется идти обратно. Да и с чего бы мне беспокоиться. Это общественная

дорога — Гайз сам подтвердил это. Кроме того, я устал бояться всех подряд. Пришло время «разбить еще пару голов».

Поэтому мы продолжаем наш путь по грязной дороге. Джесс идет рядом со мной. Собака так изменилась. Помню, как она всегда на максимум натягивала поводок, как только мы выходили на улицу. Она была очень жизнелюбива и стремилась насладиться каждым мгновением прогулки.

А сейчас она ведет себя осторожно, как служебная собака, которая боится, что ее накажут.

Что ж, мы это исправим, прямо сейчас.

Поле так никто и не покосил, поэтому мы вынуждены держаться обочины дороги. Но ближе к площадке кемпинга местность довольно сухая, и думаю, машин тут не будет.

— Давай, девочка, — обращаюсь я к Джесс, и отцепляю карабин поводка. — Давай поиграем в «принеси мячик»!

По всему телу, словно электрический ток, разливается уверенность, когда я отвожу руку назад и бросаю мяч. Лучший бросок за всю мою жизнь — мяч взмывает высоко в воздух и пролетает над дорогой.

Джесс не в силах удержаться: коричневое ядро, дугой рассекающее безоблачное голубое небо. Она срывается с места и лает все время пока несется за мячом.

— Давай, Джесс! Принеси!

Мяч всего два раза отпрыгивает от земли, прежде чем Джесс хватает его. Довольная собой, она гордо наворачивает круг, и начинает трепать мяч, а я довольно смеюсь. Услышав меня, она быстро пересекает дорогу и бросает облизанный мяч мне под ноги.

— Молодец! — хвалю я ее, и почесываю сразу за обоими ушами. — Хорошая собака!

Этого достаточно. Я вижу, что она снова любит меня — своего друга и хозяина.

Я быстро хватаю мяч.

— А ну? У кого мячик? — лопочу, я как маленький, как всегда делаю, когда мы с ней оказываемся там, где меня никто не может слышать.

Пару раз я отвожу руку, делая вид, что готовлюсь к броску, но в итоге мяч не бросаю. Я дразню Джесс, которая начинает лаять от восторга, когда я, в конце концов, отправляю мяч в полет. И снова мяч, как пуля, рассекает воздух. У меня так легко получаются броски. Неужели мне только и нужно было почувствовать уверенность?

А Джесс снова мчится за мячом.

Какое-то время мы оба, получая удовольствие, играем в эту игру. Джесс все неохотнее отдает мяч, и мне приходится бегать за ней, все дальше и дальше забегая на дорогу, ведущую к парку.

Но мне плевать. У меня немного начала побаливать рука, а на все остальное мне плевать.

— Еще разок, да, девочка? А потом пойдем домой.

Разумеется, в словаре Джесс нет всех этих слов, особенно в те моменты, когда она играет. Несмотря на мою усталость, этот последний бросок у меня получается самым выдающимся: мяч летит гораздо дальше, чем я прицеливался.

Он несколько раз успевает коснуться земли, прежде чем Джесс удаётся догнать его и в итоге исчезает из виду, перелетев через холм.

Я немного нервничаю. Хотя дорога кажется пустынной, с моего места я не увижу, если будет ехать машина, а от мысли, что Джесс может попасть под колеса приближающегося

транспорта, меня бросает в дрожь.

Я кричу «стоять» и «ко мне», но она или не слышит, или ей сейчас все равно. Погнавшись за мячом, Джесс исчезает из виду.

Пытаясь убедить себя не паниковать понапрасну, я бегу трусцой за ней. Пару раз я зову ее по имени, надеясь, что она появится, держа мяч в пасти. Но, увы. Я срываюсь на бег.

Добежав до вершины холма, вижу, что мяч лежит посреди дороги. Но где же Джесс? Затем я наконец нахожу и ее: она словно статуя застыла у обочины метрах в шести впереди.

— Что такое, девочка? — зову я, переходя на шаг. Я задыхаюсь, в бок колет. Наклонившись поднять мяч, чувствую себя так, словно в меня кто-то копьё вонзил.

Я выпрямляюсь, но Джесс так и стоит статуей. Она не сдвинулась ни на миллиметр и застывшим взглядом смотрит куда-то вдаль.

Я вскидываю голову, полагая, что она заприметила кошку. Здесь всегда бродит парочка-другая, брошенных своими хозяевами, когда те уехали из кемпинга на своих трейлерах и внедорожниках. Я всегда гадал, каково было тем бедным домашним кошкам, которые, вернувшись после долгих прогулок, обнаруживали, что их бросили. Наверное, они не очень долго страдали, так как их инстинкты брали свое, и они начинали в большом количестве охотиться на полевых мышей. Или оказывались у кого-нибудь под дверью, мяуканьем выпрашивая подачки.

Я ошибался. То была не кошка. Облокотившись о старый трейлер, там стоит человек. Но это не мистер Гайз. Это он — тот парень в куртке с эмблемой Крокодилов.

Он не двигается, разве что оторвался от стенки трейлера. После чего он просто стоит там и издали наблюдает за нами.

Принюхивавшаяся Джесс, усиленно пыхтит и сопит. Ее явно что-то беспокоит. Присев на задние лапы, она внезапно разворачивается и, подбежав ко мне, прячется за моими ногами.

Но тут же снова передумывает и подбегает к краю холма.

Я разворачиваюсь посмотреть на человека в капюшоне, который так и стоит на месте. Создается впечатление, что он хочет борьбы один на один. Мне тоже хочется рвануть к нему.

Но тут за спиной у меня раздается рев мотора и визг шин, резко тормозящих по грязи. И затем — Господи, нет — лязг метала, когда что-то ударяется о бампер.

— Джесс! — похолодев от страха, я взлетаю на вершину холма. — Джесс!!

Сверху я вижу машину, точнее пикап. Он съехал с дороги и впечатался в дерево.

Джесс, живая и невредимая, испуганно носится по заросшему травой полю.

— Какого лешего?! — мистер Гайз выскакивает из пикапа и спешит оценить нанесенный ущерб. — Чертова шавка! Я мог наехать на тебя!

Затем он вскидывает голову и замечает меня.

Моя показанная смелость мигом улетучивается.

Мужчина, вроде бы не так пьян, как в прошлый раз, зато он раз в десять злее. На состояние его настроения, очевидно, так же влияет то, что кто-то недавно вмазал ему. Вокруг левого глаза у него красуется синяк, а губа треснула, и в центре раны запеклась кровь.

Положеньице так себе. Точнее все настолько плохо, что на секунду меня посещает искушение присоединится к Джесс и скрыться в траве. Но покалывания в боку, все еще не прошли, и я уже не так уверен, что сегодня смогу убежать от этого мужчины, когда он трезв.

Моя единственная надежда, что Джесс придет мне на помощь и набросится на него. Но

я не делаю ставку на это.

Удивив меня, Гайз вскидывает руки в воздух, так, словно я нацелил на него невидимое ружье.

— Я не зацепил твою собаку! — оправдывается он. — Я чуть сам не дал дуба, пытаюсь не задеть ее! — он тычет пальцем в сторону поврежденного пикапа, затем разворачивается, и снова поднимает руки вверх.

— Расслабься, — говорю я. Но, признаюсь, очень даже приятно видеть его вот таким. Может быть, подбитый глаз и губа поспособствовали усвоению хороших манер или, по крайней мере, научили не связываться с людьми, которых он не знает. Я спускаюсь по склону к нему.

Мистер Гайз начинает испуганно отступать. И я ничего не могу поделать с собой — чувствую себя невообразимо хорошо, как и после того, как ударил того парня в коридоре. Чувствую себя всесильным.

— Эй, эй! — верещит мистер Гайз. — Ты все не так понял. Иди сам убедись. С электричеством и септиком — можешь брать. Лучший и всех, что у меня есть, клянусь! Только не психуй, я не хочу неприятностей!

Понятия не имею, о чем это он. Но когда я подхожу, мужчина прижимается к машине, чтобы быть как можно дальше от меня. А я никак не могу насладиться его страхом — он напоминает попкорн, и я хочу поглощать его пригоршнями.

Я вставляю в рот большой и указательный пальцы. Мой единственный талант: никто не умеет свистеть так же громко, как я. Даже Коул.

У мистера Гайза такой видок, как будто он чуть не обмочился.

С поля ко мне подбегает Джесс. Запихнув пожёванный мяч под мышку, ухожу вместе с ней обратно к площадке кемпинга.

Я намерен встретиться с парнем в куртке с эмблемой «Крокодилов» лицом к лицу. Сейчас же.

ГЛАВА 14

В кемпинге пусто. Никаких признаков «Крокодила» — так я называю парня в куртке с эмблемой футбольной команды. Но так как он Крокодил, то наверняка где-то будут торчать его крошечные глазки-бусинки. Мне просто нужно хорошенько присмотреться.

Трейлеры выглядят отвратительно: черные от грязи, к обшивке прилипли мокрые листья. Даже представить себе не могу, какому отдыхающему может придти в голову остановиться в любом из них. Только окончательно выжившему из ума.

Я заглядываю в окна, занавески на которых слегка раздвинуты и вижу темные мрачные интерьеры, уродливую мебель и потрескавшиеся шкафы. Дергаю за ручки. Несколько первых заперты, но это не важно. Я проверю их все до единой. Возле каждой двери я прислушиваюсь, надеюсь услышать шаги притаившегося Крокодила.

Затем я подхожу к группе трейлеров, которые выглядят чуть менее изношенными, как будто кто-то мыл их в прошлом году. В одном из них горит свет.

Вот это совсем другое дело. Прибежище Крокодила.

— Ко мне, Джесс, — шепотом зову я собаку, достаю из кармана поводок и привязываю Джесс к стволу юной березки. — Хорошая девочка. Я вернусь через пару минут.

Незаметно подкрадываюсь к трейлеру, надеюсь застать Крокодила врасплох. К счастью на грязной тропинке нет листьев, поэтому у меня получается идти тихо. Подобравшись к

двери, кладу руку на ручку. Делаю несколько глубоких вдохов. Пора!

Взлетаю по ступенькам и распахиваю дверь. Я предполагаю мгновенное нападение — так обычно поступал Коул, выпрыгивая из темноты подвала, чтобы отмутузить меня. На сей раз я подготовился — крепко сжатые кулаки готовы нанести удар.

Но в трейлере никого нет. Я нахожу источник света: это лампа в зоне отдыха. Абажура на ней нет, только голая лампочка.

И эта лампа освещает довольно неприглядную картину. По всему полу валяются пустые пакетики из-под чипсов, обертки от шоколадных батончиков, полупустые пластиковые бутылки с газировкой и окурки, которые тушили прямо об кухонный стол.

А еще тут воняет потом — но мой нос подсказывает мне, что этот запах мне знаком. Так пахнет от Коула. Или от меня после того, как я пробегу пару-тройку кругов на уроке физкультуры у Келлера.

Единственный предмет здесь, который вызывает интерес это фотоаппарат, лежащий на столе в обеденной зоне. Я иду туда и беру его в руки. Нажимаю кнопку «включить» и жду, пока загорится экран.

Спустя пару секунд на дисплее фотоаппарата появляется фотография. Я поражен, увидев на ней Росса. И миссис Холден. Оба они голые.

И тут затылок простреливает такая острая боль, что спустя мгновение мир вокруг темнеет.

~~~

Когда я прихожу в себя, подбородок у меня прижат к груди. Затылок пульсирует и я уверен, что на мозгу у меня появился синяк. Я снова ощущаю запах пота, на сей еще более остро. Перед глазами все расплывается. Понимаю, что по-прежнему нахожусь в трейлере. Сижу на грязном заваленном мусором полу, и руки у меня крепко связаны за спиной.

И вот тут мне становится страшно. По-настоящему страшно.

Внезапно передо мной возникает абажур. Абажур с дырками для глаз. Если бы я не был насмерть перепуган, я бы даже посчитал это забавным. Но сейчас мне не смешно — хотя бы потому, что меня резко поднимают на ноги и через весь трейлер швыряют на диван в форме подковы.

— Осторожнее! — кричу я, к счастью не сломав себе руки. — Осторожнее!

Но Абажур и не думает осторожничать. Абажур в ярости, он хватает полупустую бутылку газировки с пола и швыряет ее в меня. Та совершает кульбит в воздухе и разбивается о мою голову. Боль усиливается, когда пластик лопается и я оказываюсь залит теплой колой. А потом из-за пояса Абажура появляется пистолет. Дуло ствола черное-пречерное, как крошечная Преисподняя, и мне кажется, что мое лицо словно засасывает в эту самую Преисподнюю.

Уверен, что сейчас меня застрелят — выстрелят прямо в мой Харрисовский нос — моя голова треснет, и я умру прямо на этом засаленном диване в этом грязном трейлере.

А я даже пикнуть не могу в качестве протеста.

Но внезапно Абажур опускает пистолет. Издав разочарованный стон, он матерится и начинает колошматить рукоятью пистолета по кухонным шкафчикам, пока дверцы не рассыпаются на куски.

Только сейчас я наконец-то замечаю, что на Абажуре надета куртка с эмблемой «Крокодилов». Что ж, наконец-то, я нашел его, думаю я. И кем бы он ни был, парень явный псих. Я вздрагиваю, пока он продолжает крушить карающей сталью все, что попадает к нему

под руку.

На улице заливается лаем Джесс. Я представляю, как она там дергается привязанная, пытаюсь освободиться. Но неистовство собаки только еще сильнее злит Абажур. Он смотрит на пистолет и выглядит при этом так, словно решил выбежать на улицу и пустить ей пулю в голову. Мне снова хочется закричать в знак протеста, но, как и раньше, я не в состоянии произнести ни звука — я онемел от страха.

— Закрой пасть, сука! — орет ей Абажур через закрытое окно. И к счастью, этого окрика оказывается достаточно, чтобы Джесс замолчала. Мгновенно. А он стоит у окна, крепко вцепившись в раму, и его трясет от злости.

Я жду и гадаю. Может мне сказать что-то. Что-то умное. Плохая идея. Мне лучше притвориться, что меня здесь нет, что я вообще не существую, и надеяться, что он успокоится.

Вскоре выясняется, что этот мой план был разумен. Я вижу, как его дыхание медленно выравнивается, мышцы расслабляются, пока он в итоге не засовывает пистолет обратно за пояс. Меня накрывает теплой волной облегчения. Довольно глупое и бесполезное ощущение. Потому как все не в порядке, далеко не в порядке, напоминаю я себе, когда две прорези в абажуре разворачиваются в мою сторону, и я вижу сверкающую в них ненависть.

— Да что я сделал-то? — внезапно спрашиваю я, несмотря на все намерения молчать. Мой вопрос вызывает новую вспышку ярости, которая к счастью, довольно быстро стихает, а Абажур начинает рыться в мусоре на кухонном столе, пока не выуживает из него старый желтый блокнот.

Он хватается ручку и начинает что-то писать. Закончив, он вырывает листок и тычет им мне в лицо.

ТЫ КТО?

— Что? — такого я не ожидал. — Меня зовут Кэллум Харрис, — представляюсь я. — Я учусь в старшей школе Кристал Фоллз...

Ответ Абажура не удовлетворяет. Нисколько. Потому что он замахивается и снова бьет меня по голове. Больно так, что мне кажется, что еще один удар я просто не выдержу — череп просто расколется. Не сомневаюсь в этом.

— Чего ты от меня хочешь? — навзрыд спрашиваю я. — Чего тебе надо?

Абажур не отвечает. Он бежит к кухонному столу, снова что-то пишет, бегом возвращается обратно и трясет у меня перед лицом еще одним сообщением.

НЕЙЛА НАШЛИ?

— Нейла? — неуверенно повторяю я и вздрагиваю, когда Абажур снова замахивается, собираясь ударить меня. Но в итоге он сдерживается. — Ты имеешь в виду Нейла Парсона? — уточняю я. — Нет, его не нашли.

Абажур встает, и несколько раз кивает сам себе, словно получил желаемый ответ. Он снова идет к столу и стоит там какое-то время. Затем царапает очередное сообщение и вырывает листок из блокнота. Подойдя ко мне, держит его так, чтобы я мог прочитать.

ТРАХНЕШЬ АЙВИ И ТЫ ПОКОЙНИК!

Я прекрасно вижу слова, написанные на листке бумаги, но поверить не могу, что читаю их.

— Что? Айви? Нет, послушай....

Но Абажур слушать не желает. Он снова выхватывает из-за пояса пистолет. Всепоглощающий ужас снова охватывает меня — моя фатальная ошибка, что я не дал ему

желаемого ответа в кульминационный момент...

Впрочем, он не стреляет. Абажур бьет меня рукоятью пистолета. Если череп у меня и не раскололся надвое, то ощущаю я себя именно так, как если бы он таки треснул. Как минимум несколько секунд, а затем я не ощущаю ничего, так как отключаюсь.

~~~

В себя я прихожу от того, что в ухо мне тычется влажный нос. Джесс. Ее поводок по-прежнему привязан в березке, и она скулит. Она хочет знать, в порядке ли я. Судя по всему — я лежу в куче листьев на грязи — мы здесь одни.

Я пытаюсь сесть. Руки у меня больше не связаны. На бровях запеклась кровь, судя по неприятным покалываниям в глазах, ресницы тоже склеились. Голова болит так, как никогда в жизни не болела. Но времени жалеть себя нет — нужно выбираться отсюда.

Пошатываясь, я встаю, и мне удается отвязать Джесс. Отпустив собаку бежать впереди, я, спотыкаясь, плетусь сзади к выходу из кемпинга. Прохожу мимо трейлера мистера Гайза с темными окнами и пустого места, где обычно стоит его машина, иду вдоль ухабистой дороги, где меня несколько раз выворачивает наизнанку.

И, в конце концов, выбираюсь на шоссе, где понимаю, что, должно быть, выгляжу кошмарно, потому что водители сбрасывают скорость и внимательно разглядывают меня, чтобы затем принять решение на полной скорости помчаться дальше.

Спасибо за помощь, жители Кристал Фоллз.

Спустя, как мне показалось, целую вечность, я наконец-то оказываюсь дома. Открыв входную дверь, я спускаю Джесс с поводка и с трудом поднимаюсь на второй этаж — к счастью мама занята чем-то в прачечной. Я сразу же иду в ванную, чтобы осмотреть раны.

Бросив взгляд в зеркало, убеждаюсь, что самые серьезные повреждения находятся выше линии волос, а значит мне, по крайней мере, легче будет их спрятать. Но я все равно выгляжу жутко. Запустив руку в слипшиеся от крови волосы, я нащупываю довольно глубокие раны.

Может нужно наложить швы? Не знаю. Но кровотечение вроде бы прекратилось. Поэтому решаю, что это не так уж важно.

Хотя раны нужно хорошенько продезенфицировать. И это будет очень-преочень больно.

Я включаю фен, надеюсь, что его гул заглушит самые громкие мычания и стоны. Затем роюсь в шкафчике с лекарствами, в поисках чего-то, что помогло бы мне добиться желаемого результата.

Перекись водорода. Вот что мне нужно, и мне везет, потому что там обнаруживается приличный запас.

Отвинтив колпачок бутылки, я опускаюсь на колени на коврик и наклоняюсь над ванной. Делаю глубокий вдох, чтобы подготовиться, и начинаю поливать голову жидкостью.

Поначалу я ощущаю только прохладу, словно засунул голову в ледяную воду. Но когда пенящаяся шипящая жидкость попадает на каждую царапинку и рану, я начинаю ощущать настоящую боль — голова вспыхивает, как факел.

Жуть. Но дороги назад нет. Поэтому я продолжаю поливать голову перекисью.

Боль становится все сильнее и сильнее, и не кричать почти невозможно. Нужно соблюдать тишину, уговариваю я себя. Я должен вести себя тихо.

Кто-то стучится в дверь. Ну, началось...

— Кэл? — перекрикивая гул фена, зовет мама. — Это ты там?

— Да, ма, — отрываюсь я, а глаза печет от того, что в них попала перекись —

Минуточку...

— Ты же обувь не снял! — возмущается мама.

— Прости, — извиняюсь я, и напряжение в моем голосе эхом отражается от стальных стенок ванной. Боль достигла непереносимого уровня: меня трясет, и я крепко сцепил зубы, пока меня накрывает одна за другой накрывают волны боли. — Мне очень сильно нужно было наверх, — объясняю я.

Мама говорит что-то еще, но мне не удается понять что — ее голос заглушается гудением фена и адской болью, которую я сейчас испытываю. К счастью для меня, она уходит.

К тому моменту, когда бутылочка пустеет, все дно ванной в крови. Подтолкнув красноватую воду к сливу, я включаю горячую воду и закрываю слив затычкой. Раздеваясь, я наблюдаю, как бутылочка снова наполняется водой, и опускается на дно.

Я залезаю в ванну и ложусь. Раны, оказавшиеся под водой, начинает жечь, но мне становится лучше. Я лежу в горячей воде, даже не потрудившись взять мыло, пока вода не остывает.

~ ~ ~

Лежа на кровати в полубессознательном состоянии, я пытаюсь разобраться в произошедшем. Лишний спасательный жилет и маньяк с абажуром на голове. Какая между ними может быть связь?

В какой-то момент я вдруг понимаю, что меня зовут ужинать. Бросив взгляд на часы, вижу, что уже начало восьмого. Встав, я разглядываю себя в зеркале шкафа.

Судя потому, что я вижу, перекинь не осветлила мои волосы, к счастью для меня. Довольно быстро до меня доходит, что мои покрывшиеся корочкой раны очень даже хорошо видны. И это не только испортит семейный ужин, но и станет причиной разговора, который я сейчас совершенно не хочу начинать.

Поэтому я нахожу в шкафу бейсбольную кепку и, как можно аккуратнее, одеваю ее.

— Кэл! — снова зовет мама. — Ты меня, что, не слышишь? Пора ужинать.

— Иду! — кричу я в ответ.

Когда я спускаюсь, отец с матерью уже сидят за столом и едят.

— Мы уже начали, — с укором сообщает отец. — Все почти остыло.

— Ничего страшного.

— А кепка зачем? — возмущается папа, когда я сажусь.

— Простите. У меня голова жутко грязная.

— Но я думала, что ты принял душ, когда вернулся домой, — обращает внимание на мой промах мама. — Ты что, голову не помыл?

— Я принял ванну. А голову помыть забыл.

Забыл — мой главный козырь в любой ситуации. Родители меняют тему.

— Есть планы на вечер? — интересуется отец, пытаюсь смягчить обстановку за столом. Но тут один из швов кепки впивается в мой несчастный череп, и все вопросы начинают меня раздражать.

— Планы? — повторяю я его вопрос. — Нет.

— Серьезно? Сегодня же пятница.

— И что?

— С каких это пор, у тебя нет планов на вечер пятницы?

— Не знаю даже. Мне никто ничего не предлагал.

— Я же просто спросил, — сказал отец.

— А я просто ответил. Нет.

За столом повисает тишина. Я сосредоточиваюсь на еде, которая действительно остыла. Пытаюсь есть, но кепка убивает меня, а в голове мелькают картины произошедшего в трейлере, и аппетит пропадает.

После ужина помогаю матери помыть посуду. Она кажется удивленной и раздраженной одновременно, когда я укладываю тарелки в посудомоечную машину и протираю стол. Закончив уборку, извиняюсь и возвращаюсь в свою комнату.

Планы. Кто будет что-то планировать со мной? Обычно я отправляюсь к Брайсу и мы играем ли или смотрим фильмы. А с недавних пор, компании Брайса я стал предпочитать проводить время с Уиллоу.

Что ж, сегодня вечером никто из них меня никуда не звал, да и вряд ли когда-либо позовет. Даже не взглянув на корешок книги, беру с полки одну из оставшейся там парочки книг. Открываю ее и внутри обнаруживаю надпись, сделанную моим собственным почерком:

Мистер Поттс любит есть козявки из носа.

У двери кто-то скребется. Джесс. Я открываю дверь, и она быстро забегает в комнату и запрыгивает на мою кровать. Так приятно ощущать ее теплое тело возле ноги. Я скучал по ней.

Несколько часов спустя возле нашего дома раздается рев мотора, и я спрыгиваю с кровати. Из моего окна не видно, кто приехал, но у меня есть предположения, судя по тому, как рычал мотор и визжали шины, когда водитель нажал на тормоза.

Через минуту раздается звонок в дверь.

Ой, да ладно. Нет. Не сейчас.

— Кэл, к тебе пришли! — зовет мама с первого этажа.

Вот черт, думаю я, глядя на себя в зеркало. Выгляжу я ужасно. Но с этим уже ничего не поделать. Спускаюсь вниз.

— Привет, Айви, — здороваюсь я с стоящей на пороге девушкой. Мама оставляет нас наедине и даже делает звук телевизора в гостиной погромче. — Что ты здесь делаешь?

— Приехала убедиться, что ты приедешь на вечеринку Бэкки, — отвечает она. — Господи, Кэл, ты ужасно выглядишь! Что случилось?

— Неудачный день.

— Это точно, — но на этом ее сочувствие и заканчивается. — Ладно, ничто не способно исправить плохой день лучше, чем отпадная вечеринка, — беззаботно заверяет меня она. — Так что собирайся и поехали.

— Слушай, не уверен, что я в настроении для вечеринки, — говорю я. — У меня голова болит, — я не упоминаю головокружение и звон в ушах.

— Кэл! Последнее время ты такой нытик. Серьезно. Выпей таблетку и садись в машину...

Я обдумываю ее предложение. Звучит заманчиво. Сегодня вечером Айви выглядит особенно восхитительно в очень коротеньких шортиках, прозрачных серых колготках и туфлях на высокой шпильке. Полагаю, если кто и сумеет отвлечь человека от сокрушительной боли, так это она.

— А как же Хантер? — спрашиваю ее я, надеясь понять, что же здесь все-таки происходит.

Айви закатывает глаза.

— Мать Хантера закатила какую-то роскошную вечеринку в честь дня рождения — большой семейный сбор. Меня тоже пригласили, но я отказалась. А Хантер застрял на ней дома, на всю ночь...

Айви прижимается ко мне, и я снова ощущаю аромат ее духов. Внезапно я замечаю ее поразительное сходство с девушкой на постере, который я сорвал со стены в своей комнате и с дверцы шкафчика в школе. За исключение того, что у нее нет ни капли силикона. Мое тело откликается на ее близость, и я готов сорваться и поехать с ней в ночь куда угодно.

— Ладно, — соглашаюсь я.

— Только избавься от этой дурацкой кепки, — просит она. — О, и не забудь товар, — уже шепотом добавляет она. — Где он, кстати говоря?

— Где что?

— Ящик с бухлом, — напоминает она уже раздраженно.

— А, он в шкафу в моей комнате. Родители туда никогда не заглядывают. Там вечный бардак.

Айви вздыхает.

— Ты совсем сдурел? Более идиотского места для тайника и не придумаешь, — она бросает взгляд в сторону гостиной, где на диване сидят мои родители. — И как ты собираешься вынести его и не попасться?

Вынести?

— Не знаю, — соглашаюсь я. Потому что до сих пор, вообще не задумывался о том, что его надо куда-то выносить.

— Seriously, Кэл, — тихо, но теперь уже зло, говорит Айви. — Иди за ящиком, а я отвлеку твоих родителей. Договорились?

Я согласно киваю, как бессловесное животное, и иду к себе в комнату. Там я переодеваюсь в другую футболку — надеваю ту, которую терпеть не могу, но которая может понравиться Айви. Смотрю на себя в зеркало и вспоминаю ее замечание на счет кепки.

Но куда я пойду без нее? Проверяю крючки с внутренней стороны дверцы шкафа и нахожу там вязаную шапочку. Поморщившись, я снимаю кепку и натягиваю на голову шапочку с рисунком. Выгляжу так, будто натянул на голову колпак для чайника.

Как бы то ни было, эта шапка причиняет меньше боли, чем жесткая кепка.

Откопав ящик с виски, я поднимаю его на уровень груди. На сей раз он кажется мне нереально тяжелым. И вообще, он меня нервирует. Но думаю, я испытаю облегчение, как только вынесу его из дома.

Подойдя к лестнице, вижу, как Айви вскидывает руку. Она проходит в гостиную.

— Добрый вечер, мистер и миссис Харрис! — громко здоровается она с моими родителями, как будто им по восемьдесят лет и они напрочь глухие. — Как поживаете?

Это сигнал для меня. Я быстро спускаюсь вниз, с трудом удерживая ящик. Прижав его к косяку и подперев коленом, мне удается открыть дверь и выйти.

В окне гостиной вижу, как Айви забалтывает моих родителей, и быстро прячу ящик за машиной девушки.

Вернувшись в дом, слышу, как Айви рассказывает о своих успехах в школе и в спорте. И снова задаюсь вопросом: что она во мне нашла? Я привлекаю ее физически? Ага, шаз.

Но, судя по тому, что она, распрощавшись с моими родителями, по пути к машине нализывала мне ухо, то именно это ее во мне и привлекает. Приятно, но несколько странно,

особенно после того, как мне приходится пальцем прочистить ухо, чтобы слышать, что она мне говорит.

— Забей на багажник, просто поставь ящик на заднее сиденье, — велит она мне. И как обычно, я подчиняюсь. Затем сажусь в машину рядом с ней, и мы срываемся с места, оставив мигающие голубоватым светом окна моего дома далеко позади.

ГЛАВА 15

Если езда Айви днем казалась мне пугающей, то ночью она просто наводит ужас. Ее постоянно заносит на встречную полосу, на полной скорости она проносится по перекресткам с плохим обзором, не тормозит на красный свет, в общем, едет так безбашено, что я даже удивлен, что мы добираемся к дому Бэкки живыми.

Перед домом уже море машин, поэтому нам приходится припарковаться дальше по улице. А значит, ящик с выпивкой придется тащить далеко.

Айви неправильно понимает страдальческое выражение моего лица, когда мы выходим из машины.

— Ой, прости, ты хотел повести? Надо было сказать. Но тебе нужно учиться держать себя в руках, Кэл. Утверждать, что я не могу садиться за руль — дискриминация.

— Прости, — на всякий случай извиняюсь я.

— Ладно, ты прирожденный водитель, — Айви бросает мне ключи. — И не забудь виски, Кэл! — кричит она мне.

— Прости.

Я открываю заднюю дверь и вытаскиваю тяжелую коробку. Внезапно мне начинает казаться, что я чересчур часто извиняюсь перед Айви — за то, что слишком сильно хлопнул дверью, за то, что высморкался в салоне, за то, что убавил звук стерео системы.

Кажется, ее это раздражает. Догнав ее, я чуть не начинаю извиняться за то, что слишком часто извиняюсь. *Заткнись, Кэллум.* Мне просто нужно расслабиться, но Айви нервирует меня. Я никогда не чувствовал себя так в компании Уиллоу. С ней я всегда спокоен.

Я следую за Айви до дома, и мы заходим. В доме дико орет музыка. Повсюду парни и девушки, в основном старшеклассники, но присутствует и парочка первокурсников, которых я не ожидаю тут встретить.

Все начинают аплодировать, когда замечают меня. Затем окружают меня плотным кольцом. И в следующую секунду начинают тыкать мне деньги в лицо.

— Сколько за одну бутылку? А если возьмем две, скидку сделаешь?

На самом деле мне совершенно не хочется продавать виски. Но таким образом я хотя бы избавлюсь от улик, да и не стоит забывать, что ящик очень тяжелый.

— Эм, шесть баксов за бутылку, — отвечаю я, назвав первую пришедшую в голову цифру. — Два бакса за две.

— Кэл! — возмущенно визжит Айви. — Какого черта?!

— Что не так?

— Ты что, решил раздарить все?

— Что ты имеешь в виду?

— Двадцать пять баксов за бутылку! — поправляет меня Айви. — Наша обычная цена.

Наши покупатели совершенно не рады слышать новую цену. Раздается возмущенный гул голосов — все настаивают на первоначально названной мной цене. Айви же непоколебима, и велит им или смириться, или просто отвалить.

Ситуация складывается ужасная.

Но затем отсутствие вариантов и высокий спрос делают свое дело, и люди начинают торговаться один за другим. Сначала предлагают десятку за бутылку, потом двадцатку, затем двадцать пять... но и на этой сумме они не останавливаются.

В итоге двенадцать покупателей обставляют всех, и каждый уходит с бутылкой виски, за которую уплачено по пятьдесят баксов за штуку.

Что в свою очередь означает, что я не только избавился от дурацкого ящика, но и заработал шестьсот баксов. Шестьсот баксов!!! Не в силах поверить, я снова и снова пересчитываю деньги, улыбаясь при этом, как недоумок. В то время, как раздраженная толпа отступает.

Знаю, что это неправильно, но не могу прекратить улыбаться.

— Кто ты такой? — внезапно спрашивает меня Айви.

— Что? — переспрашиваю я, и внезапно мне становится нехорошо. — Что ты имеешь в виду?

— Ты злой близнец Кэла или что-то в этом роде? Потому что ты только что провернул гениальную сделку.

— Ну что я могу сказать? — самодовольно отвечаю я. — Полагаю, я прирожденный бизнесмен.

— Скорее талантливый манипулятор.

— Это одно и то же.

Айви смеется и целует меня в губы. Непередаваемые ощущения — мягкие губы в сочетании с толстой пачкой купюр в моей руке. И на сей раз я ни о чем не сожалею — пока внезапно Айви не останавливается.

— Эй! — говорит она, и с удивительной для такой девушки силой бьет меня кулачком в плечо. — Ты же нам ни одной бутылки не оставил!

— Ой, точно, — соглашаюсь я, хотя не могу сказать, что мне была нужна бутылка виски. Помню, как отец однажды устроил нам дегустацию этого продукта и в итоге я провел уйму времени над унитазом. — Прости.

— Кто станет тебя порицать при таких-то ценах? — миролюбиво заявила Айви. — Не переживай. Мы найдем что выпить, чтобы хорошо провести время.

Я засовываю деньги глубоко в передний карман джинсов. Мы с Айви лавируем в толпе учеников, а вечеринка в самом разгаре. Я замечаю, что у некоторых в руках пиво, и они выглядят счастливыми, несмотря на то, что виски им не досталось. Мы проходим мимо мощного старшекурсника, который пытается выпендриться, смяв жестяную банку из-под пива об свое лицо. Другой парень пытается повторить его фокус и сам себе наносит увечье, так как на лбу у него образуется кровавая вмятина. Все смеются, включая меня.

Я стараюсь держаться поближе к Айви, которая прикладывается к каждой бутылке виски, которая встречается на ее пути. Каждый раз она делает большой глоток, морщится, а потом передает бутылку мне. А я прижимаю горлышко к губам и делаю вид, что пью.

Даже пары капель достаточно, чтобы у меня глаза заслезились и свело желудок. Кажется, я просто ненавижу алкоголь.

Впрочем, Айви, кажется, не разделяет моего отвращения. Довольно быстро она полностью теряет контроль над собой: спотыкается, ужасно танцует и смеется, каждый раз, когда кто-то что-то ей говорит.

Меня она игнорирует, и я чувствую себя, как какая-то дуэнья. Изредка Айви вспоминает

о моем присутствии и тогда притягивает меня для поцелуя, но мы либо ударяемся зубами, либо она попадет языком мне в глаз. Оба варианта не самые приятные и довольно раздражающие.

Меня тошнит всякий раз, когда она дышит на меня жарким, пропитанным виски дыханием — как будто я на свидании с мистером Гайзом.

И в итоге я сбегаю в поисках ванны. Не найдя ее на первом этаже, поднимаюсь наверх.

Там темно и гораздо тише — приятная передышка от суматохи и орущей внизу музыки. Я нахожу ванную, но там занято.

Чтобы не стоять под дверью, я решаю пройтись по этажу и осмотреть дом. Прохожу мимо кинозала, где со скучающим видом сидит девушка.

— Уиллоу? — поверить не могу — что она забыла на подобной вечеринке? Уиллоу выглядит просто шикарно в миленьком черном платье и с легким макияжем на лице. Точнее, еще красивее, чем обычно.

Она вроде как обрадовалась, что ее узнали. Но сообразив, что это я, она морщится — такое же выражение отвращения появилось на ее лице и в тот раз, когда я ударил того парнишку головой об шкафчик.

— Слушай, я знаю, что сейчас тебе не нравлюсь, — начинаю я. — И кто бы стал тебя винить? Но мне просто хочется, чтобы ты дала мне шанс. Потому что мне, правда, кое-что нужно рассказать тебе.

— Что именно? — спрашивает она, полагая, только из-за того, что чувствует себя пленницей в комнате, а не потому, что ей интересно.

— Я не тот парень, каким кажусь тебе. Ну, не совсем тот. Честно говоря, я и сам уже точно не знаю, кто я...

Уиллоу мгновенно теряет терпение.

— Я вообще тебя не знаю, Кэл, кроме тех случаев, когда видела в школе, что ты ведешь себя как подонок. Это понятно?

Я опускаю голову — это ничем хорошим не кончится.

— Уиллоу, знаю, все это выглядит ужасно, но я не такой. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты была обо мне такого мнения. Я не подонок. Честно слово.

— Да с чего вдруг тебе стало важно, какого я о тебе мнения? — громко возмущается она. — Неделю назад ты не помнил, как меня зовут. А теперь ведешь себя так, как будто мое мнение самая важная для тебя вещь в мире...

— Потому что для меня это действительно самая важная вещь в мире! — настаиваю я. Услышав свое собственное неловкое признание, я чувствую, как заливаюсь краской. Просто супер, Харрис. Но Уиллоу кажется насмерть перепуганной, что какой-то краснолицый псих блокирует ей выход.

— Ну, подожди же, — быстро прошу я. — Прости, что накричал. Знаю, что это только усугубило дело. Я только пытаюсь сказать тебе, что не помню, чтобы между нами все было вот так. Я всегда знал твое имя, Уиллоу, с первого дня, как встретил тебя. Клянусь.

Уиллоу либо не верит мне, либо ей все равно. И я определенно, заставил ее занервничать еще сильнее. Она напрягается, когда я сажусь на диван напротив нее. Я вижу, как она бросает взгляд на открытую дверь. Я боюсь, что она убежит, но мне все равно хочется воспользоваться полученной возможностью в надежде, что ей станет немного комфортнее в моей компании.

— Уиллоу, послушай меня, — продолжаю я. — Что-то произошло. Не знаю, только со

мной или со всеми вокруг. До моего падения в водопад, все здесь было совсем иначе. Весь город. Он был чище, красивее. На Мейн-стрит было больше магазинов. И туристы — они тысячами приезжали полюбоваться водопадом.

— А мы были друзьями, ты и я. Мы встретились в прошлом году на биологии, на уроке у мистера Шредера. Помнишь? Нас поставили работать в паре на лабораторки.

— Да, я помню уроки мистер Шредера. Но мы не работали в паре, а тебя постоянно выгоняли из кабинета, за то, что ты дурачился на уроке.

— Нет, — возражаю я и расстроено тру лоб. — И еще одно — моим лучшим другом был Брайс.

— Брайс? — фыркнув, переспрашивает она. — Тупица Брайс?

— Не называй его так, — прошу я ее прекратить. — Он классный.

Глядите-ка, я защищаю парня, который пытался прикончить меня. Но ведь это не может быть тот же самый Брайс, которого я знал раньше. Что бы ни случилось со мной, и что бы ни случилось с Уиллоу, с ним случилось тоже самое.

— В любом случае, затем я упал в водопад и впал в кому, — рассказываю я ей. — А когда пришел в себя, начали происходить все эти странные вещи. Сначала в больнице на меня напал Брайс: он пытался перекрыть мне доступ кислорода, чтобы я задохнулся, — объяснил я.

— А потом Айви .. я стал нравится Айви, я так думаю. И все начали вести себя так, как будто я крутой парень и звезда футбола, — тут я покачал головой, гадая, как вообще мог поверить в подобное, даже на секунду.

— Но я не такой. Нет! Клянусь тебе, я самый обычный парень, как и любой другой!

— Ладно, ладно, — отвечает Уиллоу, явно все еще побаиваясь меня. — Как скажешь. Только успокойся, Кэл.

Мне и правда нужно успокоиться, потому что голова у меня кружится, как будто не хватает кислорода.

— И еще одно! — выпаливаю я. — Никто в Кристал Фоллз *никогда* не называл меня Кэл! Все, кроме моего брата, звали меня Кэллум.

Комната вокруг начинается кружиться.

— Мой брат! — кричу я. — Я, видите ли, должен верить, что он полностью парализован! Так вот, он не парализован! Я знаю точно, Уиллоу, потому видел его, прямо перед тем, как упал!

И тут начинает происходить что-то странное: Уиллоу расплывается у меня на глазах. Все вокруг побелело. Я чувствую, что падаю, и затем ударяюсь головой о диванную подушку.

И тут, как пузырь, всплывающий на поверхность из темных глубин, в голове вспыхивает очередное воспоминание.

Это было недавно, точно помню, что в тот же день, когда я висел над водопадом, вцепившись в перила моста. Я только вернулся домой, и был напуган по какой-то причине, ходил по дому и звал родителей в оглушительной тишине.

Ответа не было.

Я заметил, что лестница на чердак опущена. А ведь ее никогда не опускают. Чувствуя себя все более и более неуютно, я взобрался наверх, просунул голову в сумрачный мир чердака.

— Есть кто?

В дальнем конце чердака я увидел брата — его фигуру освещал слабый свет лампочки. Он на коленях стоял на пыльном полу, глаза были крепко зажмурены, а в руке он держал пистолет.

— Коул! — позвал я. — Что ты делаешь?

Все снова побелело. Сквозь туман до меня медленно дошло, что Уиллоу пытается приподнять меня.

— Ты в порядке? — слышу я ее вопрос. — Кэллум, ты в порядке?

Я понимаю, что плачу — крупные горячие слезы каплют мне на брюки. Смущенный, я пытаюсь прекратить, но у меня не получается. Пару минут я сижу, всхлипывая, жадно глотая воздух, и пытаюсь взять себя в руки.

Уиллоу неуверенно протягивает руку и обнимает меня.

— Ты не видишься с отцом, — развернувшись, говорю я ей, а из глаз у меня по-прежнему текут слезы. — Впрочем, он звонит каждый год на твой день рождения и на Рождество, и каждое лето, когда заканчивается учебный год. И каждый год он обещает тебе поездку на Багамы, где он живет со своей новой богатой женой, и их близняшками — Самантой и Филлипом. Правда, билет он тебе так ни разу и не прислал. Свою мачеху ты видела два или три раза, включая свадьбу, но со своими сводными братом и сестрой — твоей плотью и кровью, как ты иногда говоришь — ни разу не встречалась, видела их только на фотографиях.

По выражению лица Уиллоу я понимаю, что, по крайней мере, это осталось неизменным. И что никто в школе — даже можно сказать никто в Кристал Фоллз — никогда не слышал эту историю. Я не сомневаюсь в этом, потому что я первый, кому она решилась открыться, и это случилось всего пару недель назад.

В ванной раздается шум сливного бачка, затем дверь открывается.

— Уиллоу, детка! Так и думала, что ты тут. Хватит стесняться, идем вниз на вечеринку — зовет ее кто-то.

В дверях появляется девушка — это подруга Уиллоу Лиззи. Они раньше частенько вместе проводили время, но в последнее время Уиллоу проводила время со мной, и чувствовала себя виноватой, когда не отвечала на ее звонки.

Лиззи замечает всего еще плачущего меня.

— Ох, простите. Я помешала?

Без единого слова, Уиллоу встает и выбегает за дверь.

~~~

Я привожу себя в порядок в ванной и спустя пару минут спускаюсь вниз. Глаза у меня по-прежнему красные, но какая разница, когда вокруг столько народу. Я прокладываю себе путь из комнаты в комнату в поисках Уиллоу, но нигде не вижу ее. Я уже начинаю думать, что она ушла. Заметив, как ее подруга Лиззи с укором смотрит на меня, понимаю, что она и правда ушла.

Мне тоже хочется убраться отсюда. Решаю найти Айви и вернуть ей ключи от машины, а затем пешком отправиться домой. Идти придется целый час, не меньше, но мне все равно.

Внезапно музыка смолкает. Поначалу никто не замечает, потому что все продолжают кричать. Но в итоге кто-то замечает отсутствие басов и фонового ритма.

— Музыка! — кричит парень. — Кто отвечает за музон?

Похоже, никто не знает. Ребята начинают звать Бекку, девушку, которую мне любопытно увидеть, но только, чтобы знать в лицо человека, который не побоялся закатить

подобную вечеринку в доме родителей.

Но такая возможность мне не перепадает. По толпе пронесется шепоток, и внезапно атмосфера становится напряженной. Копы что ли приехали после жалобы на шум? Или родители Бекки внезапно вернулись домой?

Но оказывается все еще хуже. По крайней мере для меня. Я вижу Хантера, в окружении Рикки и других «мясных туш» из «Крокодилов».

На вечеринке становится тихо. Уступая им дорогу, все разбегаются — в комнате образуется свободная дорожка, ведущая через всю гостиную прямо ко мне. И тут я внезапно понимаю, что Айви рядом со мной — девушка повисла на мне, целует меня в шею, и трется об меня.

— Ты! — кричит мне Хантер. — А ну отвали от моей девушки!

Я хочу подчиниться, но так как технически она висит на мне, это легче сказать, чем сделать.

Пьяная вдрызг Айви даже не узнает голос собственного парня — она продолжает делать то, что делала, отчего я выгляжу еще глупее. Кипя от ярости, Хантер через всю комнату бросается к нам.

Не, не, не... я совершенно не хочу, чтобы меня сегодня снова били — особенно в голову. Но именно это мне и светит — а потом еще и добавку дадут — если я сейчас же не уберусь отсюда. Что тоже легче сказать, чем сделать.

Секунды не проходит, а Хантер уже стоит перед нами. Надеюсь, что у него все же есть пределы и он не ударит девушку, я разворачиваю Айви и выставляю перед собой, как щит. Она хихикает как танцовщица, которую только что закрутили в неожиданном пируете.

Хантер потрясен и на долю секунды выглядит скорее уязвленным нежели взбешенным.

— Айви! — раздосадовано рявкает он. — Что ты творишь?

Только после этих слов, до пьяной девушки доходит...ну, в некотором роде.

— О, дтка, првееет! — заплетающимся языком говорит она, мгновенно отпустив меня и обвившись вокруг огромного футболиста. — А пчему ты здесь?

Вот он мой шанс — мой единственный шанс. Перепрыгнув через кофейный столик, и зацепив при этом стопку пустых банок из-под пива, я ныряю в просвет между округлившими глаза зеваками. Хантер что-то орет мне вслед. Но я и не думаю оглядываться. Как кролик под прицелом, я проношусь через кухню, огибая и подныривая под всех и вся, что стоит у меня на пути.

Я протискиваюсь в полуприкрытую дверь, ведущую на улицу. Пробегаю по заднему крыльцу и пересекаю лужайку. К моему сожалению, это тупик, со всех сторон обнесенный высоченным забором.

И теперь я по-настоящему напуган, потому что трачу время впустую, пытаюсь найти выход. Ворота, ведущие в передний двор, заперты на висячий замок. Выругавшись, я огорченно его дергаю.

— Кэл побежал на задний двор, — доносится до меня чей-то голос. — Всего пару секунд назад!

Ну, все, с меня хватит. Я прижимаюсь лбом к воротам. В мозгу огнем вспыхивают слова, нацарапанные на бумажке в трейлере:

ТРАХНЕСЬ АЙВИ И ТЫ ПОКОЙНИК!

Вот оно что. Парень с абажуром на голове — это был Хантер. Хотя нет, тот парень был помельче, в этом я уверен. Я вспоминаю, как впервые заметил фигуру в капюшоне — он

бежал через поле и перемахнул через забор.

Погодите-ка...

Перелазь, перелазь, перелазь!

Но в темном заднем дворе это не так уж и просто. Мои кроссовки скрипят, пока я карабкаюсь по планкам забора. Ну же, давай, давай!

— Эй, вон же он! — кричит кто-то!

Только мне удается найти точку опоры, как неподалеку раздается топот моих преследователей. Уровень адреналина резко подскакивает, я подтягиваюсь и переваливаюсь через забор. Приземляюсь я довольно болезненно — на бок. Раздается громкий стук, когда кто-то врезается прямо в ворота, затем слышится треск дерева.

Но замок выдерживает.

Я вскакиваю на ноги, срываюсь с места и бегу так быстро, как никогда еще в жизни не бегал. И никаких тебе горящих легких или жжения в мышцах. Беги или умри, и мое тело понимает это.

Вылетев на дорогу, я чуть не попадаю под колеса пикапа. Это машина мистера Гайза? Похоже на то — я вижу знакомую вмятину на бампере. Машина едет так медленно, что поначалу мне даже кажется, что она припаркована.

Но я не собираюсь проверять это. Я продолжаю бежать. Потому что последнее, что мне сейчас нужно, это еще один враг на хвосте.

Вижу впереди машину Айви, сверкающую, как драгоценность, в свете фонаря. Тут я вспоминаю, что у меня остались ее ключи.

А я прирожденный водитель...

Я вынужден сбавить темп, чтобы вытащить ключи из кармана. К счастью они оказываются слева, и пачка банкнот не мешает мне достать их. Быстро оглянувшись, я разблокирую двери. Преследователей не видно. Я запрыгиваю в машину.

На смотря на веру Айви в мои таланты водителя, единственный опыт вождения, который я помню это четыре или пять кругов по парковке в громоздком фургоне отца. Но сейчас стоит волноваться не об этом. Куда важнее заблокировать двери и завести эту тачку.

Бросив взгляд в зеркало заднего обзора, вижу Хантера и его дружков. Но они по какой-то причине окружили тот пикап, орут и стучат кулаками по бокам машины. Раздается громкий звук разбивающегося стекла.

Да плевать, думаю я, и завожу двигатель. Прежде чем они поймут свою ошибку, я уже буду далеко. Нажимаю на педаль газа.

Фургон отца не способен развивать скорость доступную маленькой спортивной машинке Айви. Меня отбрасывает назад на сиденье, когда я чудом не врубаюсь в бампер припаркованной передо мной машины. Стараюсь ехать по дороге ровно.

Обретя некое подобие контроля над этим монстром, я с облегчением выдыхаю. Мне приходит в голову, что Айви, вероятно, дико расстроится, если не найдет на месте свою новенькую игрушку. Точно знаю, что расстроится. Впрочем, вспомнив, как сильно она напилась, я прихожу к выводу, что сделал ей большое одолжение.

Но менее, чем через два километра, когда я слишком резко беру поворот, и машина впечатывается в столб, я уже так не думаю.

ГЛАВА 16

Опытным путем я выяснил, что никто не ожидает, что ему в лицо «вылетит»

подушка безопасности. На сей раз удар на себя принял Харрисовский нос. Впрочем, лучше так, чем умереть.

А теперь мне нужно выбраться отсюда. Насколько я знаю Хантер и его компания преследуют меня на другой машине.

Мне удалось открыть дверь и вылезти наружу. Швырнув ключи в салон, я ухожу от шипящей разбитой машины. Прокладывая себе путь через кусты, выбираюсь на другую улицу. Там я осторожно возвращаюсь обратно по боковым улочкам, стараясь по возможности держаться в тени.

Дорога пешком занимает много времени. К тому моменту, когда я добираюсь до дома, родители уже давно легли спать, и весь дом погружен в темноту. Совершенно измотанный, я падаю на кровать.

На следующий день я даже не включаю компьютер, и уж тем более не захожу в мессенджеры, чтобы проверить сообщения.

Лицо у меня просто страх Божий, особенно нос. Поэтому я просто сижу в своей комнате, отказываясь выходить и ожидая, что в любой момент на подъездной дорожке покажется шериф или родители Айви.

Но никто не приезжает.

Я решаю сделать вид, что простыл, чтобы не спускаться к ужину. Мама приносит мне суп и тост, но почти ничего не говорит, разве что отпускает замечание о моем распухшем носе. К вечеру мой огромный красный носяра выглядит так, как будто я беспрерывно сморкался последние два дня. Я заполняю мусорную корзинку скомканными в шарики бумажными платочками, чтобы подтвердить эту теорию.

Проходит суббота. А затем большая часть воскресенья. Я размышляю, получится ли у меня как-нибудь избежать наказания за то, что я разбил машину, а потом просто ушел, как будто ничего не случилось. Но в школу-то мне все равно придется пойти. И я понятия не имею, что меня там ждет. Но что-то явно будет.

Впервые за все выходные звонит телефон. Я выпрыгиваю из кровати и пулей лечу к двери. Слышно, как мама внизу отвечает на звонок.

— Кэл! — зовет она, вынудив меня вздрогнуть. — Тебя к телефону!

Я смотрю на телефон и мне страшно брать трубку.

— Кэл! — снова кричит мама.

Я поднимаю трубку и прижимаю руку к микрофону.

— Взят! — кричу в ответ. В трубке раздается щелчок, сигнализирующий, что трубку внизу положили и я убираю руку с микрофона.

— Алло? — говорю я.

На другом конце тишина — ни звуков дыхания, ничего.

— Кэллум? — наконец раздается в трубке знакомый голос.

— Да, — отвечаю я, радуясь, что слышу свое полное имя. — Это я.

— Привет, — говорит голос. — Это Уиллоу.

~~~

Наступает утро понедельника. Я стою у окна спальни в одном полотенце. По листьям барабанит дождь. Я чувствую себя уставшим, так как ночью почти глаз не сомкнул.

Мне показалось, что наш разговор с Уиллоу был очень коротким, но все же мы, должно быть, поговорили некоторое время. Ведь для того, чтобы закончить историю мне потребовалось немало времени.

Уиллоу больше напоминала ту девушку, которую я знаю, можно даже сказать, ее голос звучал почти дружелюбно, по крайней мере, в начале разговора. Она объяснила, что нашла наш номер телефона в справочнике. Она обдумала все, что я рассказал ей о новой семье ее отца. Уиллоу хотела знать откуда я мог это узнать. Поскольку, как я и предполагал, она никогда никому про это не рассказывала, даже своей лучшей подруге Лиззи.

А после говорил в основном я, пытаюсь ей все объяснить. Слова рекой полились из меня. Все то, что я испытал в последнее время, начиная с пугающего момента моего падения до ставшего крайне опасным настоящего. Я рассказал ей все — об изменениях, которые претерпел город, и беседе с шерифом; о человеке в капюшоне, и нападении в трейлере. Я даже рассказал ей о пистолете, который нашел в столе, о том, как украл виски, и разбил машину Айви. И в конце я сказал ей, что мне жаль, что я ударил того парнишку в коридоре. Я признался, что никогда в жизни раньше так не поступал, и как ее перекошенное от ужаса лицо преследовало меня с тех пор.

Время от времени на другом конце провода наступала тишина, и я начинал паниковать и спрашивать слышит ли она меня. Но Уиллоу всякий раз отвечала. Ее голос звучал мягко, но неуверенно.

Когда я закончил рассказывать, и завел разговор о ней, обо всем, что знаю о ней, о ее прошлом и настоящем, Уиллоу снова молча слушала меня, и я никак не мог понять, является что-то из того, что я рассказываю правдой или нет. А затем я рассказал ей о нашей дружбе.

И в итоге я замолчал.

— Хорошо, — сказал она. — И что теперь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, что ты теперь собираешься делать?

Хороший вопрос. Правда, у меня нет на него ответа.

— Не знаю, — признался я. — Правда, не знаю.

Вскоре после этого мы закончили разговор, так как мама Уиллоу вернулась домой. Повесив трубку, меня озарило, что она ни разу не упомянула, верит она мне или нет. Но она ведь поверила, правда? Иначе бы она просто повесила трубку и не стала спрашивать меня, что я собираюсь делать дальше.

Меня передернуло от страха, когда я подумал, что это может оказаться ловушкой полиции или еще кого-то, чтобы я признался в своих преступлениях. Если я прав, то у меня большие неприятности. Ведь теперь Уиллоу обо всем известно. Но сложно поверить в подобное. Она бы никогда на такое не пошла.

В общем, я не особо продвинулся вперед. Уиллоу просто выслушала меня, волшебным образом она не стала снова моим лучшим другом. И девушка ничего не посоветовала мне касательно того, что мне дальше делать.

Вот почему мне совершенно не хочется идти в школу. Но выбора у меня нет, и кстати, я уже опаздываю. Сбросив полотенце, сушу им волосы, стараясь не сильно прижимать его к ранам.

Покопавшись в шкафу, я выбираю футболку с длинным рукавом и какие-то джинсы.

Затем спускаюсь вниз и быстренько перекусываю — миска хлопьев и небольшой тост. Выпив кофе, я упаковываю ланч в рюкзак и замечаю, что руки у меня дрожат. Но не из-за кофеина, и я прекрасно понимаю это.

Это все страх — так страшно мне еще никогда не было. Но все равно, меня словно что-то подталкивает выйти из дома.

Мама настояла на том, чтобы отвезти меня в школу, так как идет дождь.

— Ты еще до конца не поправился, Кэл. В такую погоду с легкостью можно подхватить воспаление легких.

Прощай мой план прогулять школу, спрятавшись в парке или еще где-нибудь.

Но к тому моменту, когда мы добегаем до машины, мы оба успеваем промокнуть до нитки. Я не могу целый день бродить по улице в такую погоду. Ни в коем случае.

Мы с мамой сидим в ее машине, по ветровому стеклу снуют туда-сюда дворники. Дождь хлещет все сильнее и сильнее. Я даже не могу разглядеть водопад, пока мы пересекаем мост.

Я вспоминаю мистера Шредера и как он вылавливал что-то в реке, и голубой объект, который бултыхался в воде. Он это тогда пытался подцепить? Если да, то он был далек от успешного выполнения задачи.

Десять минут спустя мы тормозим перед школой. В такую погоду во дворе никого нет, даже самых рискованных ребят, которые обычно покуривают под деревьями перед школой.

— Спасибо, что подбросила, — благодарю я маму.

Мама слабо улыбается.

— Веди себя хорошо, Кэл.

— Ладно, — соглашаюсь я. Если бы она только знала, что я уже успел натворить, думаю я, натягивая на голову капюшон своей непромокаемой куртки. Судя по выражению ее лица, похоже, что она уже в курсе.

В школу я вхожу совершенно мокрый, и, не снимая капюшона, иду к своему шкафчику. Там, прижавшись к его дверце, стоит мой робкий сосед по шкафчику.

— Прости, — говорю я, и он подпрыгивает так, будто я ткнул в него палкой.

Я проверяю расписание, пришпиленное к внутренней стороне дверцы. Мне совершенно не хочется слоняться по коридорам, и особенно торчать возле своего шкафчика. Но кто знает, где под всем этим хламом мои книги?

Я осторожно начинаю копаться там, надеясь избежать того, что все вывалится наружу, и тут замечаю, что по коридору ко мне мчится Айви. Ладно, поехали. Я решил, что не стану избегать Айви — чем раньше я встречу с ней лицом к лицу, тем лучше.

Я уже даже придумал, что скажу. Я скажу, что вернул ей ключи, но она была пьяна и вертела колечко на пальце. Должно быть, она их уронила, а кто-то подобрал и отправился покататься на ее машине. А потом, прежде, чем она успеет возразить, я пойду в атаку, и обвиню ее в том, что из-за нее меня чуть не убили. Зачем она пугается со мной, если у нее есть парень? Как меня тысячу раз учил Коул, лучшая защита — нападение.

Когда Айви приближается ко мне, я выпрямляюсь и расправляю плечи.

— Ты *разбил* мою машину? — визжит Айви, и ее глаза полыхают.

— Айви, — произношу я. Чувствую, как плечи начинают опускаться. Нападение, похоже, не состоится. — Слушай, мне очень жаль...

— Ты разбил мою машину! — орет она. — И чуть не убил Хантера!

Вокруг начинает собираться толпа.

— Что? — восклицаю я, искренне шокированный. — Ничего я Хантера не трогал!

— Нет, чуть не убил! — настаивает на своем Айви. — Они все в больнице, Кэл. Хантер Рикки и Дуэйн! Ты их всех избил!

Дуэйн? А Дуэйн кто такой, черт возьми? Погодите, имя кажется мне знакомым — должно быть это тот третий хмырь, который гнался за мной. Но, чтобы я побил его? Каким образом? Он же весит целый центнер. Добавьте к нему Хантера и Рикки... да вы шутите.

Айви выходит из себя, начинает тыкать свои острым ногтем мне в грудь и оскорблять меня. Даже не знаю из-за чего она расстроена сильнее: из-за своей машины или из-за Хантера. Из-за машины, подсказывает мне чутье.

Но мне хочется узнать, что же произошло с футболистами, которые, когда я видел их в последний раз, атаковали тот пикап.

К сожалению, мне не предоставляется возможность выяснить это, потому что на плечо мне ложится тяжелая ладонь.

— Мистер Харрис, — раздается за моей спиной голос. — Пройдемте в мой кабинет, пожалуйста.

Директор школы Фернвуд. Это не сулит мне ничего хорошего. Айви отскакивает от меня, как будто она со мной вообще не разговаривала.

— Мистер Харрис, — повторяет директор, уже с большим нажимом. — В мой кабинет.

— Мм, конечно. Иду.

Директор подхватывает меня под локоть, и я не сопротивляюсь и не задаю вопросов. Любой дурак в школе знает, что директор ненавидит это. По пути замечаю взгляды других учеников. В их глазах светится любопытство, ужас, ликование.

Вокруг меня разворачивается нечто глобальное, но я пока не в курсе, что именно. Пока меня ведут к кабинету директора, даже его секретарша смотрит на меня так, как будто меня ведут на расстрел.

— Садись, — велит директор.

Я сижу на одном из двух стульев, поставленных вдоль стены у стола директора, всего лишь второй раз. Впрочем, не удивлюсь, если половина жвачек, прилепленных под этими стульями, принадлежит Коулу.

Стулья изготовлены из металла и жесткого пластика, и их края болезненно впиваются в ноги. Такое впечатление, что они специально разработаны каким-то садистом-маньяком.

Напротив стола директора стоят мягкие стулья, предназначенные исключительно для взрослых посетителей. Именно на этих стульях сидели мои родители, когда я был здесь в первый раз после того, как подрался с Хантером и Рикки.

Забавно, даже в тот раз я чувствовал себя так, словно сделал что-то не так. Почему я позволяю себе служить грушей для битья на территории школы? Правила довольно ясны...

Директор Фернвуд закрывает двери. Закряхтев, он садится за стол, но ничего не говорит. Он просто сидит и изучает меня своими злыми драконьими глазками. Несколько секунд я ежусь под этим взглядом, а затем решаю, что невиновный человек уже сказал бы что-то к этому моменту.

— Я сделал что-то не так, мистер Фернвуд?

Директор не отвечает. Поэтому я ерзаю на сиденье, надеясь, что таким образом обеспечу приток крови к ногам. Кто-то стучит в дверь.

— Войдите, — разрешает Фернвуд.

Это шериф. Я сплываю огромный комок, который скорее напоминает свернувшегося клубком ежика, когда шериф входит в кабинет.

— Доброе утро, Том, — здоровается шериф, когда режущий уши звонок умолкает. — Как Вэнди?

— Неплохо, Марлон, спасибо, что спросил. Слушай, как дела у Роско? Я вчера выглянул в окно гостиной и заметил, что он, прихрамывая, бредет по вашему двору.

— Да. Ветеринар говорит инфекция попала в лапу.

— Бедняга.

— Сам виноват. Если он и дальше будет разлизывать ее, то придется на него надеть защитный воротник...

— Ха! Он будет выглядеть смешно!

Я снова ерзаю.

— Что такое, молодой человек? — спрашивает шериф, полностью развернувшись ко мне вместе со стулом. — Не в состоянии посидеть спокойно несколько минут?

— Нет, — отвечаю я. — Не хочу опоздать на урок.

— Ах, вот оно что, — восклицает он. — Как прошли выходные?

— Не очень хорошо. Я приболел.

— Приболел?

— Ага.

— Похмелье?

— Нет, — отвечаю я. — У меня была простуда, — лгу я, говоря при этом в нос. К счастью, он у меня до сих пор покрасневший и опухший от «поцелуя» с подушкой безопасности. Но вопрос шерифа заставляет меня занервничать. Если шериф будет расследовать аварию, то он как раз будет искать подобные повреждения.

— А в воскресенье? Чем занимался? Днем и вечером?

— Ничем, — ответил я. — Я как раз тогда разболелся.

— Понятно.

Очевидно, эта информация оказалась очень интересной, поскольку шериф выудил из кармана небольшой блокнотик. — А теперь перейдем к вечеру пятницы. Чем ты занимался в пятницу вечером?

Ситуация стала более опасной. Мне не хочется рисковать, и я бы с удовольствием придерживался нейтральной версии, но потом вспоминаю, что родители видели, как я уехал из дома вместе с Айви. Один телефонный звонок и правда выплывет наружу.

К тому же есть слишком много свидетелей, которые видели меня на вечеринке, часть из которых могут захотеть отомстить мне за то, что я так развел их с виски. Продажа краденного спиртного, кстати говоря, не сулит мне ничего хорошего.

Эта мысль заставляет меня бросить взгляд на передний карман джинсов. К моему ужасу, я вижу, как он оттопыривается из-за толстой пачки денег внутри. Ох, нет — шестьсот баксов! Я совсем о них забыл. Если меня обыщут, то я пропал.

Нужно вести себя хитрее. Мысленно я возвращаюсь к тому моменту, когда Айви подлетела ко мне в коридоре в школе. Злилась она или нет, она определенно не хотела, чтобы ее втягивали во все это. Кто его знает, какую сказку она рассказала, чтобы скрыть, что была пьяна и отдала мне ключи?

Но что происходило на вечеринке после того, как я сбежал? Возле той машины была какая-то потасовка — это я своими глазами видел. Соседи наверняка услышали шум и вызвали копов. Поэтому, не сомневаюсь, что полиция уже в курсе на счет вечеринки. Могу себе представить эту сценку: вдрызг пьяные подростки спешно пытаются разбежаться. Это почти смешно. Как минимум парочку копам все же удалось поймать. Мне же внутренний голос подсказывает, что никто из них ни словом не упомянул обо мне. Все были слишком заняты, трясясь за собственную шкуру и за то, какой нагоняй их ждет от родителей.

Ну и не только это, если они сдадут меня, то лишатся единственного источника спиртного, не говоря уж о том, что приобретут опасного врага, коим собственно на данный

момент видят меня окружающие.

Да, никто ничего полиции не рассказал, не сомневаюсь в этом. Что в свою очередь означает, мне просто нужно придумать достойное оправдание. Но уверен, что шериф уже в курсе о разбитой спортивной машине, которую к данному моменту уже наверняка отодрали от столба.

Поэтому смысла делать вид, что я не садился в нее раньше нет.

— Отправился погулять, — признаюсь я шерифу. — С Айви Йохансен.

— Во сколько?

— Она заехала за мной около десяти вечера, кажется. Точно не помню — я не ношу часы.

На лице шерифа появилось отвращение — видимо он терпеть не может людей, которые не носят часы. Наверное, я бы тоже себя так почувствовал, если бы был копом и допрашивал подозреваемого.

— Значит, ты уехал из дома где-то в десять. На ее машине?

— Да, — честно отвечаю я. — Очень красивая машина. Абсолютно новая.

Шериф не обратил внимания на мой комментарий.

— И куда вы с ней отправились?

— Айви сказала, что какая-то девушка устраивает у себя вечеринку, но в итоге я туда не пошел.

Ненавижу лгать — мне всегда кажется, что я вяжу узлы на веревке, на которой в итоге меня и подвешат.

— Не пошел? — переспрашивает шериф. — С каких пор Кэл Харрис перестал в вечеринки?

— С тех, когда поругался с Айви.

— Поругался? Из-за чего?

— Из-за ее стиля вождения, — отвечаю я. — Она просто ужасна. Вам определенно следует выписать ей штраф, чтобы она усвоила урок. Иначе она точно убьет кого-нибудь однажды.

Но шериф не купился.

— Значит вы поссорились. Что дальше?

— И она вышвырнула меня из машины. Что, в принципе неплохо, так как я сильно сомневался, что мы доберемся живыми на другой конец города.

Пару секунд шериф, молча, изучает меня взглядом.

— И что ты делал потом?

— Не знаю. Гулял по округе и все такое.

— Гулял по округе... по холоду. Один. Всю ночь.

И, правда, звучит как-то нелепо.

— Ну, нет. Я кое-кого встретил.

Ой-ой-ой. Это я зря. Потому что теперь мне придется втянуть в эту историю кого-то еще. И я не могу выдумать человека. Ну не скажу же я, что встретил какого-то бродягу, и мы устроили полночный пикник или что-то в этом духе. Шериф захочет знать имя.

И он сразу же озвучивает этот вполне логичный вопрос:

— И кого же ты встретил?

— Девушку, — объясняю я, надеясь, что этим все и ограничится. Но где уж там.

— Как ее зовут?

— Уиллоу, — отвечаю я. Я испытываю странную гордость, что мне так повезло, хотя сам только что выдумал все это.

— Фамилия?

— Хэтауэй.

Отставить. Как же глупо, глупо, глупо — я, вероятно, самый худший малолетний преступник в истории Вселенной.

Из меня будто весь воздух выпускают, пока шериф общается с Фернвудом и убеждается, что Уиллоу учится в нашей школе. Шериф записывает ее имя.

Но стойте-ка. Может это была и не самая худшая идея. Уиллоу же действительно ушла с вечеринки, если уж на то пошло, поэтому копы ее явно не замели. А после звонка вчера вечером, вероятно, Уиллоу наиболее близка к термину «друг».

Тем не менее, я не хочу испортить все, втянув ее в ситуацию, где ей придется лгать.

А может она и не станет лгать. Может она расскажет им правду: что весь вечер я был на вечеринке, рыдал и вел себя, как сумасшедший, а затем перескажет им все истории, которые я рассказал ей по телефону. В таком случае я отправлюсь либо за решетку, либо сразу в психушку.

— Верно. Значит, говоришь, ты встретился с этой девчонкой. И что ты делал потом? Достаточно сказать где и когда — побереги подробности своих пошлых походов для своих дружков.

— Эй, — возмутился я. — Все не так было. Она просто друг!

— Полегче, Ромео. Повторяю свой вопрос. Где именно вы там «дружили»? И как долго?

— Не знаю. Как я уже сказал, у меня нет часов. Мы гуляли по округе, посидели в парке, немного поболтали. Не знаю. Думаю, что пару часиков с того момента, как мы с Айви разбежались. Потом я пошел домой. Конец истории.

— А почему ты не пошел на вечернику с этой Уиллоу?

— Потому что Бэка — девушка, которая устраивала вечеринку — живет слишком далеко, чтобы идти к ней пешком. К тому же там должна была быть Айви, а она все еще зла на меня.

Шериф кивает. А я начинаю думать, что неплохо справился.

— После этого, ты встречался с кем-то из друзей по команде? — спрашивает он.

— Друзьями по команде? — повторяю я. — У меня нет друзей среди парней в команде.

— Конечно, нет, — хохотнув, соглашается шериф. — По крайней мере, теперь точно нет.

Его слова звучат несколько зловеще, так словно он пытается запугать меня. Но его тактика срabатывает.

— Как это понимать? — спрашиваю я.

— Кэл, тебе лучше сотрудничать с нами, — влезает в разговор Фернвуд. — Нам нужно знать твою версию истории. Парней избил очень сильно. Пока никто не раскололся, но поверь мне, они еще заговорят...

— Том! — рывкает шериф, и огорченно хлопает себя ладонью по лбу. Он бросает недовольный взгляд на болтливую директора, который явно смотрит телевизор недостаточно часто, чтобы знать, как нужно допрашивать подозреваемого. Правило номер один: никогда не давай понять, как мало ты знаешь.

Директор покраснел.

— Прости, Марлон, прости. Продолжай, пожалуйста.

Но игра уже окончена. Благодаря Фернвуду я знаю достаточно. Они, как и Айви, считают, что я избил этих трех парней. Чего быть не может. Это же футболисты! В то время, как я вешу от силы килограмма шестьдесят три. Да суточная доза энергетика, потребляемого командой, весит больше чем я.

Что означает, что доказательств против меня нет. Иначе шериф не стал бы тянуть все выходные, чтобы допросить меня. Он просто прорабатывает свои догадки. Если вести себя разумно, то все будет в порядке.

— Ты встречался со своей подругой Айви после?

— Нет, кашлянув, признаюсь я. — Она все еще была зла на меня, когда я увидел ее в коридоре недавно. Верно, мистер Фернвуд?

— Ты одалживал у нее машину?

— Ее машину? — переспросил я, добавив немного удивления в голос, но при этом постарался не звучать чересчур изумленным. — Конечно же, нет.

Мне начинает казаться, что я в совершенстве освоил деликатное искусство лжи. Может мне стоит дать мастер класс всем глупым ребятишкам и заработать еще шесть сотен баксов?

Но даже гуру лжи был бы сбит с ног следующим вопросом:

— Сынок, у тебя есть оружие?

По спине пробегает холодок, когда я вспоминаю о пропавшем из коробки из-под обуви пистолете 45 калибра. В такие моменты подозреваемый в шоу по телевизору просит предоставить ему адвоката. У меня даже наличные есть, чтобы оплатить услуги хорошего адвоката. Но в глазах остальных эти люди выглядят виноватыми, а я должен избежать этой участи.

— Оружие? Нет, конечно, — ответил я. И это правда, потому что у меня больше нет оружия. Но мышцы на лице все же едва заметно подрагивают. — А что? Кого-то подстрелили или что?

— Нет, насколько я знаю, — отвечает шериф. — Но я хорошо знаю, какие следы остаются, если человека избить, скажем, пистолетом. И у меня есть три парня, лица которых сплошь покрыты такими отметками.

Даже на лице директора отражается ужас. А моя рука автоматически взлетает к ранам, скрывающимся под волосами, но я моментально одергиваю себя.

К счастью, шериф не замечает этого движения.

— К тому же я уверен, что пистолет может гарантировать преимущество в драке трое против одного, где трое — группа дюжих парней, — добавляет шериф. — Даже стрелять не понадобится, чтобы победить их. Просто наведи на них пистолет и поставь на колени. А затем можно избивать их пока они не обделаются.

— Что ж, у меня-то оружия нет, — говорю я ему. — И я точно никого не избивал.

— Конечно, нет, — соглашается шериф. — Такой хлюпик, как ты? Но дабы убедиться, не будешь ли так любезен показать мне свои руки?

Я пожимаю плечами и вытягиваю руки вперед. Шериф наклоняется ко мне, хватая мою руку, и изучает костяшки и ладони, на которых нет ни единого признака, что я принимал участие в драке. Тем не менее, я чувствую, как мои руки, зажатые в его, дрожат.

— Ладно, — в итоге подытоживает шериф, отпустив меня. — Раз уж ты здесь, давай еще разок поговорим о Нейле Парсоне, — говорит шериф. — Ничего не хочешь рассказать?

— Я же уже говорил вам, — отвечаю я. — Я не общаюсь с Нейлом.

— Ты все еще настаиваешь на этом? — уточняет шериф.

— Да.

— Хорошо. Тогда объясни вот это.

Директор Фернвуд выглядит таким же озадаченным, как и я, когда шериф вытаскивает цветной снимок и вручает его мне. Это фотография — стоп-кадр с видео, если быть точным. Фото очень размыто и тротуар напоминает снежный сугроб, но тем не менее на фото я бесспорно вижу себя. А рядом со мной идет Нейл Парсон — тут ошибки тоже быть не может. Ссутулившись, он словно идет на цыпочках, его ноги кажутся излишне тощими на фоне дутой голубой куртки. Все над ней вечно потешались. Ярко-голубой. Его все так и называли, насколько я помню. Даже я его так называл.

— Это снимок камеры безопасности возле банка на Мейн-стрит, — сообщает шериф. — Ничего не припоминаешь?

— Нет, — отвечаю я, пожав плечами. Возвращая ему фото, я замечаю, что руки у меня все еще дрожат. — Когда был сделан этот снимок?

— А это самое интересное — снимок сделан в тот день, когда Нейл пропал. И в тот же день, когда ты, так сказать, окунулся в водопад.

Эта новость ставит меня в тупик. Хотелось бы мне помнить хоть что-нибудь — что угодно — об этих выпавших из памяти часах и том дне, когда все так изменилось. Но пока в памяти о том дне — белое пятно. Не помню ничего кроме холодного влажного вечера и раскачивающегося моста. Помню, как ко мне бежит какая-то тень и жуткое пугающее чувство, когда мои пальцы разжались...

— Послушайте, Нейл мне не друг!

— А кто говорит что-то о дружбе? — реагирует шериф, прищутив глаза. — Я просто хочу знать, почему ты прогуливался по городу с этим парнем.

— Я не прогуливался!

— Послушай, сынок, — увещевает шериф, — Рано или поздно, Нейл всплывет на поверхность, — продолжает он. — И когда я говорю *на поверхность*, ты понимаешь, на что я намекаю?

Перед глазами вспыхивает образ Датча, всплывшего из-под воды перед той парочкой. А затем я подумал о той голубой штучке, которую видел в воде возле водопадов. Ярко-голубой. Меня чуть не стошнило в металлическую корзинку для мусора, стоящую в кабине директора Фернвуда.

Шериф продолжает давить.

— А когда это случится, тебя ждут вселенские неприятности, — заверяет меня он. — Поэтому, почему бы тебе не сознаться сейчас? Просто расскажи мне, как все было. Ты несовершеннолетний, это облегчит наказание. Будешь молчать, и власти будут судить тебя как взрослого. Тогда ты еще пожалеешь, что не воспользовался моей помощью, когда я тебе ее предлагал.

Желудок скручивает. Достаточно я наслушался.

— Я вам все рассказал! — ору я, вскочив со стула. Директор вздрагивает, как будто я собираюсь ударить его, а вот шериф даже глазом не моргнул. — Еще раз вам повторяю, я ничего не знаю про Нейла!

— Спокойнее, Кэл! — велит Фернвуд. — Сядь.

Я не обращаю на него никакого внимания.

— Что вы хотите сказать, шериф? Что я убил Нейла и сбросил его в водопад?

Шериф не отвечает, вместо этого он бросает на меня взгляд, словно разбирает меня на

части и затем заново собирает. И расплывается в слабой желтозубой улыбке.

Я запрещаю себе говорить еще что-либо вслух. Мне нужно держать себя в руках, иначе я сделаю или скажу что-нибудь, о чем сильно пожалею. И тогда меня выведут отсюда в наручниках, чего, собственно говоря, и добивается шериф.

Я думаю о фотографии, где мы с Нейлом перед банком. Это просто случайное видео, убеждаю я себя — это нельзя считать серьезным доказательством. Мы даже не смотрим друг на друга; может мы просто проходили друг мимо друга по улице.

Я ничего не сделал, уверен в этом. Я едва знал Нейла, и у меня не было причин вредить ему.

Разве только называть его за глаза «ярко-голубой».

— Последний шанс, — предупреждает шериф.

Я дико напуган, но сказать мне ему нечего. Я разворачиваюсь к другому мужчине, находящемуся в кабинете, который тоже пребывает в шоке.

— Директор Фернвуд, могу я вернуться в класс? Я итак отстал с учебой из-за всего, что со мной приключилось. И опоздание мне ничем не поможет.

Директор бросает взгляд на шерифа. Слуга закона пару секунд жует кончик ручки, затем кивает. Он выглядит разочарованным, как рыбак, который вынужден отпустить в воду крупный улов из-за того, что сейчас не сезон.

— Ладно, Харрис, — говорит Фернвуд. — Можешь идти.

Распахнув дверь, ухожу. Не оглядываясь. По пустому коридору иду к своему шкафчику, затем направляюсь на первый урок. Физика — предмет, на котором я наверняка завалюсь, и не важно, падал я в водопад или нет.

Дверь в кабинет уже закрыта. Когда я вхожу, весь класс поворачивается посмотреть на меня. У меня же нет записки, внезапно понимаю я, но учитель и не просит ее у меня. Он просто ждет, пока я сяду.

Когда я сажусь, все резко отводят глаза. В ряду перед собой я замечаю Уиллоу. Интересно, что она думает сегодня обо всем, что я рассказал ей вчера вечером. Сложно представить себе. Считает ли она меня сумасшедшим? Каким-нибудь помешанным маньяком?

Не знаю. Она не оглядывается.

Положив руки на парту, утыкаюсь в них лбом и жду звонка.

ГЛАВА 17

Мне удалось выйти из школы, не будучи арестованным или избитым до смерти оставшейся частью команды «Крокодилов», которые сердито зыркали на меня всякий раз, когда я проходил мимо. Однажды, я даже врезался в Холта Буйвола, и отскочил от него, как теннисный мячик, но к счастью, мне удалось ускользнуть и затеряться в толпе.

День тянулся бесконечно долго.

Сразу же после звонка я воспользовался еще одним маневром Коула: быстро запихнул вещи в шкафчик, и вылетел из школы с пустым рюкзаком. И стал ждать. Дождь, к счастью, прекратился, и редкие лучи солнца танцевали в лужах, в которых плавали листья. Натянув капюшон на голову, я стоял возле дерева, чувствуя себя при этом, как мистер Абажур. Я наблюдал, как ученики выходят из школы: некоторые спешат домой, некоторые ждут автобуса или, сбившись в компании, слоняются по двору и болтают.

Двадцать минут спустя, когда Уиллоу так и не появилась, я начал нервничать. Может она вышла из школы через черный вход? Или я просто пропустил ее. Я внезапно понял, что

мог не узнать ее теперешнюю одежду, как не узнал черное платье, в котором она была на вечеринке. Может у нее дополнительные занятия или она задержалась в каком-то кружке или клубе? Но почему-то я не верю ни одному из этих объяснений.

Библиотека — та, старая. Стоит проверить.

Я бегу обратно в школу, двери которой к счастью еще не заперты. Спешно поднимаюсь по лестнице. Рискованно, знаю, ведь как раз в эту минуту Уиллоу может идти к выходу от своего шкафчика.

Библиотека напоминает кладбище. Ни за одним из столов никого нет, как и ни на одном из удобных кресел, расставленных вокруг старенького коврика, который видимо кто-то подарил школе. Я трачу время впустую — нужно быстренько выйти из школы. Но сначала я все же проверю стеллажи.

Там я и нашел Уиллоу. На полу возле нее уже высилась стопка книг, а она деловито изучала книги на полках. Она даже не заметила, что я рядом.

— Кхм, — театрально кашлянул я, что Уиллоу всегда находила забавным. Но теперь она ахнула, насмерть перепугавшись.

— Прости. Это просто я Кэллум, — тут мне пришла в голову мысль, что именно этот факт и мог так сильно ее напугать — маньяк снова подкараулил ее.

— Слушай, я не хотел напугать тебя. Не знаю даже. Кажется, попытка найти тебя после школы, была не самой лучшей идеей. Я, пожалуй, пойду.

Я развернулся и направился к выходу.

— погоди! — крикнула она спустя секунду, и пошла следом за мной. — Все в порядке. Просто ты застал меня врасплох. Иди сюда, взгляни на это.

Я сел за стол, и залюбовался красивой девушкой и с темными волосами и голубовато-зелеными глазами.

— Ты слушаешь, Кэллум? Мне нужна помощь, чтобы все это просмотреть.

Я вернулся с небес на землю.

— Что нужно искать?

— Не знаю. Полагаю, что-нибудь, что могло бы объяснить то, что произошло с тобой.

Только теперь я увидел, какие книги выбрала Уиллоу. Это были книги по мозговой деятельности и психологии, что неудивительно, но еще там были книги про паранормальные явления, космос, религию, философию и даже книга по физике. В целом тут, наверное, около четырех тысяч страниц, которые необходимо изучить.

— Ты уверена, что это должно помочь? — спрашиваю я у нее.

Но Уиллоу просто поднимает вверх руку, призывая меня замолчать.

Этот жест мне знаком. Она всегда использует его, когда становится серьезной.

Я беру первую попавшуюся книжку. Ею оказывается физика. Я сразу же начинаю жалеть, что не взял ту, что с оборотнем на обложке, которую, насколько я помню, я отверг, как бесполезную для моего проекта по Снежному человеку. Тем не менее, я открываю выбранную книгу. На титульном листе кто-то нарисовал довольно похожий портрет мистера Шредера — у него безумные глаза и он размахивает своей любимой указкой. А вот облачко текста довольно нехорошее: *Я слетел с катушек!*

Так типично для старшей школы Кристал Фоллз. Даже самый приятный и забавный учитель во всей школе не сумел избежать оскорблений. Если я ненавидел эту школу раньше, но теперь моя ненависть только усилилась.

— Ой, слушай, — говорю я. Уиллоу отрывается от книжки. — Вчера вечером я

рассказал тебе про мистера Шредера?

— Нет, а что на счет него?

Я рассказываю Уиллоу всю историю о том, как столкнулся с нашим учителем на мосту и о «сообщении», которое он сбросил с него в воду. Я упомянул, что он обвинил меня в том, что ученик из меня никудышный, что Уиллоу подтвердила, хотя я и настаивал на том, что на его уроках я всегда был внимателен и у меня по нему хорошие отметки.

— Стой, слушай-ка, — говорит вдруг Уиллоу, пресекая мою попытку восстановить свою репутацию. — Разве мистер Шредер не преподает физику у старшекласников? Кажется, это как раз его специальность?

— Да, а что?

— Ну, в физике очень много разнообразных продвинутые теорий. Квантовый скачок. Мульти Вселенные. Предмет охватывает даже темы космоса и времени, черные дыры и все такое. Вот, дай мне это сюда...

Уиллоу потянулась к лежащей передо мной книге. Неужели обычная библиотечная книжка сможет объяснить кто я и где я? Вряд ли.

— Кэллум, можешь проверить в интернете кое-что для меня?

— Эй, ребятки, простите, но мы закрываемся, — проинформировала нас подошедшая библиотекарьша.

— Но почему? Ведь еще даже четырех нет, — протестует Уиллоу.

— Чистка ковров. Это делают всего два раза в году. Радуйтесь.

— Ладно, а можем мы тогда взять с собой эти книги? — спрашивает Уиллоу.

Библиотекарьша подходит к столу и изучает стопку книг.

— Мне жаль, но они только для читального зала, кроме вот этой, — и она указывает на книгу с оборотнем на обложке. — Но я могу отложить их до завтра для вас под стойкой, если хотите.

— О, не стоит, — отказывается Уиллоу. — Спасибо.

Я провожаю Уиллоу к ее шкафчику. Она хочет продолжить наши поиски в интернете, но не уверена, что по возвращении домой ее маме понравится присутствие в доме совершенно незнакомого парня. Это меня несколько не удивляет; Я прекрасно помню, как ее мама нервничала поначалу, оставляя нас наедине.

— Можно пойти ко мне, но я живу за мостом, — предлагаю я ей. — И компьютер у меня древний.

— Что ж, может нам обоим в таком случае лучше пойти домой, а вечером созвонимся и сравним, что удалось выяснить, — предлагает Уиллоу. Я соглашаюсь, заметив, что она смотрит мне в глаза гораздо чаще, а в уголках губ снова появились крошечные морщинки.

Приятно, что прежняя Уиллоу вернулась, пусть хоть и в малом.

Мы вместе идем от школы, пока не доходим до конца ее квартала. Тут я вспоминаю о шерифе и своем выдуманном алиби, будто я провел время с Уиллоу.

— У меня просто сорвалось с языка, — извиняюсь я, после того, как рассказал, что сболтнул шерифу. — Не знаю, чем я вообще думал.

Уиллоу, похоже, не особо рада слышать это.

— Слушай, я понимаю, что ты не хотел ничего плохого, Кэллум, но обязательно было впутывать меня? Это же полиция...

У меня появилось ощущение, что я снова маленький мальчик со спичками, сидящий напротив пылающего гаража.

— Знаю. Прости.

— Ладно, тебе повезло, что ты рассказал мне про это раньше, чем спросил шериф. На самом деле, предполагалось, что я провожу вечер у Лиззи, но я вернулась домой после того, как ты рассказал мне о моем отце. Мне пришлось рассказать маме, что мы были на вечеринке, но там все вышло из-под контроля, и я была вынуждена уйти.

Значит, теперь она действительно считает, что я вполне надежен, — тут Уиллоу рассмеялась, правда, я не понял почему, потому что мне всегда казалось, что она очень ответственная. — Как бы то ни было, если кто-нибудь спросит, я скажу, что встретила тебя в парке, и ты проводил меня до дома. Звучит правдоподобно?

— Супер. Спасибо.

— Только, пожалуйста, пусть такое не повторяется. Я серьезно.

— Больше никогда. Обещаю.

— Ладно.

Я неловко топчусь, пока мы прощаемся — в этом плане ничего не изменилось. Мы с Уиллоу договариваемся поговорить позже вечером.

Продолжая свой путь по городу, я чувствую себя при этом просто волшебным. Если опустить тот факт, что я снова начал нравиться своей собаке, впервые я испытываю такую надежду после того, как вышел из больницы. И даже если все останется по-прежнему и никогда не станет так, как я помню, по крайней мере один человек в городе почти не изменится. Надеюсь, нам удастся выстроить новую дружбу, как только я разберусь с тем, что происходит. Тогда я смогу стать прежним Кэлумом, прежним скучным парнем.

Но разве я хочу только этого? Тут я вспоминаю о деньгах, лежащих у меня в кармане и о том, какие взгляды бросали на меня девчонки. Не уверен, что готов забыть об этом.

Проходя мимо кафешки, я вдруг понимаю, что проголодался; днем я был слишком напряжен, чтобы пообедать. С учетом того, что впереди меня ждет долгая прогулка, мне вероятно стоит перекусить. Я изучаю взглядом меню, висящее в окне, и решаю, что двойной чизбургер утолит голод. Цены довольно высокие, но у меня в кармане целая пачка баксов, если уж на то пошло. Мне просто нужно воспользоваться одной из них. Я даже сдачу обратно положу.

Да и вообще, лучше как можно быстрее потратить эти деньги. Но ничего пафосного. Киношка, Еда. Может быть, угощу чем-нибудь Уиллоу.

И тут меня обгоняет Брайс. Он не замечает меня, так как увлеченно разворачивает шоколадный батончик. У этого парня нездоровое пристрастие к сладкому, и однажды оно доведет его до беды. В прошлом году ему поставили семь пломб. Семь! Ему следует прекратить есть так много сладкого.

Брайс несет полиэтиленовые пакеты с покупками, за которыми его, видимо, отправила мать. Несмотря на голод, я решаю пойти за Брайсом. У него есть ответы, которые я был бы рад услышать. И если в пакетах у него нигде не припрятана бутылка хлороформа или подушка, то я не особо волнуюсь за свою безопасность.

Проходит не так много времени, прежде чем Брайс оглядывается и замечает, что я следую за ним. Я боялся, что он начнет убегать, но он только прибавил шагу, завернул шоколадку в обертку и засунул ту в карман.

Но я все равно в игре, ведь я знаю, где он живет. Как только Брайс доходит до своего квартала, он срывается на бег. Ну уж нет. Брайсу не хватит половинки шоколадного батончика, чтобы убежать от меня, даже с учетом того, что мой желудок пуст.

А тяжелая сумка с покупками, бьющая его по коленям не сильно помогает делу. Я перехватываю его на лужайке, пакет рвется и пакет с молоком и разные овощи и фрукты взлетают в воздух.

— Помогите! — зовет на помощь Брайс. — Отвали от меня! Отвали! — истерично визжит он.

Вцепившись в куртку, я тащу Брайса к забору. Там я валю его на землю, сажусь сверху и зажимаю руки коленями, как обычно и делал, когда мы в шутку дрались.

Правда, вместо того чтобы смеяться, сейчас Брайс кричит не своим голосом. Я чувствую себя ужасно. Что, если бы сейчас меня увидела Уиллоу? Она бы со мной в жизни больше не заговорила. Но Уиллоу дома. А мне нужны ответы.

— Зачем ты сделал это? — требовательно спрашиваю я. — Я слышал твой голос там, в больничной палате. Слышал твой голос. Почему ты пытался убить меня?

Брайс продолжает хныкать, по его щекам текут слезы. Бесполезно, понимаю я. Он слишком напуган, чтобы нормально разговаривать, а я не могу просто сидеть на нем, пока не стемнеет. Но внезапно он смотрит мне прямо в лицо и его лицо перекашивается от ярости.

— Потому что ты убил Нейла! — выплевывает он. — Потому что ты убил моего лучшего и единственного друга на свете!

Я слезаю с него.

— С чего ты взял, Брайс? — спрашиваю я, пока он пытается принять защитную стойку. — Я серьезно. С чего мне причинять вред Нейлу?

Брайс не нуждается в понукании.

— Потому что он отказался и дальше прикрывать тебя!

— Прикрывать? — повторяю я. — Но зачем Нейлу прикрывать меня?

— Ой, заткнись. Я все знаю, Кэл. Какие уроки, сколько ты платил за это, все. И я знаю, как ты взбесился, когда он сказал тебе, что больше не сможет прикрывать тебя, и как ты ему угрожал. А потом он сказал, что знает, что ты торгуешь краденой выпивкой и что если ты его не оставишь в покое, что он сдаст тебя. Потому что я тоже был там, в кустах, когда ты вытащил пушку и заставил его пойти с тобой.

Я неплохо знаю Брайса, и непохоже, чтобы он врал. Но, чтобы я вытащил пушку в городе и угрожал ею людям? Я бы поверить в такое не мог, если бы не видел пистолет у себя в столе. А платить кому-то, чтобы меня прикрывали — я слишком беден, подумал я. У меня это не вышло бы даже с шестьюстами баксов в кармане.

Но в моей ситуации все возможно. Нужно услышать, как все было.

— И что случилось потом?

— Я пошел за вами. Вы дошли до водопада. А потом я увидел, как ты бежишь в сторону города. Один. И Нейла с тех пор никто не видел!

— Да ладно, Брайс, — говорю я. — И почему ты не заявил про это в полицию? Почему не пошел и не рассказал им как все было?

— Потому что я хочу, чтобы ты сдох! — кричит он. — И половина школы тоже про это мечтает! Я не хочу, чтобы тебя просто закинули в какой-то исправительный центр, а через три-четыре года ты бы пришел за мной! Я хочу, чтобы все закончилось раз и навсегда. Хочу, чтобы ты сдох! И как только Хантер Холден выйдет из больницы, о Боже, это наконец-то случится. Ты сдохнешь, кусок дерьма! Сдохнешь!

Ужасно наблюдать, как лицо моего некогда лучшего друга так перекашивается от ненависти, слышать, как он желает мне смерти и улыбается подобной перспективе. Но он видимо

напуган из-за того, что сделал. Он думает, что если сейчас отправится к копам, то я просто возьму и расскажу им о том, что он пытался придушить меня, пока я был в коме. В больнице куча камер, он вроде должен знать об этом. Должно быть он надеялся, что все будет выглядеть так, будто я умер от полученных при падении повреждений.

Но кому-то есть дело? Мне нужно каким-то образом исправить ситуацию.

— Послушай, Брайс, я понимаю, почему ты напал на меня в больнице. И не переживай, я обещаю на рассказывать про это полиции или кому бы то ни было еще. Но я, правда, не знаю, что произошло с Нейлом, клянусь. Не помню, чтобы я заставлял его врать или тащил на прогулку, ничего подобного. Понимаешь, после того что со мной случилось, весь город изменился...

Я уже готов рассказать Брайсу ту же историю, которую поведал Уиллоу, а затем поведать ему пару секретов, которые знаю о его жизни, когда внезапно он всхлипывает, и начинает захлебываться слезами и соплями. Затем он наклоняется и подбирает что-то в траве. Это картофелина, которая выпала из лопнувшего коричневого пакета с покупками.

Я уже открываю рот, чтобы продолжить, когда Брайс швыряет картофелину в меня. Брошенная с такого расстояния, он попадет мне прямо в лоб. Я ощущаю адскую боль, а в глазах начинают плясать звездочки. И в следующую секунду, я уже лежу на земле, прикрывая лицо руками, и кричу.

— Брайс! — кричу я, пытаюсь сдерживать гнев, звучащий в голосе. — Стой же, погоди, Брайс!

Но Брайса уже след простыл. Корчась на земле, я слышу топот ног по крыльцу. Затем хлопает входная дверь. Уверен, что Брайс запер ее изнутри на три поворота замка, как его всегда учила мама.

Только спустя несколько минут мне удастся встать. Пошатываясь я обхожу двор и собираю разлетевшиеся в стороны покупки, не забыв и напоминающую булыжник картошку, и не без труда несу их к крыльцу Брайса, где и оставляю у двери.

Но боль и разочарование все же овладевают мной.

— Да к чертям! — кричу я в сторону входной двери. Затем бросаю злополучную картофелину в дверь. И иду домой. Есть мне уже больше не хочется, наоборот меня тошнит. Машины сигналият, пока я словно пьяный бреду по улице.

А еще я напуган... меня пугает перспектива, что Росс на машине может сбить меня или, что меня арестует шериф, или что я столкнута с кем-нибудь из бесчисленного множества людей в городе, желающих навредить мне.

Но до дома добираться живым. Правда на сей раз мне не удастся скрыть свои раны от матери, которая встречает меня на пороге.

— Кэл, Господи Боже мой, твой лоб! Что случилось?

— Меня ударили картошкой, — честно признаюсь я. Звучит это конечно смешно. — Крупной сырой картофелиной.

— Как это? Как это произошло?

— Кое-кто швырнул ее в меня, — рассказываю я, не желая раскрывать всю правду.

— Но зачем кому-то швырять в тебя картошку?

— Да по той же причине что и любому в городе, — отвечаю я. — Потому что меня ненавидят.

— Ох, Кэл. Садись на диван. Я принесу что-нибудь прохладное.

И через минуту мама возвращается с кухонным полотенцем, в которое завернуты кубики

льда. Она садится рядом и прижимает его мне ко лбу. Я сжимаю челюсти, и стону, так больно ощущается это прикосновение.

— Что за идиот швырнул в тебя картошку? — спрашивает мама.

— Да не важно. И он не идиот. Просто испугался.

— Испугался чего?

— Меня.

— Но почему? — хочет знать мама и в ее голосе отчетливо слышится жалость. — Что ты сделал этому человеку?

— Не припоминаю, чтобы я ему что-то сделал. Но он считает, что я виноват, и ему этого достаточно. А я только все испортил. Впрочем, не важно, что я делаю — важно только то, что думают окружающие.

Тут я решаю заткнуться. Какое-то время мы с мамой просто сидим и молчим. Кожу на лбу покалывает от холода. Я забираю у нее пакет со льдом и пытаюсь держать его сам, убирая его ото лба время от времени, чтобы не заморозиться. Так лучше. Я просто чувствую онемение.

— Расскажи мне, что произошло с Коулом, — прошу я.

Мама испуганно смотрит на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что хочу, чтобы ты рассказала мне, что произошло с Коулом. конкретно. Почему Коул сейчас в таком состоянии.

— Ты итак прекрасно знаешь, что произошло, — отвечает она. — Ты был там.

— Нет, — возражаю я. — Я хочу сказать, что я не помню больше. После падения в водопад я вообще мало что помню. Поэтому мне необходимо снова услышать это. Хочу, чтобы ты мне все-все рассказала, так, как будто меня тогда рядом не было. Понимаешь? Когда это произошло. Где. Абсолютно все.

— Ты правда не помнишь? Кэл, с тобой *что-то* не так! Тебя должен осмотреть врач!

— Нет. Я даже не хочу слышать про врача. Просто расскажи мне все. Сейчас.

На лице мамы явно читается вопрос: *Зачем ты так себя ведешь?* Но когда я не отвел взгляд и продолжил смотреть на нее из-под кулька со льдом, она наконец-то сдалась.

— Это случилось летом, — начала она, — как раз перед тем, как мы переехали в Кристал Фоллз. Вы с твоим братом были очень огорчены переездом и тем, что придется бросить всех своих друзей. И мы с вашим отцом решили вас немного развлечь и отвезти в модный новый аква-парк, который только открылся и находился всего в часе езды от нашего дома.

— Знаю, — отвечаю я. — Этот день я прекрасно помню.

— Тогда почему хочешь снова услышать эту историю?

— Потому что, — отвечаю я, и морщусь, когда слишком сильно прижимаю полотенце со льдом ко лбу. Не знаю, к чему это все приведет. Тот день был одним из лучших дней, когда мы еще были семьей, насколько я помню.

Мама в смятении и расстроена, словно я намеренно мучаю ее. Но она продолжает.

— Мы с отцом несколько раз скатились с горок вместе с вами, но нам быстро надоело. Мы с папой нашли столик для пикника в тенечке и просто сидели читали, а вы с Коулом убежали.

— Да, — соглашаюсь я. — Продолжай.

— Вас не было час или что-то около того, когда... — она прерывает рассказ и ее глаза

наполняются слезами.

— Мам, — прошу я. — Когда что?

— Мы слышали, как люди зовут на помощь. И увидели, как куда-то бегут спасатели.

Мы оторвались от чтения и увидели, что внизу одной из горок столпились люди.

Эту часть я уже не помню. Мама отводит взгляд в сторону окна. Она тяжело сглатывает и хлюпает носом. Я даю ей пару секунд собраться с духом, не понукаю ее.

— Я решила сходить посмотреть, что происходит, — наконец снова подает голос она. — Отец остался за столом, велел мне не стать еще одной зевакой. Но у меня было ужасное предчувствие. Поэтому я побежала туда — там был небольшой холм — и слышала, как кто-то рассказывает, что только что из бассейна выловили тело, возле спуска одной из больших горок. Я почти ничего не видела, так как передо мной стояло много народу, но там был подросток, который не двигался.

Маме с трудом удается подавить рыдание.

— А затем я увидела красно-желтые плавки....

Плавки Коула для серфинга.

— Нет, — остановил ее я. — Не так. На той горке с Коулом ничего не случилось. Я же скатился следом за ним.

— Нет, Кэл, — возражает мама. — Разве ты не помнишь? Ты побоялся подниматься туда и Коул пошел один. Но он, как обычно, бахвалился, и покатился головой вперед. И повредил позвоночник.

— Нет! — я уже кричу. — Не было такого. Он не полез головой вперед. Потому что я пошел с ним и отговорил его, пригрозив, что все расскажу, если он будет нарушать правила. Он катился, как положено, мам, я сам видел. Он был в порядке. Ждал внизу пока я скачусь. Я точно помню. Он еще похвалил меня, что я не струсил.

— Кэл, пожалуйста, остановись, — умоляет меня мама. — В случившемся нет твоей вины. Ты же помнишь, каким был твой брат тогда. Он был сложный, безбашенный и никогда никого не слушал. Такой же, как сейчас ты. Кажется, и именно поэтому мы с отцом очень волнуемся за тебя. Но это просто несчастный случай. Даже если бы ты тогда поднялся с ним, ты бы не сумел отговорить его.

— Но, ма, я поднимался! — кричу я. — Я отговорил его! И ничего не случилось! Ничего плохого не было!

Мама разрыдалась, вскочила и выбежала из комнаты. Я услышал, как она поднялась наверх в свою комнату и закрыла дверь.

Чувствую себя я паршиво. Но то, что она рассказала неправда, и я уверен в этом. В случае, если я не сошел с ума.

Но может как раз все очень просто. Я сошел с ума — ну или скорее повредился в рассудке. Я опустился на дно бушующей реки, и я бы утонул, если бы холод не поддерживал жизнь, а теперь мой мозг угасает и умирает, вынуждая меня верить в какую-то воображаемую другую жизнь.

В этом есть смысл. Мне просто нужно доказать это.

Я поднимаюсь в свою комнату и включаю компьютер. Жду. И жду. Хочется врезать кулаком по экрану.

Наконец-то открывается браузер, и я забиваю запрос в поисковую строку. Я не ищу «квантовый скачок» или подобную чушь, о которой толковала Уиллоу. Не ищу я и информацию о травме головы, раздвоении личности или *докторе Джекилле и мистере*

Хайде. Я ищу нечто иное, что-то гораздо более простое, что бы подтвердило мой диагноз: «Коул Харрис. Несчастный случай в аква-парке».

Первой в списке выдает статью, датированную четырьмя годами ранее. Я кликаю на ссылку и читаю ее.

Ну все понятно. Я сошел с ума.

ГЛАВА 18

Тем же вечером мне позвонила Уиллоу, но я не взял трубку. Отец, неохотно следуя моей просьбе, сказал ей, что я сплю. Мама так и не вышла из своей комнаты, впрочем, как и я, и когда отец вернулся домой. Есть было нечего. Он пришел ко мне в комнату и попытался выведать у меня, что случилось, но я сказал, что у меня было помутнение рассудка, вот и все.

Отец закрыл дверь и снова попытался поговорить с мамой. Не могу сказать, что у него это получилось.

К тому моменту, когда снова зазвонил телефон и снова спросили меня, отца это уже достало:

— Кэл, может уже поднимешь чертову трубку?! Какая-то девушка очень хочет поговорить с тобой, а я тебе не автоответчик. Если ты не в настроении на общение, то сам ей об этом и скажи.

Вздыхнув, я снял трубку.

— Алло?

— Кэллум? Прости, это Уиллоу. Ты спал?

— Нет, — честно признался я. — Просто не в настроении на разговоры. Это не может подождать до завтра? Обсудим в школе. — Впрочем, под вопросом пойду ли я завтра в школу. Может быть, завтра я уже буду сидеть в обитой войлоком комнате и невнятно что-то бормотать себе под нос.

— Ну, конечно, это может подождать до завтра, — обиженно ответила Уиллоу. — Я просто подумала, что тебе было бы приятно услышать это как можно скорее, поскольку речь идет о твоей жизни и все такое...

— Послушай, не хочу показаться грубым, — прервал ее я. — По дороге домой у меня произошла потасовка и сейчас я чувствую себя довольно паршиво.

— Потасовка? Ты имеешь в виду драку? С кем?

— С Брайсом, ответил я. — Это была не совсем драка. Я пытался объяснить ему происходящее, но он не поверил и ударил меня чем-то. Я решил избавиться от унижительной подробности, что меня уложили на лопатки с помощью овоща. — Слушай, думаю, моя память просто сошла с ума после падения. Возможно, мне стоит прекратить пытаться все выяснить и просто навестить врача.

— Ах вот как? — среагировала Уиллоу и ее голос прозвучал крайне раздраженно. — А как ты объяснишь, что твоя съехавшая с катушек память внезапно узнала все о моей личной жизни? Не задавался таким вопросом?

Уиллоу права — эти кусочки головоломки по-прежнему не сходятся.

— Ты права. И что же тебе удалось выяснить? Что-нибудь стоящее?

— Ничего такого. Я просто искала в интернете случаи, похожие на твой, но почти ничего не нашла, так что там я просто впустую потратила время. Я даже попыталась почитать квантовую механику, но, признаться, ничего не поняла. Там очень много рассуждений на тему кота в коробке, которого отравили газом, только благодаря действиям атома и о том, как он может быть одновременно жив и мертв, при этом создавая две ветки

реальности.

— Но самое важное, что эта теория заставила меня задуматься. И я вспомнила кое-что странное, что случилось некоторое время назад.

— Что же? — спросил я, чувствуя себя потерянным.

— Ты же помнишь, что мои брат и сестра по отцу близнецы?

— Угу, — нетерпеливо ответил я, поскольку именно эта деталь помогла мне убедить Уиллоу в правдивости моей истории.

— А помнишь ли ты, как мы на биологии изучали репродукцию человека с мистером Шредером?

— Что-то припоминаю. Но я болел на той неделе, — объяснил я. — Я даже тот тест завалил. — Что стало огромным разочарованием, поскольку я рассчитывал, что мои средние успехи в биологии помогут мне убедить родителей осчастливить меня новеньким компьютером.

— В смысле ты болел? Ты отпускал грязные шуточки на весь класс, пока учитель не выгнал тебя, — Уиллоу замолчала. — Но в этом и вся соль. Может быть это был не ты!

— Что ты хочешь сказать?

— Дослушай. Как я уже сказала, мы изучали репродукцию человека. После того урока, я задержалась, чтобы спросить мистер Шредера в чем разница между двуйцевыми и однойцевыми близнецами. У меня в голове никак не укладывалось, как у моего отца родились сын и дочь и при этом они все равно они близнецы.

— Ну, это же очень просто. Они зародились из разных яйцеклеток, — объясняю ей я. Черт возьми, даже зная это, я все равно умудрился завалить тест.

— Да, да. Как бы то ни было, пока мы с ним разговаривали, мистер Шредер упомянул, что у него есть однойцевый брат близнец.

— Это я тоже знаю, — сообщаю я. — Я как-то встретил его в супермаркете. Я тысячу лет назад рассказал тебе про это.

— Нет, не рассказывал, — возражает она, и, кажется, она взволновала тем, что я только что сказал. — Ты со мной даже не заговаривал до недавнего времени, насколько я знаю, помнишь? Но речь не о том. Ты не мог встретить его! По крайней мере не здесь.

— Почему это?

— Потому что его брат умер еще когда они были детьми!

— Значит, мистер Шредер окончательно выжил из ума, раз ходит и изображает из себя своего давно умершего брата-близнеца.

— Дай же мне закончить, — возмущается Уиллоу. — Помню, что я огорчилась, услышав, что его брат умер, и сказала ему, как мне жаль. А он сказал, что все в порядке; что это случилось очень давно. И, по крайней мере, он знает, что его брат жив и здоров в другой Вселенной. Очень близкой вселенной.

— Он так сказал?

— Да. Я тогда еще пошутила. Сказала, что было бы здорово отправиться навестить его. Но он сразу же посерьезнел и сказал, что как раз и планирует это сделать.

— Да ладно тебе, Уиллоу. Он же *чокнутый*. Совсем с катушек съехал.

— Эй, ты же сам видел, как он бросает с моста какое-то сообщение. Зачем он это сделал? Кому предназначалось то сообщение?

— Я же уже говорил, что он просто с приветом.

— Хорошо, тогда объясни мне следующее, — не сдавалась Уиллоу. — Как так

получается, что мистер Шредер согласен со мной и считает, что ты самый отпетый придурок в классе?

Такое обвинение больно задело меня. Ведь биология дается мне лучше всего. Я все свое внимание уделял этому предмету и усердно занимался, по крайней мере до тех пор, пока к нам пришел новый преподаватель.

— Нет, — возражаю я. — Я никогда не выделялся в классе. И всегда неплохо успевал по биологии.

— Что доказывает, что это был другой класс и другой мистер Шредер. Тот, чей брат-близнец по-прежнему жив! Понимаешь?

Уиллоу говорит так быстро, что мне сложно переварить все сказанное. К чему она клонит?

Осознание ответа ударяет не хуже, чем картофелина в лоб.

— погоди, ты считаешь, что я из другой вселенной? — поверить не могу, что я только что вслух произнес это. — Из той вселенной, о которой упоминал мистер Шредер?

Но вместо того, чтобы рассмеяться надо мной, Уиллоу вскрикивает:

— Да! Из вселенной, где твои родители развелись, но твоего брата не парализовало, и где все зовут тебя Кэллум!

Слушая ее, я ощущаю странно покалывание во всем теле. Оно напоминает мне о том, как однажды мистер Шредер объяснял нам, что все мы приходим из частичек взорвавшихся звезд.

Как бы правдоподобно это не звучало, я все равно не в состоянии поверить в это. Потому что вовсе не чувствую себя особенным. Взорвавшиеся звезды? Явился из параллельной вселенной? Я же просто подросток, ничего более. Подросток, который упал в водопад Кристал Фоллз. Во мне нет ничего необычного.

— Если это правда, то как я попал сюда? — спросил я. Но на сей раз я не торможу — мне даже не нужно слышать ответ Уиллоу, который она кричит мне прямо в ухо.

Водопад.

Должно быть, я прошел сквозь него, когда упал в воду. Когда достиг дна.

— Но, если я не отсюда, если я на самом деле пришел откуда-то из другой вселенной, разве это не означает...

Я замолкаю на полуслове, и прижимаю телефонную трубку к груди. Уиллоу говорит что-то, но я уже не слышу ее. Я не слышу ничего, кроме тока крови в ушах. Я понимаю, что доказательство всему находится всего на расстоянии небольшой пробежки отсюда.

— Уиллоу, мне пора идти, — говорю я девушке.

— Нет, Кэл, стой!

Но я вешаю трубку.

Подойдя к шкафу, роюсь в хранящемся там хламе. Телефон снова звонит, но я не обращаю на него внимание, отец тоже не снимает трубку. На пол летят кроссовки, мячи, спортивная форма, и прочие вещи, которые я впервые вижу.

Наконец-то я нахожу то что искал. Эту битую я вижу впервые, просто обращаю внимание на то, что она деревянная, с выжженной на ней надписью «*Slugger*». (*Примеч. переводчика Slugger — бейсболист, обладающий сильным ударом*)

Впрочем, это не играет никакой роли. Дерево или алюминий, бита есть бита.

Бита вполне достойное оружие.

Надевая кроссовки, я не отвечаю отцу, когда он требует сообщить ему, куда я

направляюсь и почему не снимаю трубку телефона, который продолжает трезвонить.

Вместо ответа, я натягиваю куртку и выхожу на улицу в ночь.

Мне не терпится добраться туда как можно скорее, но я решаю не бежать. Мой пустой желудок урчит от голода, а мне понадобится вся моя энергия. Надеюсь, мое тело поработает сверхурочно, компенсируя весь тот адреналин, который я сжег за неделю. Или вся энергия иссякла?

Я сворачиваю к кемпингу, мысленно радуясь, что светит луна, поскольку фонарик взять я не догадался. Дорогая напоминает холодную голубую реку, берега которой заросли высокой густой травой, и идти по ней легко. Тем не менее, дорога все же небезопасна, поскольку несколько раз я попадаю ногой в незамеченные рытвины, чуть не вывихнув при этом лодыжку.

Я дохожу до убогого трейлера Гайза, но его ржавый пикап перед ним не вижу. Из-за штор трейлера пробивается голубоватый свет. Я заглядываю в щелку и вижу, что Гайз дома. Он пьет виски и смотрит телек, и голова у него болтается, как будто он уже навеселе. Двинувшись дальше, я испуганно вздрагиваю от того, как громко он харкает. Надеюсь он воспользовался мусорной корзиной.

От представленной картины сводит желудок. Похоже адреналин еще сохранился, потому что он начинает растекаться по венам, вынуждая сердце биться быстрее, и я ускоряю шаг. Но мне все равно следует быть осторожным — надо идти медленнее и стараться делать это как можно тише. Последнее что мне сейчас нужно, чтобы Гайз услышал что-то и вышел из трейлера.

С другой стороны, он пьян в хлам. Никуда вроде бы не собирается. Странно, что его пикапа нет на месте.

Лунный свет не освещает трейлерный парк, поэтому тут гораздо темнее и сложнее ориентироваться. Несколько раз я натыкаюсь на препятствия — деревья, столбы, даже в стенку трейлера уперся — и постоянно отбиваюсь битой от невидимых мне объектов. Я даже умудряюсь споткнуться о пластмассовую скамейку и приземлиться на четвереньки в холодную грязь. Ниндзя из меня никакой. Но мало-помалу глаза начинают привыкать к темноте, и я реже натыкаюсь на предметы, постепенно продвигаясь по маршруту, который помню.

В одном из трейлеров горит свет. Это тот самый трейлер, где меня избил Абажур. На сей раз перед ним припаркована машина, довольно новая модель. Подобравшись ближе, я узнаю наклейку на заднем бампере.

СИГНАЛЬ НА ЗДОРОВЬЕ, Я РАЗГРУЖАЮСЬ!

О, нет, это Росс. Да вы издеваетесь?

Хотя стоп. Мне же не нужно здороваться с ним. Мне просто нужно увидеть его лицо, ну, этого парня в капюшоне, своими собственными глазами. Тогда я буду уверен, что это он. И тогда уже можно предпринимать что-то по этому поводу. И что именно я намерен предпринять? — спрашиваю я сам у себя. Расскажу родителям? Если все это правда, то они мне чужие люди. Пойду в полицию? Так и вижу их реакцию, особенно принимая во внимание, что они итак считают, что я убил одноклассника.

И тут я понимаю, что у меня есть еще один повод для волнений. Если я не отсюда, и меня здесь быть не должно, то кто хватится меня, если я исчезну?

Судя по тому, что мне известно об этом парне, он, несомненно, псих. А еще у него есть пистолет, и скорее всего это он убил Нейла. Кто знает, что он выкинет?

Внезапно бейсбольная бита перестает казаться такой уж успокаивающей защитой.

Некоторое время я смотрю сквозь щелку в занавесках. В трейлере все тихо — ни движения, ни теней — и ни единого звука. Я вспоминаю, как в своем трейлере кашлял мистер Гайз — мне казалось, что он стоит прямо у меня за спиной.

Из чего следует, что в этом трейлере никого нет. Или тут никого нет, или они спят. С включенным светом.

А как же машина Росса? Что-то не сходится. Как бы то ни было, все равно нужно заглянуть в трейлер. Мне нужно понять есть ли там какие-то знаки недавней деятельности. Ведь я ради этого и пришел сюда. Так что сейчас возьму и загляну внутрь.

Я нажал на ручку. Дверь снова оказалась не заперта. Я поколебался, вспомнив, что в прошлый раз мне в итоге не очень повезло — меня страшно избили. Но все равно открыл ее. И поднялся по ступенькам внутрь.

На сей раз я начеку — расколю башку любому, кто подойдет ко мне. А уже после разгадаю все шарады и задам все вопросы.

Но в моих потных ладонях, бита словно маслом смазанная. Один взмах, и я вероятно вырону ее. И в этой дикой тесноте, этот единственный удар выйдет не особо впечатляющим.

Именно в это мгновенье я вижу абажур с двумя темными прорезями, в которых пылают ненавистные пламя. Я в ужасе отпрыгиваю, сжав в руках биту так, как обнимал бы плюшевого мишку.

Это просто лампа, понимаю я, которая отбрасывает тень. Сдавленно хихикнув, я расслабляюсь. Но тут мой взгляд падает на пол, и я вижу Росса.

По крайней мере, мне кажется, что это Росс, судя по его росту и массе тела. И имени, вышитом на его рабочей форме.

Его лицо не подтверждает его личность. Оно напоминает вогнутую тыкву, которую сбрызнули красной краской. Я застываю от ужаса, и из горла вырывается крик.

В это мгновенье к трейлеру подъезжает автомобиль, ослепив меня фарами через окно. Машина тормозит прямо возле двери. Мне слышно, как распахивается дверь, затем раздаются шаги. Не в состоянии пошевелиться, я беспомощно стою на одном месте. Обернувшись, я вижу, что в дверях стою я же и качаю головой. Такое впечатление, что я смотрюсь в зеркало, правда, волосы у моего отражения сальные и одет я в куртку «Крокодилов».

— Давай, давай, включай мозги. — Бейсбольная бита с грохотом падает на пол, а я успеваю поймать рулон полиэтиленовой пленки. — Раз уж ты здесь, так помоги мне все тут прибрать.

— Что? — отзываюсь я. Я разговариваю сам с собой. Похоже на сон. Точнее кошмар, и я не в состоянии проснуться.

— Помоги мне убрать это, — раздраженно повторяет моя копия, и с застывшим лицом протискивается мимо меня. — Это проблема такая же твоя, как и моя.

— А?

— Ублюдок пытался убить меня, — сообщаю я — точнее другой я — подходя к телу. И этот другой я носком кроссовки пинает руку Росса, которая падает на пол. В руке зажат крупнокалиберный пистолет. — Должно быть поехал за мной, когда я взял машину Гайза и поехал на заправку за продуктами. У нас со старым ублюдком договоренность. Или по крайней мере была договоренность. Но раз Росс теперь труп, даже не знаю, как мне черт возьми, выполнить свою часть сделки. Есть идеи? У тебя есть деньги?

А я просто стою с отвисшей челюстью. Запах пота в трейлере становится непереносимым. Не припоминаю, чтобы от меня когда-нибудь так разило.

— Плевать. Мы что-нибудь придумаем. Вообще нам повезло, что Росс не приперся к нам домой — иначе он мог застрелить и мать тоже. Он давно ждал подходящей возможности, и сейчас она у него была, ведь Гайз пьян в стельку и не услышал бы выстрел. Мудак набросился на меня — тихо подъехал к двери, не включая фары и все такое.

Я наблюдаю, как другой я отвинчивает крышечку бутылки с газировкой и делает глоток. Вода шипит, когда он ставит бутылку обратно на стол.

— Но тебе пришлось отвалить первому, не так ли здоровяк? — обращается моя копия к трупу. — Как жаль, что ты владеешь пушкой не так ловко, как ртом. Ах да, и, кстати, насчет наклейки на твоих номерах? БИ-БИП! БИ-БИП!

И я вижу, как другой я корчится от смеха над собственной шуткой. Да он чокнутый. И тут мной овладевает ужас от вида тела с простреленным лицом. Ощущая рвотные позывы, я бросаю рулон пленки и мчусь к туалету.

И едва успеваю вовремя.

— Ладно, ладно. Знаю, что это тяжело, — слышу я свой собственный голос, когда рвота заканчивается. — Слушай, я прикрыл его полотенцем, так что теперь все не так плохо. Давай выходи оттуда.

Но я даже не пошевелился. Обливаясь потом, я стою в ванной. Все мысли и абсолютно все чувства вызывают невероятную тошноту. Я не хочу выходить из туалета. Может быть, мне и не нужно этого делать. Может можно просто запереться тут.

Но с этим решением я опоздал. Дверь распахивается и меня рывком поднимают на ноги.

— Я же сказал — выходи. Хватит нюни распускать. Мы тратим время впустую.

И вцепившись в воротник, он тащит меня обратно в гостиную. Бросив взгляд на Росса, я вижу, что его лицо действительно прикрыто полотенцем, в центре которого быстро расплывается красное пятно.

— Ага, по твоему лицу вижу, что ты жаждешь узнать, каким боком это и твоя проблема тоже? Представь себе, что он пристрелил меня и закопал в какой-нибудь яме. Затем он садится в машину и, проезжая по Мейн-Стрит, видит тебя. И как, по-твоему, что он предпримет? Он придет за тобой, может даже к тебе домой, что означает, что мама, а может и отец тоже получают пулю, а может даже и Коул, чтобы все выглядело так, как будто орудовал какой-нибудь маньяк. Так что тебе стоит поблагодарить меня. Я спас тебе жизнь, дружище. И, вероятно, жизнь нашей семьи.

— Вообще я собирался порубить его на мелкие куски. Сомневаюсь, конечно, что справился бы с этой задачей, а судя по звукам из сортира, так ты еще хуже, чем я.

— Поэтому я решил, что мы просто завернем его в полиэтилен, и выбросим в водопад вместе с пистолетом. Шанс, что тело найдут довольно велик, но пушку им уж точно не найти.

Я наблюдаю, как другой я забирает пистолет из руки мертвеца и с удовольствием рассматривает его.

— В любом случае, у нас более новая модель, в которой больше патронов. Так что у нас полный порядок.

Я неверяще смотрю, как моя копия ставит пистолет на предохранитель и запикивает его за пояс джинсов. А тем временем из кармана куртки у него торчит рукоять пистолета 45 калибра.

Другой я делает еще один глоток газировки и громко рыгает.

— Не думаю, что двигать его будет так уж тяжело, — заверяет меня он. — В кузове его грузовика есть тачка с ремнями. Мы поднимем его наверх, сбросим в водопад, а затем вернемся сюда и все тут тщательно приберем. Я купил тряпье и дешевый отбеливатель. К тому времени, как мы закончим, все уже должны будут спать, и мы спокойно припаркуем грузовик Росса на шоссе. Дело сделано.

Я по-прежнему ощущаю себя как в кошмарном сне, как будто все это понарошку.

— Ты кто? — спрашиваю я.

Другой я смеется.

— Разве я не задавал тебе точно такой же вопрос? Насколько я понимаю, я улучшенная версия тебя. Или ты мега унылая версия меня. В любом случае, давай приступать.

Я заметил, что мой голос несколько отличается от голоса другой версии меня, который скорее напоминает мой голос в записи. Полагаю, в этом есть своя логика — человек никогда не слышит свой голос таким, какой он на самом деле.

— Что случилось с Нейлом Парсоном? — задаю я следующий вопрос. — Ты убил его?

Я в куртке «крокодилов» резко разворачивается и сердито зыркает на меня.

— Я не убивал Нейла, — цедит он сквозь стиснутые зубы. — Но да, он мертв, думаю, это уже понятно.

— Что ты с ним сделал?

— Ничего! — раздраженно вздыхает второй я. — Мне просто хотелось напугать его, и все, заставить его держать рот на замке. Поэтому я отвел его к водопаду, где и планировал его припугнуть. Но он вырвался и побежал по мосту обратно. Все было скользкое после дождя, и он поскользнулся. Черт, до сих пор не могу понять, как у него это вышло, но он проскочил под перилами. Я хочу сказать, Нейл, придурок, да вцепись ты уже во что-нибудь, чувак! Но он же был тощий и неуклюжий. Вот так все и произошло. Я даже не слышал, кричал он или еще что-то. Плюх. И нету.

Другой я трет ладонями лицо, затем тяжело вздыхает.

— Я запаниковал, испугался, что кто-то видел нас вместе. И не зря, потому что кое-кто все же видел. Брайс, верно? Мне показалось, что я видел мелкого засранца, когда шел обратно. Поэтому я решил залечь где-нибудь на ночь, на случай, если придется удариться в бег. Я вскрыл трейлер и уснул там, а утром меня там застукал Гайз. Я убежал и прятался в лесу весь следующий день, постоянно присматривая за рекой. Само собой в итоге приехали копы и медики.

Но вместо того, чтобы выловить Нейла, они вытащили из воды другого парня. Тебя.

— Я подобрался достаточно близко и видел, как медики укладывают тебя на носилки. Да я глазам своим поверить не мог. Сначала думал, что съехал с катушек. Но позже я видел тебя в больнице, пока ты лежал без сознания. Копия меня. Я следил через окно.

— И тогда в комнату вошел Брайс. Кто бы мог подумать, что этому хлюпику хватит смелости? Ах да, кстати, можешь и за это меня поблагодарить, ведь это я спугнул его. Да, я тогда дико разозлился. Хочешь играть грубо, засранец? Ну, так я покажу тебе как. Но он, должно быть, сбежал, через черный вход, потому что я его упустил. Ну а позже... в общем, не думаю, что способен убить кого-то. По крайней мере, намеренно.

— Как бы то ни было. Брайса я напугал, и он теперь держит рот на замке, что очень хорошо. Нам больше не нужны трупы. С Нейлом нам вообще повезло — водопад поглотил его. Не думаю, что его тело когда-нибудь обнаружат. И надеюсь, что с Россом у нас

получится аналогично.

Слушая его разглагольствования, мне все легче и легче принять, что этот парень не я. Его лицо, светящееся от какой-то нездоровой гордости, скорее кажется чужим, нежели знакомым. Я вижу его звездой «Крокодилов», он бежит, передает пасы и обманывает других подростковых монстров, а на его лице светится точно такая же самодовольная ухмылка, что и сейчас. Даже стоя над трупом и разворачивая огромный пакет, он кажется счастливым и уверенным в себе.

— В общем, я подумал, — продолжает разглагольствовать он, — что мы вдвоем можем таких делов наворотить, понимаешь, ну с учетом нашего преимущества. Кароче, сейчас нам нужно решить вопрос с жильем, потому что я не собираюсь до конца своих дней прозябать в трейлере, но если ничего не получится, то мы могли бы составить график и жить тут по очереди. Будем меняться местами, одну неделю дома, одну — тут, ну или как решим. Нам придется вести себя осторожно, нельзя, чтобы нас заметили в двух местах одновременно, что очень легко может произойти в таком

— А если разыграем карты, то справимся и с более серьезными вещами. Будем бабки грести лопатой. У нас двоих столько всяких возможностей! А если нам понадобится алиби, один из нас устроится где-нибудь, где будет куча свидетелей. Тем временем второй наденет маску и вломится в банк или в ювелирный, или еще куда-нибудь.

— Так и будем жить пока нам не исполнится восемнадцать, и мы не свалим отсюда и не найдем жилье. Потому что, не знаю, как ты, но я хочу убраться отсюда. И, если ты включишь мозги, то поймешь, что именно в большом городе преимущество того, что один из нас не существует раскроется в полную силу.

— И пока у нас будет общая социальная жизнь, мы будем делиться. Знаешь что? Можешь трахнуть Айви, если хочешь. Мне нет дела до этого! Пока она думает, что это я, никаких чувств к тебе она не будет испытывать. Так будет честно, я делюсь с тобой, а ты в ответ делишься со мной своими телками. Кстати, что у тебя с этой темноволосой малышкой из оркестра? Она хороша?

Теперь разозлился уже я. Я схватил бейсбольную битку, лежащую у моих ног.

— Только подойди к Уиллоу! — рявкнул я, готовый разможжить ему голову. — Я серьезно! Я не собираюсь заниматься тем, что ты мне тут расписал! Ты меня понял?

Лицо у другого меня вытянулось, а затем в одно движение он выхватил пистолет Росса. Дуло оказалось ровно на уровне моего лба, как раз удачно помеченного ровно в центре большим синяком.

— Я рассчитывал, что ты окажешься умнее, Кэл. Ведь ты же моя копия, в конце концов. Ну сам подумай. Если ты не согласен с моим планом — а он же суперский, согласись, — то какая мне от тебя польза? Ты снова становишься парнем, который испоганил мне жизнь даже хуже, чем я сделал это сам, а я, поверь мне, хорошо постарался.

— И если ты мне бесполезен, то что? То я хочу свою жизнь обратно, Кэл. Хочу свой дом, свою комнату, свои вещи, и сильнее всего свою душевую и стиральную машинку, хочешь верь, хочешь нет. Я хочу все это достаточно сильно, чтобы пришить тебя. Понимаешь?

Я его понимаю. Прекрасно понимаю.

— Я сказал тебе, держись подальше от Уиллоу! — проорал я в ответ.

Другой я даже не вздрогнул. Он выглядел так, словно готов нажать на курок и пустить мне пулю в лоб, если я сделаю еще один шаг в его сторону. Но я не сделал этот шаг.

— Если это так важно для тебя, так и быть, — в итоге сказал он и опустил пистолет. — Серые мышцы в любом случае не в моем вкусе. Но тогда и ты забудь про Айви, я серьезно. И вообще, хватит сейчас про это, давай уберем тут все. Надеюсь, мне не нужно напоминать тебе, что по всему трейлеру твои отпечатки пальцев? Что-то мне подсказывает, что они у тебя такие же, как мои.

Я бросил взгляд на тело Росса — полотенце пропиталось кровью. В голове мелькнула мысль, что по крайней мере теперь женщины Кристал Фоллз в безопасности от его нежелательных предложений. Тут у меня снова начались рвотные позывы и, выронив битую, я согнулся чуть ли не пополам.

— Да ну твою мать, — выдал другой я. — Ты как девчонка. Иди лучше к грузовику и принеси тачку. Я сам его упакую. Нам нужно действовать!

Задыхаясь, я прижался потным лбом к стене.

— Ты меня вообще слышишь?

Я кивнул.

— Тогда за дело!

У меня закружилась голова, и, спотыкаясь, я вышел из трейлера.

ГЛАВА 19

Свежий воздух слегка помог мне, но тошнота все равно не прошла. Я неуклюже взобрался на бампер грузовика и запрыгнул в кузов, оцарапав ногу обо что-то острое. Несмотря на свет, льющий из окна трейлера, в кузове было темно, и я ничегошеньки не видел. Каждый предмет, который мне удавалось найти, оказывался в итоге каким-нибудь инструментом с лезвием, которым я и оцарапался.

Что я делаю? Я должен бежать. Я выбрался из трейлера. Свободен. Я просто могу убежать и все. Но я слишком боюсь. Боюсь этого человека, который выглядит как моя точная копия и говорит точно так же как я. Он уничтожит меня, в этом я не сомневаюсь.

Я могу спрятаться. Но тут мне в голову приходит, что тогда он все равно займет мое место. С горячим душем и сменой белья, и никто не заметит разницы. Потому что в этом мире между нами нет никакой разницы.

Он — Кэл, которого все знают. Кэл, которого все боятся.

Страх единственная причина, по которой я ощупываю темное дно кузова грузовика, пытаюсь найти среди кучи хлама тележку. Когда мне удастся найти ее, та оказывается на удивление тяжелой. Я с трудом приподнимаю ее до уровня борта кузова и сбрасываю вниз. Главное, что у меня получилось. Стальная конструкция, громко звякнув, падает на землю, а я спрыгиваю следом.

На колесах тележку передвигать гораздо легче, поэтому я довольно быстро поднимаю ее по лестнице трейлера, таща по ступенькам за собой. К моему приходу, другой я уже успевает завернуть тело в полиэтиленовый мешок и теперь закрепляет его с помощью клейкой ленты.

— Чем не рождественский сочельник? — спрашивает он с улыбкой. — Интересно, что бы сказал ребенок, обнаружь он такой подарочек под елочкой рано утром...

Черный юмор, который когда-то давно нравился нам с Брайсом теперь кажется мне совершенно идиотским. Ощущая, что на меня накатывает новый прилив тошноты, я наблюдаю, как другой я заканчивает свою работу, зубами перекусив край клейкой ленты.

Он велит мне подтащить тачку к телу, и я подчиняюсь. Затем он хочет, чтобы я помог ему поднять на нее труп. Я в полной мере осознаю, что означают слова «*мертвый груз*», только когда мы пытаемся приподнять тушу Росса с пола. Мы стараемся затянуть его на

тележку, но она переворачивается и валится на пол, утягивая следом и нас.

Несуразная ситуация, но в итоге нам все же кое-как удастся взвалить тело на тележку.

— Да помоги же подтянуть его повыше! — рывкает на меня другой я. — Ноги, ноги, идиот! Затаскивай их на платформу. Вот, вот так. Теперь давай закрепим его тут хорошенько.

С горем пополам мне удастся выполнить свою часть работы, правда, я постоянно вынужден повторять себе, что все это не взаправду, что в этом пластиковом мешке не может быть тела человека. Я убеждаю себя, что там просто большой кусок говядины, который необходимо поместить в холодильник до того, как он испортится. Но тут в желудке снова поднимается буря, и я понимаю, что как бы эта картина не сделала хуже.

Как только тело надежно закреплено на тележке, мы наклоняем ее под углом в шестьдесят градусов.

— А теперь с дороги! — кричит другой я, схватившись за ручки. Я не мешаю ему толкать тележку к двери. — Точнее иди на улицу и помоги спустить ее с лестницы. Будет проще спустить его, если он будет как на носилках, чем скатывать его по ступенькам.

И хотя так может и проще, на деле все вовсе не проще. Принимая во внимание вес тяжелой тележки, все вместе весит не меньше ста килограмм, и лично мне кажется, что большую часть веса несу именно я. Да я в жизни с такой задачей не справлюсь.

Ступени протяжно скрипят, когда я роняю свой конец ноши. К счастью, покотившийся вниз по ступеням труп, не сшибает меня с ног.

Боже, спасибо тебе за силу притяжения — дело сделано! Наш жуткий груз наконец-то вне трейлера и лежит себе спокойненько на земле.

— Идиотина! — кричит другой я с лестницы. — Какого беса ты бросил его?

— Я не бросал. Просто тело слишком тяжелое.

— Ясно, значит ты не только идиот, *но еще и* хлюпик. Ладно, давай двигаться. Показывай дорогу.

— Куда?

— К водопаду, тупица. Я же тебе все рассказал!

Моя копия оказался достаточно умен, чтобы заpastись фонариком, который он и вручил мне. Я включаю его и ищу тропинку. Вскоре я обнаруживаю покрытую грязью тропку. Правда, я не знаю в какую сторону по ней идти.

— Налево, гений, — подсказывает другой я. — Ты что ни разу не ходил этой дорогой к водопадам?

Полагаю, что не ходил. Я всегда робел, проходя мимо гостей кемпинга к южному краю водопадов, где пешеходный мост соединяется с северной частью города. Пару раз я пытался срезать путь, возвращаясь из другой части города. Но мне их хватило с головой. Мост мне никогда не нравился. Я хожу по нему только когда меня заставляют другие, вынуждая подавить страх. Мне он всегда казался небезопасным. Впрочем, он такой и есть, и Нейл доказал это на личном опыте. Я не раз говорил, что щель под нижним брусом перил слишком широкая, но Коул только смеялся надо мной.

— Если прилагать усилия, чтобы вывалиться отсюда, то падение будет заслуженным, — частенько говорил он.

Но Нейл вовсе не заслужил столь ужасную смерть. Это был несчастный случай.

Голос моей копии звучит так, словно ему совсем нелегко катить тележку с Россом по ухабистой, заросшей тропке к водопаду. Он кряхтит и обливается потом, но помочь не

просит. Просто продолжает орать, чтобы я держал фонарик повыше, и он мог видеть куда ступает. Так странно слышать собственный голос — мрачный и пугающий, словно плеть, бьющий меня по спине. Поэтому, когда мы добираемся до водопадов, я уже вымотан. Обернувшись, я вижу, что другой я выглядит еще более вымотанным. Он весь пропотел, и теперь от него воняет, как от скунса.

Как ему удастся выносить собственную вонь? Ведь у него наверняка такой же отменный нюх, как у меня, если уж на то пошло.

— Да не свети мне в лицо! — орет он на меня. — Господи, как же ж тяжело-то было. Дай мне минутку.

Я выключаю фонарик и жду. Стоя возле ступеней, ведущих к мосткам, я пытаюсь отключиться от ужасающего рева водопада, но у меня не выходит. Я ничего мощнее и громче в жизни не слышал. Ничто в мире не способно заглушить этот грохот, ну кроме разве что землетрясения или ледникового периода.

— Короче, я почти без сил. Придется тебе помочь мне затащить его наверх по ступенькам.

И вот плечом к плечу, я стою с ним — своим близнецом, дублером, точной копией — и втаскиваю вверх по ступенькам тележку с трупом.

— Не останавливайся, — велит мне он, когда мы добираемся до мостков.

— Идем к центру, — и мы продолжаем тащить тело Росса. Из-за тяжелой ноши мостки раскачиваются сильнее обычного и это просто невыносимо. — Все, тормозим тут.

Мы останавливаем тележку прямо напротив перил. В осеннем небе ярко светит луна и в ее свете завернутое в полиэтилен тело здорово смахивает на мумию. Я вижу свет фар проезжающей по мосту машины. Могут ли нас увидеть с такого расстояния? Понятия не имею.

Мой двойник вытаскивает из кармана пушку и без единого слова швыряет ее в водопад.

— Так, если мы развяжем веревку, думаю, тело само перевалится через перила и улетит вниз, — излагает вслух свои мысли другой я. — Но, если что будь готов подтолкнуть его слегка. Как бы не пошло дело, не дай ему сползти на мостки; Будет совершенно лишним потом его поднимать к перилам и переваливать через край. Не знаю, как ты, а у меня сил совсем не осталось.

Мне не улыбаются оба варианта. Но я просто не в силах сопротивляться приказам моего чокнутого двойника. Поэтому я начинаю развязывать нижний ряд веревок, а он трудится над верхним. И уже очень скоро пластиковый кокон с безжизненным телом Росса начинает наклоняться вперед.

— Давай же! — кричит другой я. — Толкай! Толкай! Толкай!

Но я ничего не предпринимаю. Просто стою и наблюдаю, как он все делает сам. Много усилий и не требуется. Тело падает на перила и висит там практически перпендикулярно мосткам, что довольно забавно. А затем под весом собственной тяжести, оно наклоняется вперед и падает в водопад. Спустя секунду до нас доносится громкий всплеск — гораздо более громкий, чем от самого крупного брошенного вниз камня.

— Твою мать! — взвизгивает другой я, и в его голосе слышится восторг. — Ты это видел?

Но я как раз ничего не видел. Потому что был очень занят. Очень занят попыткой дотянуться до пистолета, рукоять которого торчала из штанов другого я. Он разворачивается, когда я снимают пистолет с предохранителя и целюсь ему в голову.

— О, да ладно, Кэл, ты чо, серьезно?

— Меня зовут *Кэллум*, говнюк.

— Да ты что? — смеется он. — Да мне насрать, даже если тебя зовут Дейв или Донни, или Дикси, потому что я знаю, что ты ни за что на свете не выстрелишь в меня.

— Даже так? — говорю я. На его лице такое самоуверенное выражение, что я ощущаю острую потребность всадить туда пулю. В его лицо — в свое лицо. Пушка в моих руках начинает дрожать.

— Вот и я про то, — выдает мой двойник, глядя на меня и улыбаясь. — Практически нереально застрелить человека, который выглядит так же как ты, правда, Кэллум? Я по опыту знаю. Иначе еще при первой встрече твои мозги украшали бы стены трейлера. Так что решишь? Вернешь пушку и будешь пайнкой? Или я ее у тебя сам отберу, но это будет чуток больно.

Мыслей ноль, я как-то не думал, что будет дальше. Я всегда считал, что если пушка у тебя, то игра окончена. Мой следующий шаг вполне очевиден. Если я пристрелю его, то стану единственным Кэллумом Харисом в этой реальности, что звучит довольно неплохо. Но что дальше-то? Я стану убийцей — на мне будет висеть смерть двоих.

Если я не пристрелю этого психа, то может случится кое-что похуже.

— Почему ты так себя ведешь? — спрашиваю я его.

— Чо? — выдает он, явно не ожидая от меня подобного вопроса.

— Почему ты так себя ведешь? Ты только что пристрелил человека и отпускаешь шуточки на этот счет, а затем просто швырнул его тело в воду, как пакет с мусором. Ты издевался над безобидным парнем и теперь он мертв. Ты бьешь людей, обманываешь всех в школе, крадешь дорогую выпивку, трахаешь чужую девушку. Вот я и хочу понять: почему ты так себя ведешь?

Мой двойник смотрит на меня, прищурился глаза.

— Почему я так себя веду? — переспрашивает он. — А почему бы и нет? Наш мир — просто несправедливая выгребная яма, и я объявил ему войну. Такой ответ тебя удовлетворит, старина? На себя посмотри. Теоретически ты должен быть моей точной копией. Поэтому я думаю, что твой вопрос на самом деле должен звучать так: почему ты не ведешь себя так, как я?

— Потому что мне нравится моя жизнь! — кричу я. — Потому что у меня хорошие друзья, и нам весело вместе. Потому что я люблю своих родителей и собаку. И потому что я люблю своего брата Коула, хоть он та еще задница, и вечно втягивает меня в неприятности, прямо как ты.

Другой я хмурится. Похоже он в ярости.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он втягивает тебя в неприятности? Он парализован!

— Нет, — поправляю его я. — Это у тебя брат парализован. Мой здоров, как бык. В аква-парке с ним ничего не произошло, потому что я пошел с ним наверх и убедил его не делать глупости. Вот что я постоянно делаю — стараюсь предупредить ситуации, в которых он может пораниться. Вот такая у меня задача!

Кэл, онемев, смотрит на меня. Его всего трясет. В лунном свете я вижу, что его глаза блестят от слез. Он больше не выглядит как крутой парень. Он напоминает сломленного мальчишку.

А я вот стою, нацелив на него пушку. И кто из нас теперь монстр?

Я не успел опустить пистолет даже на пару сантиметров, как Кэл вмазал мне прямо в челюсть. Я рухнул спиной на мокрые мостки. Затем раздался *лязг*, когда что-то коснулось металлической поверхности мостков.

Пистолет. Я уронил его. Но куда же он упал?

А, Кэл уже успел подобрать его. Я понимаю это, когда он вставляет дуло мне в рот.

— Что значит, ты пошел с Коулом наверх? — кричит он, перекрикивая ветер и рев водопада. — Что значит, ты остановил его? Мы не ходили наверх. Мы не останавливали его!

Но я уже не слушаю и не думаю о аква-парке. Вместо этого я мысленно снова оказываюсь на чердаке, где мой брат стоит на коленях и во рту у него дуло пистолета.

— Что ты творишь? — требую я ответа.

— Я? Ничего, — отвечает Кэл, убирает пистолет от меня, размахивая им так, будто это просто пульт от телевизора или какая другая безделушка.

— Где ты взял этот пистолет?

— Этот? — теперь он ведет себя так, будто удивлен обнаружить пистолет у себя в руке. — Это деда.

— Где ты нашел его?

— В чемодане. Я обнаружил его при переезде, когда нес вещи на хранение на чердак. Я решил покопаться в его вещах: в форме, в медалях, в письмах. Тогда и обнаружил пушку, завернутую в ткань в потайном отделении чемодана.

— Ты нашел пистолет и не рассказал о нем родителям? Почему?

— А сам как думаешь? Они бы сразу его отобрали, тупица.

— И ты просто спрятал его.

— Нет. Я просто положил его туда, где нашел, и где я смог бы найти его, если он мне однажды понадобится.

— Понадобится для чего?

— Ну кто знает? Серийные убийцы. Зомби. Да что угодно может случиться.

— Оглянись. Видишь поблизости маньяков или зомби?

— Да как бы нет, Кэл.

— Тогда почему в руках у тебя пистолет и почему ты тыкал им себе в рот?

Коул вздыхает.

— Ты задаешь слишком много вопросов, мелкий. А я сейчас совершенно не в настроении отвечать на них. Поэтому предлагаю тебе спуститься вниз и оставить меня в покое, пока я не вышел из себя.

— А что? — все равно спрашиваю я. — Пристрелишь меня, если я не уйду?

— Довольно вопросов! — свирепеет Коул. Он резко встает и ударяется головой об балку. — Черт! Из-за тебя ударился!

— Отдай мне пистолет, Коул!

— Еще чего. С тебя станется выстрелить себе в ногу. И тогда у меня будут неприятности, — улыбается он. Ему это кажется забавным.

— Дай его мне!

— И что дальше?

— Я отнесу его к водопаду и брошу вниз!

— Не глупи, — говорит Коул. — Это же личное оружие нашего деда, оставшееся после войны! Он носил его с собой в джунглях, пистолет служил ему защитой. Насколько мне известно, только благодаря этому пистолету отец и мы появились на свет. Это семейная

ценность!

— Если это такая ценность, то почему ты прячешь ее ото всех?

— Как я уже говорил, я не прячу ее. Он ровно в том месте, где я его и нашел. Я просто хочу убедиться, что он останется в семье, этот пистолет. Понимаю, что это должно выглядеть ужасно, но я просто дурачился.

— Коул, отдай его мне или...

— Или что, *Кэллум*?

— Или я расскажу маме с папой! — выпаливаю я.

— Ну *иди и расскажи!* — вопит на меня Коул. — К тому моменту, как они придут сюда, я уже буду мертв. Так что какая разница? *Иди и рассказывай!*

Я разражаюсь слезами. Точно так же я рыдал, когда мне было семь, а мой брат сообщал о намерении сломать то, что мне было дорого.

И, как и тогда, Коулу похоже плевать. Она опускается на колени и сжимает рукоять пистолета обеими руками.

— Ты, правда, будешь смотреть? — в итоге спрашивает он. — Я бы не стал. Но решать тебе. Только не говори потом, я не предупреждал тебя, — Коул поднимает пистолет и прижимает дуло к виску.

— *Коул!* — рыдаю я. — Ты хочешь наделать глупостей? Ладно, тогда я тоже! К черту все!

Я пулей лечу с чердака вниз по ступенькам, оставив его одного. Он не нажмет на пусковой крючок. До тех пор, пока не узнает, что я задумал. Я знаю его слишком хорошо.

— Кэл! — слышу я, как раз перед тем, как захлопнуть за собой входную дверь.

Брат находит меня в гараже, где я приставляю лестницу к балке. Я бросаю на него взгляд и похоже, что пистолета у него уже нет.

— Кэл, что ты делаешь?

— Достая спасательный жилет.

— Зачем?

— Затем, что мне нужен спасательный жилет, тупица, — отвечаю я, залезая на самый верх стремянки. — Зачем же еще?

— И для чего он тебе?

На сей раз я не отвечаю. Я хватаю ближайший ко мне оранжевый спасательный жилет и швыряю его вниз, намеренно целясь в брата.

— Промазал.

— Черт.

Спустившись вниз, я подбираю жилет, и молча выхожу из гаража.

— Кэл, что ты задумал? — зовет меня брат. — Если отец увидит, он взбесится, что ты не убрал стремянку на место, ты же знаешь.

— И что?

— И ты будешь наказан.

— Ну, тогда поставь ее на место, если так боишься. А я занят.

— Чем занят?

— Я же сказал, — бросаю я через плечо. — Тоже пойду глупостей наделаю.

Я быстрым шагом иду по подъездной дорожке к шоссе, по пути натягивая жилет, чтобы не нужно было его нести. Должно быть, я выгляжу смешно, потому что вижу улыбающиеся лица, проезжающих мимо водителей. Но пусть они катятся к черту. Пусть все катится ко

всем чертям.

Коул идет за мной следом, держась метрах в пятнадцати позади. Периодически он окликает меня по имени, но в итоге сдается и просто продолжает следовать за мной. Начинает накрапывать, но мне все равно. Я не останавливаюсь. Коул тоже.

Мы идем по той дороге, где я обычно выгуливаю Джесс, вдоль поля, где я бросаю ей мячик. Затем пересекаем площадку кемпинга, которая сейчас пуста, за исключением парочки крутых ребят, которые бросают любопытный взгляд на нас, когда мы проходим мимо. Должно быть тот еще цирк: темным вечером по дороге идет беззвучно рыдающий мальчик в спасательном жилете, а за ним следом идет его старший брат.

В конце кемпинга, я сворачиваю на тропинку, ведущую к водопадам. Она хорошо протоптана, почти как овражек, вьющийся через лес. Я уже устал идти так быстро. Но если сброшу темп, то будет похоже, будто я утратил решимость. Поэтому я наоборот ускоряю шаг. Брат вздыхает и тоже прибавляет шаг.

— Ну, все, Кэл. Хорошо уже, — говорит он, когда я достигаю ступенек, ведущих на мостик. — Всему есть предел. Что ты пытаешь доказать?

— Я ничего не пытаюсь доказать, Коул, — возражаю я. — Я кое-что делаю.

— И что ты делаешь?

— Я тебе уже пять раз сказал! — кричу я на брата. — Кое-что глупое!

И именно в этот момент я начинаю затягивать ремешки жилета, который, судя по написанному имени внутри действительно принадлежит мне. Я слегка вырос с тех пор, как надевал его последний раз, поэтому никак не могу защелкнуть их. Я втягиваю живот и каким-то образом мне все же удается застегнуться, и я продолжаю свой путь на мост.

Брат идет следом.

— Ладно, теперь мне даже интересно, — сообщает он, повысив голос, чтобы перекричать рев водопада. — Какую же глупость ты задумал? Ну, помимо этой идиотской прогулки.

— Я собираюсь прыгнуть в водопад, Кэл.

Коул начинает ржать.

— Да ты что?

— Да, представь себе.

— Собираешься свести счеты с жизнью.

— Этого я не говорил, — поправляю я его. — Я только сказал, что я собираюсь сделать какую-нибудь глупость.

— Оу. Ты для этого спасательный жилет надел?

— Именно, Эйнштейн.

— И ты считаешь, что жилет спасет тебя после того, как ты сиганешь в водопад?

— С жилетом лучше, чем без него, это факт.

— Ну, ты подумай хорошенько. Ты ж убьешься, кретин.

— Не думаю, — отвечаю я. — Думаю у меня больше шансов выжить, прыгнув в водопад, чем, если бы я выстрелил себе в голову.

— Согласно статистике, Кэл, я бы не был так уверен в этом.

— Что ж, вот и проверим.

Мне всегда не нравилось брать брата на слабо. Я вечно проигрываю. Думаю, что чаще всего так случалось в связи с его решением запугать меня, чтобы я не мешал ему.

И тут не играло роль, что он ехал на скейтборде, а я на велосипеде — он никогда не

уваливал. Поэтому я довольно сильно нервничаю, когда перелезаю через мокрые перила и приземляюсь по ту сторону моста. Но я сразу же понимаю, что выиграл. Я слышу это по голосу Коула.

— Кэл! — орет он. — Это уже не смешно! Прекращай дурить!

— А никто и не говорил, что будет смешно, — говорю я, как можно более спокойным голосом, несмотря на то, что внутри все дрожит, а сердце грозит выскочить из груди. — Предполагается, что это будет глупость. Так что не подходи ближе, иначе я спрыгну.

— Кэл, прекращай! Я серьезно!

— Нет.

— Ну, пожалуйста, — умоляет он. — Ты доказал, что прав.

— Правда? — уточняю я, прижавшись к перилам спиной. Метал такой холодный, что пальцы жжет. — Потому что я хочу доказать, что, когда я спрыгну, ты очень об этом пожалеешь. И будешь мечтать, вернуть все вспять и вести себя иначе, чтобы случившееся никогда не произошло, — я наклоняюсь еще немного назад. — Но как по мне, что бы ни случилось, все закончится быстро. Может быть, я выживу и стану самым популярным подростком в школе. А ты будешь моим свидетелем. А если нет, что ж, это все твое чертово уп...

Именно в этот момент мой кроссовок поехал по скользкому металлу.

~~~

Удар по лицу я получил не так быстро, но я его и не ожидал. А когда мне в лицо уперлось дуло пистолета, было даже не столько страшно, сколько больно.

— Откуда ты пришел? — требовал объяснений другой Кэл, дергая меня за волосы и еще сильнее прижимая пистолет к моему лицу. — Где это с моим братом все в порядке?

— Не знаю, — честно сознаюсь я. — Я пытался преподать ему урок и упал с моста. Потом я очнулся здесь. Вот тогда все это и началось.

Но Кэла мои объяснения не удовлетворяют, ни на йоту.

— Расскажи мне все, придурок, или, клянусь, вышибу тебе мозги прямо здесь, прямо сейчас. Сегодня вечером на этом мосту все должно проясниться. Ты меня понял? Все должно проясниться.

— Я знаю, только, что мистер Шредер — наш бывший учитель физики, думает, что где-то существует некая параллельная вселенная, та, где его брат жив. Он сказал Уиллоу, что он собирается навестить его. В тот день, когда я следил за тобой в лесу, я видел его здесь. Он бросил какое-то устройство в водопад и сказал, что это послание. Это был металлический цилиндр с мигающей на конце красной лампочкой. Он сказал, что это сообщение, что он уже в пути.

Кэл задумался на секунду, затем радостно кивнул.

— Да, да, да! — Он резко дернул меня вверх и поставил на ноги. — Фонарик, — крикнул он, — где он?

— У меня в кармане. А что?

— Дай его мне!

Кэл нацелил пистолет мне в грудь, и я отдал ему фонарик. По-прежнему целясь в меня, он включил его и направил на перила.

— Ага! Вот оно! Смотри!

— Что там?

— Я считал, что старый пердун что-то ищет, какую-то отметку. Он нашел ее, как раз,

когда я прибежал сюда, прежде чем он узнал меня, я думаю. Не важно. Это должно быть то самое место!

Я перевожу взгляд на отрезок перил, на которые Кэл светит фонариком. На краске очень аккуратно нацарапана стрелка, указывающая вниз, в бушующие воды водопада. *Вниз*, дает она указание.

— Да это может быть что угодно, — предполагаю я. — Какой-нибудь ребенок игрался с гвоздем или еще что-нибудь. — Но и правда, чего только не нацарапано на краске — имена, маты, не говоря уже о вульгарных картинках. И, скорее всего, немалое количество надписей сделал мой двойник. Он не может воспринимать все эти рисунки всерьез.

— Но я видел его! — настаивает на своем Кэл, и выглядит очень довольным. — Он явно искал именно этот знак! Что подтверждает, что это нужное место!

— Место для чего?

— Для прыжка! — Ликует Кэл, и его глаза блестят от восторга. — Чтобы попасть в другую вселенную, о которой он говорил!

— погоди-ка секундочку. Мы точно не знаем этого, — предупреждаю я его. На самом деле сама эта идея начинает казаться мне сумасшествием, частично потому, что этот идиот купился на нее так быстро. — И мы не можем знать этого стопроцентно.

— Может и нет. Но мы можем провести отличную проверку, — предлагает Кэл.

— Проверку? Какую еще проверку?

Кэл поднимает руку. Черное дуло снова нацелено на меня в лоб.

— Прыгай, — командует он.

— Что? Нет...

— Прыгай там, где эта стрелка, Кэллум, — повторяет он приказ. — Прыгай в водопад, там, где велит стрелка или я пушу пулю тебе в лоб.

Колени у меня подкашиваются. Меня тошнит. Выбора у меня нет. Точнее я должен сделать его, или этот другой я, выберет за меня.

— погоди! — умоляю я его. — Это просто смешно. Даже если я прыгну, ты никогда не узнаешь точно, что случится со мной.

— Ты прав, — соглашается он. — Но кое-что я буду знать точно.

— Что?

— Что ты достаточно сильно поверил в эту чушь, чтобы испытать судьбу с чертовым водопадом. А теперь, на счет три тебе лучше спрыгнуть.

— Подожди. Стой!

— Раз.

— Кэл, послушай.

— Два.

— Кэл!

— *Три!*

— Нет! Нет! Нет!

ЭПИЛОГ

Что ж, давайте побыстрее покончим с этим.

Твердая материя, состоящая из повторяющегося трехмерного набора атомов, ионов или молекул, находящихся друг с другом на определенном расстоянии известна как:

а) кристалл

б) минерал

в) мертвая кошка.

Я выбираю вариант 3. Если ошибешься, то, по крайней мере, будешь выглядеть забавно, как я люблю говорить.

Совокупность всех известных материй и видов энергии, включая нашу планету, другие планеты, другие галактики, и огромную пустоту, иначе известную как космос — называют:

1) кристалл.

2) Вселенная

3) все та же кошка, правда, на сей раз живая и здоровая.

И я снова выбираю вариант 3. К черту проверку. К черту этот урок!

Шансы выжить, прыгнув в водопад, не единожды, а дважды равны:

1) несущественны

2) равны 0

3) довольно неплохи, если оба раза прыгать с одного и того же места.

Полагаю, мне снова стоит выбрать вариант номер *три*. Но только потому, что я надеюсь, что это правильный вариант.

К концу того дня мы с Коулом прилично обгорели на солнце, чему мама была совершенно не рада. Вообще не рада. Она раз сто напоминала нам, что необходимо регулярно мазаться солнцезащитным лосьоном, потому что тот смывается в воде, но нам не хотелось тратить время впустую. В аква-парке было слишком много горок, которые мы должны были опробовать. Поэтому мы просто сбежали, пообещав держаться в тени.

К тому времени, как мы собрались ехать домой — часы показывали без четверти пять — я чувствовал себя довольно паршиво. Кожу лица стянуло, а футболка плавилась на плечах. Мама выдала нам крем, которым мы намазались с ног до головы, так что отец начал жаловаться, что в итоге этот крем перепачкает заднее сиденье.

Но все равно, я испытывал счастье, пусть оно и пропахло кокосовым лосьоном от ожогов. Должен признать, что день выдался, просто отменный, несмотря ни на что. Вскоре я уже увлеченно играл в свою любимую дорожную игру: концентрировался на пятнышке грязи на окне и легкими движениями головы заставлял его перепрыгивать через проносящиеся мимо объекты — деревья, заборы, дома, сараи. Туннели и телефонные столбы не в счет, не в счет все, через что просто невозможно заставить пятнышко перепрыгнуть.

И хотя горки и бассейн были просто отличные, я все равно думал только об одной горке в парке. Ну, я не знаю, можно ли ее горкой назвать — скорее она напоминала гигантскую подвешенную в воздухе ванную, которая, предположительно, должна напоминать огромный гриб или что-то мультяшное. Приблизительно каждые пять минут, она полностью наполнялась и затем переворачивалась, выплескивая всю воду на тех, кто стоял под ней. Затем ванна принимала исходное положение и начинала снова наполняться.

Идея довольно проста — на тебя выливаются тонны воды — но ощущения при этом довольно острые. Так здорово ощущать, как накапливается предвкушение в стоящей внизу толпе, которые нет-нет, да бросали взгляд на соседа; все боялись, но в то же время смеялись и были счастливы, что остальные переживают точно такие же ощущения. Каждый, по крайней мере так казалось, лелеял слабую надежду, что на сей раз ванна не перевернется и мы будем спасены от приближающейся катастрофы.

Но, конечно же, спастись не удавалось никому, потому что ванная всякий раз переворачивалась. Огромные поток воды падали вниз с такой силой, что было почти

нереально устоять на ногах. Большинство людей падали, благодаря чему, эту ванну можно было назвать самым опасным аттракционом в парке, ну как минимум по количеству полученным синяков и ушибов.

Конечно же, Коулу он показался глупым.

— Стоять и ждать целых пять минут, пока на тебя выльется вода, — сказал он. — И это уже в третий раз, — добавил он, подняв три пальца и тыча мне ими в лицо. — Что в сумме составляет пятнадцать минут. Пятнадцать минут жизни, потраченных впустую, без возможности вернуть их обратно.

— *Лучшие* пятнадцать минут в моей жизни, — возразил я. — Придурок.

Коул не в состоянии понять большинство вещей, которые мне нравятся, и игра с пятнышком на стекле одна из них. Если он замечает, как я слегка наклоняю голову, сидя на заднем сиденье, он вечно тычет меня в плечо за это.

— Меня бесит сидеть тут рядом с огромной качающейся башкой. Завязывай.

Но в тот день Коул слишком устал, чтобы заметить игру. Я заглянул ему под солнцезащитные очки, чтобы убедиться, что он задремал. Он пребывал в этом состоянии, пока мы не подъехали к дому, и отец не растормошил его.

Мне всегда нравится наблюдать за выражением его лица, когда он просыпается. Оно такое растерянное и уязвимое, пока он не понимает, где находится.

Наверное, тот день был как раз тем самым мгновенье перед тем, как ванна переворачивается и выплескивает через край всю нашу семью. Я уверен в этом потому, что ощущал точно такой же страх следующим утром, когда мы приступили к упаковке вещей. Ощущение, что скоро на нас свалится что-то огромное, и нет никакой возможности остановить это. Правда, на сей раз, я не испытывал предвкушения. Мне все это не нравилось. Это было не смешно. Ни капельки.

Отец зашел в комнату и увидел, что я сижу на полу. Я выглядел довольно жалко, сидя среди своих вещей и кучи пустых коробок, которые я, вроде как, должен заполнить ими.

— Давай веселее, Кэллум, — сказал он. Когда я не ответил, Отец подошел ко мне и сел рядом на кровать. — Знаешь, иногда очень здорово сменить обстановку, — сказал он мне.

— Как так?

— Ну, если все всегда одинаково, то человек прекращает получать удовольствие от этого. И перестает ценить других людей. Поверь мне, сынок, этот переезд изменит твою жизнь так, как ты себе и представить не можешь. Просто потерпи немного и сам увидишь.

Ох, как же он оказался прав.

~~~

Трое мужчин бредут по ледяной реке. Эти трое вытащили меня на берег. По-настоящему я знаю только одного из них, но встречал двоих остальных тоже, и теперь мне кажется, что знаю всех трех одинаково.

— Здравьете, мистер Шредер, — здороваюсь я с первым мужчиной, хотя зубы стучат от холода. — Здравьете, мистер Шредер, говорю я второму мужчине.

— Ты знаешь этого парнишку? — спрашивает третий — тот ворчливый, которого я встретил в супермаркете. Уверен, это он.

— Здравьете, мистер Шредер, — снова повторяю я. — Так что за проблема была тогда с апельсиновым соком? — смеюсь я, потому что наконец-то вернулся. Вернулся домой.

Я прыгнул в водопад Кристал Фоллз и выжил. Дважды.

Больше книг на сайте - Knigoed.net